Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Горбунов Евгений Алексеевич

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА КАК ОБЪЕКТ ФИНАНСОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
доктор юридических наук, профессор
заслуженный юрист Российской Федерации
Грачева Елена Юрьевна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ И ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 21

§ 1. История появления и развитие цифровых денег 23

§ 2. Цифровые валюты в иностранных юрисдикциях 51

§ 3. Правовая природа цифровой валюты и цифрового рубля..... 81

ГЛАВА 2. ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В СТРУКТУРЕ ФИНАНСОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ 118

§ 1. Цифровая валюта центрального банка в системе финансовых правоотношений и ее влияние на функционирование банковской системы 118

§ 2. Цифровая валюта центрального банка в контрольно-надзорных финансовых правоотношениях 158

§ 3. Цифровая валюта центрального банка в финансовых правоотношениях по защите нарушенных прав..... 199

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 232

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 239

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Центральные банки многих государств работают над созданием цифровой валюты центрального банка как новой формы национальной валюты, которую выпускает непосредственно центральный банк. По данным опроса Банка международных расчетов за 2024 год, такую работу в той или иной форме ведут 91% опрошенных центральных банков. Центральный банк Российской Федерации (далее - Банк России) с 2021 года реализует проект цифрового рубля и за это время перешел от тестирования к расширению круга участников платформы. В условиях ограничения доступа российских финансовых организаций к международным системам расчетов цифровой рубль приобрел дополнительное значение как элемент суверенной платежной системы и возможный инструмент трансграничных расчетов.

Актуальность темы определяется несовершенством законодательства о цифровом рубле и цифровых валютах. Цифровой рубль включен в число объектов гражданских прав и в законодательство о национальной платежной системе федеральными законами от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ и № 340-ФЗ. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ №248) установил график, по которому кредитные организации и продавцы поэтапно обязаны подключиться к расчетам цифровыми рублями. С 1 сентября 2026 года действует Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» (далее – Закон о цифровых валютах). В Законе о цифровых валютах цифровая валюта определена как имущество (пункт 1 части 1 статьи 2), однако статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) осталась без изменений. Не решены вопросы о законодательном определении цифровой валюты центрального банка, о соотношении цифрового рубля с наличными и безналичными денежными средствами, о валютном контроле операций с цифровыми рублями, о разграничении цифровой валюты центрального банка и смежных цифровых объектов, об основаниях и мерах ответственности

за правонарушения. Основания и предельный срок приостановления доступа пользователя к платформе цифрового рубля федеральным законом не установлены, а функции Банка России как эмитента, оператора платформы и органа банковского надзора закон специально не разграничивает.

В науке единого подхода к цифровой валюте центрального банка как к объекту именно финансовых правоотношений не сложилось. Требуют комплексного исследования место цифровой валюты центрального банка в структуре финансовых правоотношений, влияние такой валюты на банковскую систему, природа контрольно-надзорных правоотношений и правоотношений по защите нарушенных прав, складывающихся по поводу цифровой валюты центрального банка. Таким образом, тема диссертационного исследования обладает высокой степенью актуальности и востребована как наукой финансового права, так и правотворческой и правоприменительной практикой.

Цифровой рубль рассматривается в работе как российская цифровая валюта центрального банка, то есть как цифровая форма национальной валюты. Цифровой валютой называется имущество в значении пункта 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах. Определение исключает средство платежа, являющееся денежной единицей Российской Федерации, и требует отсутствия лица, обязанного перед каждым обладателем, поэтому цифровой рубль к цифровым валютам не относится. Криптовалютой называется цифровая валюта, которая выпускается децентрализованно и не имеет эмитента. Стейблкоином называется токен, который выпускает частная организация и курс которого привязан к валюте какого-либо государства. Термин «эмиссия» применительно к цифровому рублю используется в доктринальном значении, тогда как закон говорит о формировании Банком России остатка цифровых рублей (статья 82.11 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», далее – Закон о Банке России).

Степень научной разработанности темы исследования. В последние годы специалисты в области финансового права все чаще обращаются к правовой природе цифровых валют центральных банков и цифровых валют. Однако

как самостоятельный объект финансовых правоотношений цифровая валюта центрального банка системно не исследовалась.

Особое значение для настоящего исследования имеют коллективные монографии «Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики» (под редакцией Е.Ю. Грачевой) и «Финансовое право в условиях развития цифровой экономики» (под редакцией И.А. Цинделиани). Обе работы служат методологической основой для финансово-правового понимания цифровой валюты центрального банка, однако ни в одной из этих работ цифровая валюта центрального банка не рассматривается как самостоятельный объект финансовых правоотношений.

Финансово-правовые основы регулирования цифровых валют центральных банков отечественная наука начала изучать в последние годы. Этим основам посвящены публикации К.И. Брыкина, А.В. Турбанова, Е.Б. Лаутс, Т.Э. Рождественской, А.Г. Гузнова, И.О. Антропцевой, Н.Ю. Лебедевой, Е.Л. Васяниной, М.Д. Шапсуговой, Ю.А. Крохиной, Т.Н. Затулиной, К.Б. Раздорожного. В этих работах анализируются понятие и правовая природа цифровой валюты центрального банка, элементы платформы цифрового рубля, операции с цифровым рублем, ответственность и распределение рисков, соотношение публично-правовых и частноправовых начал в регулировании эмиссии и обращения цифрового рубля. Материалы научной дискуссии о цифровом рубле как будущей денежной единице России обобщены в обзоре круглого стола, подготовленном В.М. Кукушкиным.

Отдельные вопросы темы рассмотрены в диссертационных исследованиях последних лет. Среди таких исследований работы К.Б. Раздорожного о финансово-правовом регулировании цифровых финансовых активов, М.В. Вожагова о финансовом контроле за оборотом цифровых активов, Г.Т. Папаскуа о правовом регулировании применения финансовых технологий, И.О. Антропцевой о публичном финансовом контроле в условиях цифровизации и А.А. Недрова о публично-правовом режиме выпуска и обращения цифровых валют центральных банков.

Эти работы либо посвящены смежным темам, либо рассматривают цифровую валюту в цивилистическом или общеправовом ключе. Цифровая валюта центрального банка как объект финансовых правоотношений не была предметом самостоятельного финансово-правового исследования.

Объект исследования составляют общественные отношения, складывающиеся в связи с эмиссией, обращением, учетом, контролем и защитой прав по поводу цифровых валют центральных банков и цифровых валют.

Предмет исследования образуют нормы российского и зарубежного финансового, гражданского и банковского права, определяющие правовой режим цифровой валюты центрального банка и цифровых валют, доктринальные подходы к правовой характеристике этих объектов, а также практика применения соответствующих норм.

Цель работы состоит в том, чтобы определить правовое положение цифровой валюты центрального банка и цифровых валют как объектов финансовых правоотношений и на этой основе сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи:**

– исследовать сущность и отличительные черты цифровых валют центральных банков и цифровых валют;

– провести сравнительно-правовой анализ моделей регулирования цифровых валют центральных банков и цифровых валют в зарубежных правопорядках;

– определить правовую природу цифрового рубля и место цифрового рубля в системе объектов финансовых правоотношений;

– выявить особенности структуры финансовых правоотношений с участием цифровой валюты центрального банка и характер изменений в российской банковской системе и в правовом положении Банка России в связи с введением цифрового рубля;

– раскрыть природу контрольно-надзорных финансовых правоотношений по поводу цифровой валюты центрального банка, в том числе применительно к финансовому мониторингу и валютному контролю;

– исследовать финансовые правоотношения по защите нарушенных прав, возникающие в связи с обращением цифрового рубля, и сопоставить такие правоотношения с режимами защиты цифровых валют;

– сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства о цифровом рубле и цифровых валютах.

Теоретическую основу исследования составили труды представителей науки финансового права Н.М. Артемова, И.О. Антропцевой, Л.Л. Арзумановой, Р.Е. Артюхина, Е.Л. Васяниной, О.Н. Горбуновой, Е.Ю. Грачевой, А.Г. Гузнова, Т.А. Гусевой, С.В. Запольского, В.М. Кукушкина, И.И. Кучерова, И.Б. Лагутина, С.М. Мироновой, А.А. Недрова, Н.В. Омелехиной, Н.А. Поветкиной, Е.А. Ровинского, Т.Э. Рождественской, А.А. Ситника, Н.И. Химичевой, Ю.К. Цареградской, Е.А. Цеповой, И.А. Цинделиани, С.О. Шохина. В трудах Е.А. Ровинского, Е.Ю. Грачевой, Н.И. Химичевой, М.В. Карасева, И.А. Цинделиани раскрыты понятие, структура и классификация финансовых правоотношений, разграничены имущественные и организационные, материальные и процессуальные финансовые правоотношения.

Учение о деньгах как классическом объекте имущественных финансовых правоотношений и о законных платежных средствах разработано в трудах Е.А. Ровинского, Л.А. Лунца, И.И. Кучерова. Правовой механизм денежной эмиссии и денежного обращения исследован в трудах Е.Л. Васяниной. Правовая природа региональных валют и практика денежного обращения в отдельных странах рассмотрены в работе И.Б. Лагутина. Применительно к денежным обязательствам и теории денег в целом использованы работы Ф.А. Хайека и Ф.А. Манна. Валютное регулирование и валютный контроль исследованы в трудах Н.М. Артемова, Т.Э. Рождественской, Н.А. Поветкиной, А.А. Ситника, С.О. Шохина.

Вопросы банковского права, банковского регулирования и надзора разработаны в трудах А.Г. Гузнова, Т.Э. Рождественской, Л.Г. Ефимовой, Е.Б. Лаутс. Значение банковской системы для обеспечения финансового суверенитета государства исследовано В.М. Кукушкиным, а трансформация роли

банков в условиях развития гиг-экономики рассмотрена в работе С.М. Мироновой и К.А. Пономаревой. Публичный финансовый контроль и финансовые правоотношения по защите нарушенных прав раскрыты в работах Е.Ю. Грачевой, С.В. Запольского, Е.Л. Васяниной, И.О. Антропцевой, С.О. Шохина, Н.А. Поветкиной, Р.Е. Артюхина, И.Б. Лагутина, Т.А. Гусевой.

Гражданско-правовая природа цифрового рубля и цифровой валюты исследована в работах Е.А. Суханова, А.В. Габова, А.И. Савельева, Л.Г. Ефимовой, Т.В. Дерюгиной, А.В. Сарнаковой, Н.С. Жижина, М.Д. Шапсуговой, А.С. Умханова, М.А. Успенского, В.Б. Плеханова. При исследовании частноправовых характеристик цифрового рубля использованы также работы М.Л. Башкатова и А.А. Пиленко. Правовой режим цифровых валют и цифровых финансовых активов рассмотрен в работах Л.А. Новоселовой, Р.М. Янковского, А.Ю. Толкачева, М.Б. Жужжалова, М.А. Егоровой, О.В. Кожевиной, С.Л. Будылина, А.В. Захаркиной, Я.В. Земляченко, Л.В. Санниковой, Ю.С. Харитоновой, А.В. Саженова, С.В. Мурадяна.

Зарубежная доктрина цифровых валют центральных банков представлена публикациями J. Tobin, R. Auer, R. Böhme, T. Adrian, T. Mancini-Griffoli, J. Barrdear, M. Kumhof, C. Noone, A. Grym, G. Gorton, J. Zhang, F. Carapella, J. Flemming, а также аналитическими докладами Банка международных расчетов, Международного валютного фонда и Европейского центрального банка. Зарубежная доктрина криптоактивов и цифровых платежных инструментов представлена работами D. Chaum, D. Skauradszun, A. Bauer, A.Ph. Birne, A. Hülst, J. Drögemüller, P. De Filippi, A. Wright, J.B. Konvisser, M. Fromberger.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (диалектический, системный, формально-логический, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции) и частнонаучные методы юриспруденции. Формально-юридический метод применялся при анализе законодательства о цифровом рубле, историко-правовой при исследовании возникновения и развития цифровых форм денег. Системно-структурный метод применялся при определении места цифровой валюты центрального банка в структуре

финансовых правоотношений, сравнительно-правовой при исследовании правовых режимов криптовалюты в Германии, Лихтенштейне, Великобритании, США и Китайской Народной Республике (далее – КНР) и регулирования цифровой валюты центрального банка в Европейском союзе, Великобритании, США и КНР.

Эмпирическую базу исследования составили практика Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, арбитражных судов Российской Федерации и иностранных судов по делам об обороте и квалификации цифровых валют, а также нормативные и судебные акты зарубежных правопорядков. Кроме того, использованы акты официального толкования и разъяснения Банка России и Федеральной налоговой службы, статистические и аналитические материалы Банка России и Международного валютного фонда.

Научная новизна состоит в том, что настоящая работа является одной из первых, в которых цифровая валюта центрального банка охарактеризована как самостоятельный объект финансовых правоотношений. Сформулировано определение цифровой валюты центрального банка как формы официальной денежной единицы государства и названы признаки, которые в совокупности отличают такую валюту от наличных денег и от безналичных денежных средств на счетах в кредитных организациях. Предложены критерии, по которым цифровая валюта центрального банка отграничивается от цифровой валюты и стейблкоина. Сравнение правового регулирования оборота криптовалюты в Германии, Лихтенштейне, Великобритании и США показало, что круг финансовых правоотношений, объектом которых выступает криптовалюта, в Российской Федерации шире, чем в этих государствах, так как включает и валютные правоотношения. Установлено также, что налоговый режим стейблкоина и действие запрета принимать стейблкоин в оплату зависят от условий выпуска токена. Выявлены отсутствие законодательного определения цифровой валюты центрального банка и пробелы в регулировании трансграничных расчетов цифровыми рублями.

Научная новизна диссертации проявляется в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Цифровая валюта центрального банка как объект финансовых правоотношений представляет собой форму официальной денежной единицы государства, обладающую в совокупности следующими признаками:

– ее эмитентом является центральный банк;

– обязательство перед каждым обладателем цифровой валюты центрального банка несет непосредственно центральный банк, выпустивший данные денежные средства в обращение;

– обладателем цифровой валюты центрального банка может выступать неограниченный круг лиц (как физических, так и юридических);

– учет остатка цифровой валюты центрального банка и операций с ней осуществляется в рамках платформы центрального банка, минуя счета в кредитных организациях;

– цифровая валюта центрального банка выражена в единицах национальной валюты.

Совокупность названных признаков позволяет отграничить ее от иных форм национальной валюты – наличных денег и безналичных денежных средств, учитываемых на счетах в кредитных организациях.

2. С наличными деньгами цифровую валюту центрального банка объединяет обязанное по ним лицо – Банк России. Вместе с тем, если банкноты и монета Банка России признаются безусловными обязательствами Центрального банка Российской Федерации[1], обеспеченными всеми его активами, то обязательство Банка России перед обладателем цифровой валюты центрального банка (цифрового рубля) возникает из договора счета цифрового рубля. Действующее законодательство прямо не относит цифровые рубли к безусловным обязательствам Банка России. В связи с этим представляется необходимым распространить на них гарантии, закрепленные ст. 30 Закона о Банке России,

[1] Ст. 30 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

аналогичные тем, что действуют в отношении наличных денег – это должно способствовать укреплению доверия к новой форме национальной валюты.

В свою очередь, с безналичными денежными средствами, учитываемыми на счетах в кредитных организациях, цифровые рубли объединяет способ учета – банковский счет. В то же время российская цифровая валюта центрального банка выведена из кредитного оборота, поскольку Банк России не вправе использовать цифровые рубли пользователей платформы цифрового рубля, а кредитование счетов цифрового рубля и начисление процентов на остаток не допускаются. Отнесение цифровых рублей к безналичным денежным средствам представляет собой прием юридической техники, позволяющий распространить на цифровую валюту Банка России устоявшиеся нормы о безналичных расчетах без необходимости создания отдельного правового режима. Вместе с тем цифровой рубль значительным образом отличается от безналичных денежных средств, учтенных на счетах в кредитных организациях, по критерию обязанного лица, что делает его самостоятельным объектом финансовых правоотношений.

3. Выделены критерии, позволяющие отграничить цифровую валюту центрального банка от смежных цифровых объектов – цифровой валюты и стейблкоина: субъект эмиссии; факт наличия лица, обязанного перед обладателями соответствующих цифровых объектов; признание таких объектов формой официальной денежной единицы.

Применение указанных критериев в совокупности позволяет выделить следующие особенности:

– применительно к цифровой валюте центрального банка, признаваемой законом формой национальной валюты, эмитентом и лицом, обязанным перед каждым обладателем, выступает центральный банк;

– у стейблкоинов имеется эмитент, который является частной организацией и несет обязанность выкупить токены выпущенных им стейблкоинов по номинальной цене либо в отношении каждого обладателя, либо в отношении лиц, определенных условиями выпуска. Стейблкоины даже в случае, если их цена

определяется в зависимости от курса той или иной национальной валюты, деньгами не являются;

– в отношении цифровой валюты отсутствуют как эмитент, так и лицо, обязанное перед обладателями, и, кроме того, она не выражается в денежных единицах Российской Федерации или иностранных государств.

Таким образом, исходя из приведенных критериев, деньгами как объектом финансовых правоотношений являются только цифровые валюты центральных банков. Криптовалюта и стейблкоины в денежную систему страны не входят и выступают объектом финансовых правоотношений как иное имущество для целей налогообложения, взыскания задолженности, финансового мониторинга и валютного контроля.

4. Цифровая валюта центрального банка становится объектом финансовых правоотношений в силу публично-правового решения о придании ей законной платежной силы. При этом свойство законного платежного средства, проявляющееся в обязательности к приему по нарицательной стоимости, распространяется на цифровую валюту центрального банка именно нормами финансового законодательства, и данный процесс может носить поступательный характер. Так, ФЗ №248 предусматривает поэтапное распространение на продавцов обязанности принимать цифровые рубли в оплату (вплоть до 2028 года). До завершения процесса имплементации цифрового рубля в денежную систему, он обязателен к приему только для отдельных категорий лиц, перечисленных в законе, что отличает его от банкнот и монеты Банка России, обязательных к приему при осуществлении наличных расчетов.

Таким образом, в Российской Федерации цифровая валюта центрального банка (цифровой рубль) представляет собой деньги, вводимые в оборот на основании государственного властного веления, закрепленного в виде правовых норм в финансовом законодательстве, выраженные в единицах национальной валюты (российском рубле) и не имеющие материального (вещного) носителя, оборот которых осуществляется в рамках платформы, организованной Банком России. Сказанное подтверждает тот факт, что цифровая валюта

центрального банка является объектом финансово-правового регулирования и финансовых правоотношений.

5. Установлено, что с введением цифрового рубля и появлением нового субъекта национальной платежной системы – оператора платформы цифрового рубля – изменилось содержание расчетных правоотношений, складывающихся между субъектами, задействованными в переводе денежных средств. Традиционно в правоотношениях, связанных с переводом безналичных денежных средств, участвуют кредитная организация (обязанное лицо) и клиент (управомоченное лицо). В правоотношениях, складывающихся по поводу перевода цифровых рублей, участвуют три субъекта – пользователь платформы, Банк России (как оператор платформы цифрового рубля и обязанное лицо) и кредитная организация (как участник платформы). Кредитная организация не является лицом, обязанным по цифровым рублям, однако она несет обязанности перед пользователем и оператором платформы цифрового рубля по обеспечению доступа к данной платформе, идентификации, передаче распоряжений, а также ряд иных обязанностей. С финансово-правовой точки зрения, функция участника платформы цифрового рубля сопоставима с функцией банковского платежного агента, поскольку участник платформы выполняет для оператора действия, которые закон обычно возлагает на привлекаемого оператором по переводу денежных средств агента (прием распоряжений и идентификация клиентов). Следствием такой модели правоотношений, складывающихся в сфере обращения цифрового рубля, является сосредоточение обязательств перед пользователем у Банка России, что, в свою очередь, предопределяет, с одной стороны ведущую роль Центрального банка Российской Федерации в обеспечении защиты прав обладателей цифровых рублей, а с другой – стороной споров, связанных с нарушением таких прав.

6. Обоснована необходимость установления гарантий прав пользователей платформы цифрового рубля федеральным законом, а не подзаконными нормативными правовыми актами Банка России. Особенность правового положения Центрального банка Российской Федерации заключается в том, что он одновременно выступает обязанным по цифровым рублям лицом,

оператором платформы цифрового рубля и регулятором отношений, складывающихся в сфере оборота российской цифровой валюты центрального банка. Клиент кредитной организации в спорах, возникающих по вопросам обращения безналичных денежных средств, учтенных на счетах в соответствующей кредитной организации, вправе обратиться в Банк России как в орган надзора, к финансовому уполномоченному или в суд. В отношении пользователя платформы цифрового рубля в споре с оператором данной платформы эффективным способом защиты нарушенных прав будет только обращение в суд, поскольку при рассмотрении запросов и претензий пользователей Банк России осуществляет контроль за своей же деятельностью (в силу совпадения функций в одном лице), а финансовый уполномоченный не рассматривает споры, стороной которых является Банк России.

Несмотря на наличие предусмотренного правилами платформы цифрового рубля порядка рассмотрения запросов и претензий пользователей, действующее законодательство не устанавливает механизмов, обеспечивающих независимое внесудебное рассмотрение споров между пользователем и оператором платформы цифрового рубля. В связи с этим предлагается закрепить в гл. 4.2 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон о национальной платежной системе):

– закрытый перечень оснований приостановления доступа пользователя к платформе, включающий нарушение правил платформы, создающее угрозу бесперебойности ее функционирования или безопасности операций, и случаи, прямо предусмотренные федеральными законами;

– предельный срок приостановления доступа;

– обязанность оператора мотивировать решение о приостановлении доступа и указывать порядок его обжалования;

– правило о том, что соблюдение правил платформы само по себе не освобождает оператора от ответственности перед пользователем.

Закрепление названных гарантий федеральным законом обеспечит усиление защиты прав и законных интересов пользователей платформы цифрового рубля

и укрепление доверия к российской цифровой валюте центрального банка как форме национальной валюты.

7. Введение цифрового рубля приводит к воспроизведению в сфере расчетов отдельных черт одноуровневой банковской системы, в которой центральный банк сам обслуживает клиентов. Банк России именует подобную конструкцию «розничной двухуровневой моделью цифрового рубля» с ролью финансовых организаций как участников расчетов[2]. При этом в рамках такой модели кредитная организация выполняет функцию, сходную с функцией филиала, через который пользователь получает услуги Банка России – обеспечивает доступ клиентов к услугам оператора платформы цифрового рубля.

Одновременно с этим единицы российской цифровой валюты центрального банка учитываются на счетах цифрового рубля, открываемых Банком России, и, следовательно, перевод средств клиентов в цифровые рубли выводит данные денежные средства из ресурсной базы кредитных организаций, сокращая их ликвидность.

При подобной модели Банк России, регулирующий общественные отношения в сфере денежного обращения и финансового рынка, утрачивает нейтральность по отношению к кредитным организациям. Возникает конкуренция между формами хранения безналичных денежных средств и осуществления расчетов, а следовательно, и фактическая конкуренция Банка России с кредитными организациями за средства клиентов. При этом Банк России обладает надзорными полномочиями в отношении кредитных организаций, а также правом устанавливать тарифы и лимиты, определяющие масштаб оттока денежных средств из банковского сектора. Меры, сдерживающие данный процесс, в частности лимиты пополнения счетов цифрового рубля, устанавливаются актами Банка России и могут меняться по его усмотрению.

8. В настоящее время Банк России совмещает функции эмитента, оператора платформы цифрового рубля и органа банковского надзора – подобный подход

[2] Концепция цифрового рубля / Банк России. М., 2021. С. 8-10. URL: https://cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 08.10.2025).

без установления должных правовых гарантий влечет за собой риск возникновения конфликта публичных интересов регулятора: интереса, связанного с расширением обращения цифрового рубля и, соответственно, обеспечением устойчивости российской валюты, и интереса в устойчивости кредитных организаций, который он обязан обеспечивать как орган банковского надзора. Для его устранения предлагается дополнить Закон о Банке России:

– во-первых, нормой (в ст. 4 данного закона), содержащей указание на то, что Центральный банк Российской Федерации осуществляет эмиссию цифровых рублей как самостоятельную функцию – в настоящее время термин «эмиссия» не используется применительно к процессу выпуска в обращение единиц российской цифровой валюты центрального банка;

– во-вторых, нормами, обеспечивающими функциональное обособление подразделения Банка России, осуществляющего функции оператора платформы, – это позволит организационно более четко разграничить упомянутые ранее функции;

– в-третьих, положениями, направленными на исключение конфликта интересов между различными подразделениями Банка России, в частности, запретом для руководства названного выше обособленного подразделения Банка России, осуществляющего функции оператора платформы цифрового рубля, совмещать соответствующие должности и членство в Комитете банковского надзора;

– в-четвертых, четкими правилами, определяющими порядок использования сведений платформы цифрового рубля в надзорных целях;

– в-пятых, принципами деятельности оператора, связанными с обеспечением равного доступа кредитных организаций к платформе, недопущением ограничения конкуренции на рынке платежных услуг, учетом влияния лимитов и тарифов на устойчивость кредитных организаций.

9. Контроль в сфере денежного обращения, связанный с операциями с цифровыми рублями, носит непрерывный характер и осуществляется в режиме реального времени. Достигается это посредством

проведения всех операций в рамках единой, централизованной платформы цифрового рубля – оператор данной платформы располагает сведениями обо всех операциях непосредственно в момент их совершения. Такая информация, как и в случае с информацией, которую аккумулируют кредитные организации об операциях своих клиентов, необходима для проведения налогового и валютного контроля, финансового мониторинга и иных видов финансового контроля.

Сказанное предопределило наделение Банка России обязанностями субъекта первичного финансового мониторинга, связанными с оценкой рисков пользователей, отнесением их к группам риска, замораживанием цифровых рублей, информированием Росфинмониторинга об операциях, подлежащих обязательному контролю. Исходя из этого, можно заключить, что Банк России совмещает положение субъекта первичного финансового мониторинга и органа надзора за участниками платформы, исполняющими те же обязанности.

Применительно к валютному контролю определено, что операции с цифровыми рублями становятся объектом такого контроля, то есть квалифицируются как валютные операции, в случае если одним из их участников выступает нерезидент. При расчетах цифровыми рублями с участием нерезидентов уполномоченные банки сохраняют статус агентов валютного контроля, однако их положение в правоотношениях, связанных с оборотом российской цифровой валюты центрального банка, не обеспечивает им тех же возможностей по проведению непосредственного контроля за валютными операциями в цифровых рублях, которыми они располагают в отношении денежных средств, учитываемых на счетах, открытых в данных кредитных организациях. В свою очередь органы валютного контроля – ФНС России и ФТС России – прямо не наделены правом получать от оператора платформы сведения об операциях для целей валютного контроля (в настоящее время закреплен лишь общий механизм обмена информацией между органами валютного контроля, а ФНС России вправе получать от Центрального банка Российской Федерации сведения о счетах цифрового рубля и операциях по ним как налоговый орган, но не как орган валютного контроля). В связи с этим

предлагается дополнить ст. 23 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Закон о валютном регулировании) положением, закрепляющим обязанность оператора платформы цифрового рубля представлять органам валютного контроля документы и информацию о валютных операциях с цифровыми рублями и предусматривающим состав, порядок и сроки представления таких сведений.

Теоретическая значимость диссертации состоит в развитии учения об объектах финансовых правоотношений применительно к цифровой форме национальной валюты. Выводы работы о признаках цифровой валюты центрального банка и о критериях отграничения такой валюты от цифровой валюты и стейблкоина могут служить основой дальнейших исследований денежного обращения, банковской системы и финансового контроля в условиях цифровизации. Такое же значение имеют выводы о содержании расчетных правоотношений с участием оператора платформы цифрового рубля, об изменениях в банковской системе и в правовом положении Банка России, о контроле за операциями с цифровыми рублями.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использовать выводы работы в нормотворческой деятельности. К таким выводам относится предложение распространить на цифровые рубли гарантии, установленные частью первой статьи 30 Закона о Банке России для банкнот и монеты, то есть признать цифровые рубли безусловными обязательствами Банка России, обеспеченными всеми активами Банка России. В главе 4.2 Закона о национальной платежной системе предлагается закрепить гарантии прав пользователей платформы цифрового рубля. В Закон о Банке России предлагается внести пять дополнений. Статью 23 Закона о валютном регулировании предлагается дополнить обязанностью оператора платформы цифрового рубля представлять органам валютного контроля документы и информацию о валютных операциях с цифровыми рублями.

В работе сформулированы и другие предложения. Статью 27 Закона о Банке России предлагается дополнить определением цифрового рубля, а пункт 1 части

1 статьи 1 Закона о валютном регулировании дополнить подпунктом «в», прямо относящим цифровые рубли к валюте Российской Федерации. Статью 83.1 Закона о Банке России предлагается дополнить требованием разделять полномочия при выполнении функций оператора платформы цифрового рубля и при осуществлении надзора и наблюдения в национальной платежной системе. В целях единообразного применения норм финансового права предлагается дополнить статью 11 Налогового кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ) правилом о применении норм о цифровой валюте к беспоставочным иностранным цифровым инструментам, назвать иностранные цифровые инструменты в запрете принимать цифровую валюту в оплату и исключить иностранную валюту из понятия иностранного цифрового инструмента в Законе о цифровых валютах. Предлагается также дополнить Закон о национальной платежной системе нормой об организации, уполномоченной международным договором Российской Федерации на трансграничный перевод денежных средств, и отнести такую организацию к агентам валютного контроля. На надзор оператора платформы за всеми операциями с цифровыми рублями предлагается распространить принципы, установленные валютным законодательством для контроля за валютными операциями, в том числе исключение неоправданного вмешательства государства в операции и защиту прав участников операций. Такие принципы целесообразно закрепить в статье 30.8 Закона о национальной платежной системе.

Выводы работы могут применяться и в правоприменительной практике, и при преподавании учебных дисциплин финансово-правового цикла.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Основные положения работы отражены в шести статьях, четыре из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты исследования также докладывались на следующих научных конференциях и форумах: VI Финансово-правовой форум «Бюджетные инструменты модернизации экономики Российской Федерации: теория и правовая реальность» (МГЮА, 20 февраля 2025 г.); VII Финансово-правовой форум «Финансовое право и современный миропорядок. Правовые вызовы цифровой трансформации: искусственный интеллект в финансовой сфере» (МГЮА, 20 февраля 2026 г.); Международный конгресс молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» (МГЮА, 5 апреля 2024 г.); Молодежный форум по энергетическому праву (АНО «НИЦ энергетического права им. В.А. Мусина», 3 июля 2026 г.); VII Академические слушания по вопросам разработки дополнительного протокола к Конвенции ООН против киберпреступности (МГИМО МИД России, 10 июля 2026 г.).

Достоверность и обоснованность результатов диссертационного исследования обеспечиваются применением методов, соответствующих предмету, цели и задачам исследования, и опорой на широкий круг отечественных и зарубежных нормативных и доктринальных источников. Достоверность обеспечивают также анализ российской и иностранной правоприменительной практики и апробация выводов в научной деятельности автора.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и включает введение, две главы, состоящие из шести параграфов, заключение, список использованных источников и литературы.

Глава 1. Теоретико-правовые основы цифровых валют и цифровых валют центральных банков: понятие, правовая природа, зарубежный опыт

Для целей настоящего исследования цифровую валюту центрального банка (далее также – ЦВЦБ) необходимо обособить от смежных цифровых объектов, прежде всего от цифровой валюты и стейблкоина. ЦВЦБ и цифровая валюта представляют собой объекты различной правовой природы со схожими наименованиями и не соотносятся как род и вид. Разграничение проводится по совокупности трех критериев: (1) субъект эмиссии; (2) наличие обязанного перед каждым обладателем лица и (3) признание объекта формой официальной денежной единицы.

Центральный банк эмитирует ЦВЦБ как цифровую форму официальной денежной единицы, и перед каждым обладателем обязан сам эмитент. Так, каждый обладатель цифровых рублей является стороной договора счета цифрового рубля с оператором платформы цифрового рубля, которым выступает Банк России. Договор счета цифрового рубля и обязательства оператора платформы перед пользователями предусмотрены частью 1 статьи 7.1, части 1 и 2 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе[3], а статус Банка России как оператора платформы закреплен статьей 82.10 Закона о Банке России[4]. Публичного эмитента у цифровой валюты нет. Лица, обязанного перед каждым обладателем, у цифровой валюты также нет, и денежной единицей какого-либо государства цифровая валюта не является. Оба признака названы в пункте 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах[5], а до 1 сентября 2026 г. были названы в части 3 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[6] (далее – Закон о ЦФА).

Стейблкоин, то есть токен с курсом, привязанным к валюте государства, выпускает частная организация, обязанная выкупить токен по номинальной

[3] Собрание законодательства РФ (далее - СЗ РФ). 2011. № 27. Ст. 3872.
[4] СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
[5] СЗ РФ. 2026. № 32. Ст. 4479.
[6] СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

стоимости у каждого обладателя либо только у лиц, определенных условиями выпуска. В первом случае стейблкоин не относится ни к ЦВЦБ, ни к цифровой валюте. Такой токен представляет собой обязательственное право и подпадает под понятие иностранного цифрового инструмента, если размещение токена осуществляется не в соответствии с российским правом в информационной системе, организованной не в соответствии с российским правом, и по личному закону обязанного лица такой токен не относится к ценным бумагам (пункт 20 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах). Во втором случае стейблкоин отвечает признакам цифровой валюты, однако вопрос о том, отвечает ли таким признакам конкретный стейблкоин, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» (далее - Постановление № 2-П) оставил на разрешение судов[7]. Деньгами стейблкоин не является ни в одном из случаев, поскольку выпускает стейблкоин частная организация и формой официальной денежной единицы такой токен не признан.

Электронные денежные средства не относятся к цифровой валюте, поскольку по таким средствам есть обязанное лицо, и не относятся к ЦВЦБ, поскольку обязанным лицом выступает оператор электронных денежных средств, то есть кредитная организация или филиал иностранного банка, а не центральный банк (пункты 3 и 18 статьи 3, части 1 и 2 статьи 12 Закона о национальной платежной системе).

В литературе термин «цифровая валюта» используется шире, чем в законе. Еще до появления законодательного определения А.А. Ситник рассматривал цифровую валюту как обобщающее понятие для электронно-цифровых расчетных

[7] СЗ РФ. 2026. № 4. Ст. 372. Пункт 1.2 мотивировочной части.

инструментов[8], и такое словоупотребление сохранилось после принятия Закона о ЦФА. И.И. Кучеров относит цифровой рубль к разновидностям цифровой валюты[9], а Т.Э. Рождественская и А.Г. Гузнов называют цифровой рубль цифровой валютой Банка России[10]. В работах И.И. Кучерова, Т.Э. Рождественской и А.Г. Гузнова термин употреблен в доктринальном значении, и распространять на цифровой рубль правовой режим цифровой валюты авторы не предлагают.

В настоящей работе ЦВЦБ понимается как форма официальной денежной единицы государства, обладающая в совокупности пятью признаками: (1) эмитентом такой валюты является центральный банк; (2) обязательство перед каждым обладателем несет непосредственно центральный банк; (3) обладателем может выступать неограниченный круг физических и юридических лиц; (4) остаток ЦВЦБ и операции с такой валютой учитываются на платформе центрального банка, а не на счетах в кредитных организациях; (5) ЦВЦБ выражена в единицах национальной валюты. Законодательное понятие цифровой валюты охватывает и стейблкоин второго вида, поэтому при сопоставлении трех объектов такой стейблкоин рассматривается отдельно, а под цифровой валютой понимается криптовалюта, то есть цифровая валюта, которая выпускается децентрализованно и не имеет эмитента. Выражение «безналичные денежные средства» при сопоставлении с цифровым рублем обозначает средства на счетах в кредитных организациях, хотя по статье 128 ГК РФ[11] цифровые рубли относятся к безналичным денежным средствам.

§ 1. История появления и развитие цифровых денег

Историческое развитие цифровых форм денег рассматривается в работе с позиций финансового права. Теоретическую основу такого рассмотрения дает

[8] Ситник А. А. Влияние цифровых технологий на денежное обращение // Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2020. С. 252.
[9] Кучеров И. И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // Финансовое право. 2021. № 4. С. 3-8.
[10] Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 48-55.
[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

монография О.Н. Горбуновой «Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России»[12]. Монография вышла до законодательного оформления цифрового рубля в Федеральном законе от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[13] (далее – ФЗ №340), однако сформулированные в монографии положения, как представляется, применимы к финансово-правовой квалификации новых форм национальной валюты, в том числе цифрового рубля.

Для настоящего исследования значимы три положения, которые О.Н. Горбунова сформулировала в монографии и в статье, написанной совместно с Е.Р. Денисовым. Во-первых, публично-правовая природа денег как самостоятельного объекта финансовых правоотношений не сводится к гражданско-правовой конструкции денег. Во-вторых, наличная, безналичная и электронная формы денежной массы выступают способами передачи и учета стоимостной информации при едином публично правовом содержании[14]. В-третьих, финансовая деятельность государства понимается как управление с помощью денег. О.Н. Горбунова пишет, что «нет лучшего способа управлять государством с рыночной экономикой, чем управлять при помощи денег, а более конкретно - с помощью финансов в целом, и более эффективного средства управления государством человечество пока не придумало»[15].

Исходя из понимания финансовой деятельности как управления с помощью денег, цифровой рубль рассматривается в работе через изменения финансовых правоотношений, в которых цифровая форма рубля служит средством выполнения публичных функций государства, от исполнения расходных обязательств до проведения денежно-кредитной политики.

---

[12] Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России : избранное : науч.-популярная монография. М.: Элит, 2012.

[13] Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5766. Законом внесены изменения в семь федеральных законов, в том числе о Банке России, о национальной платежной системе, о банках и банковской деятельности, в части введения цифрового рубля.

[14] Горбунова О. Н., Денисов Е. Р. Некоторые вопросы финансово-правового регулирования денег и денежного оборота в Российской Федерации // Финансовое право. 2007. № 8. С. 2-5.

[15] Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. С. 73.

В работе финансовое правоотношение понимается как отношение, которое урегулировано нормами финансового права и складывается в процессе публичной финансовой деятельности, охватывающей не только образование, распределение и использование публичных денежных фондов, но и денежную эмиссию и организацию денежного обращения.

Обязательным участником финансового правоотношения выступает публичный субъект. В первом значении объектом выступают денежные средства, которыми уплачивается налог или исполняется иная публичная обязанность, например цифровые рубли, которые переводятся со счета пользователя на счет цифрового рубля Федерального казначейства (пункт 2 статьи 242.11-1 Бюджетного кодекса Российской Федерации[16] (далее - БК РФ)). Во втором значении объектом выступает имущество, в отношении которого установлены публичные обязанности и меры контроля, например цифровая валюта.

Автор полагает необходимым рассмотреть три вопроса. Первый состоит в том, может ли цифровая форма национальной валюты быть объектом финансового правоотношения, второй касается видов правоотношений, в которых такая форма выступает объектом, а третий связан со свойствами объекта, определяющими содержание и субъектный состав этих правоотношений.

Когда цифровые валюты появились и вошли в реальный экономический оборот, встал вопрос о правовой природе цифровых валют и цифровой валюты центрального банка. Ответ на первый из поставленных вопросов, как представляется, зависит от того, допустимо ли относить цифровую валюту центрального банка (например, цифровой рубль) и цифровую валюту к деньгам для целей правового регулирования, а также от того, является ли цифровой рубль итогом эволюции форм национальной валюты или результатом решения публичной власти. Если распространить логику конвенционализма[17] с научных положений на социальные объекты, деньгами становится то, что признано, принято

[16] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

[17] Конвенционализм исходит из того, что научные положения представляют собой соглашения, принятые научным сообществом, а не отражение объективной реальности. См.: Конвенционализм // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; науч.-ред. совет: В. С. Степин [и др.]. М. : Мысль, 2010. Т. 2. С. 290-291.

или объявлено деньгами[18]. Вопрос о том, готово ли общество принять форму денег, которую предлагают центральные банки, остается открытым.

Технологической основой цифровых денег стала криптография с открытым ключом. Концепцию такой криптографии предложили в 1976 г. У. Диффи и М. Хеллман[19]. Воплощение концепция получила в алгоритме RSA, который Р. Ривест, А. Шамир и Л. Адлеман опубликовали в 1978 г.[20]

Наряду с криптографическими разработками идею цифровой формы национальной валюты развивали и сами центральные банки. А. Грюм приписывает авторство термина «цифровая валюта центрального банка»[21] исследователям Банка Англии и датирует термин 2015 г.[22] В исследовательской повестке Банка Англии 2015 г. поставлен вопрос о том, могут ли центральные банки эмитировать «цифровые валюты», однако самого словосочетания «central bank digital currency» в документе нет[23].

В 1991 г. правлению Банка Финляндии представили план выпуска электронных денег центральным банком, а в декабре 1992 г. была запущена система Avant, на которой идея прошла практическую проверку. В конце 1995 г. систему передали коммерческим банкам, и эмитентом перестала быть структура центрального банка[24].

А. Грюм называет Avant первой в мире цифровой валютой центрального банка[25]. Однако статуса законного платежного средства система не имела,

---

[18] Thomasson A.L. Realism and Human Kinds // Philosophy and Phenomenological Research. 2003. Vol. 67, No. 3. P. 580-609.

[19] De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge (Mass.) ; London : Harvard University Press, 2018. P. 14.

[20] Алгоритм RSA представляет собой первый получивший практическое применение криптографический алгоритм с открытым ключом (асимметричная криптография). Назван по первым буквам фамилий разработчиков (Р. Ривеста, А. Шамира, Л. Адлемана). Подробнее см.: Rivest R.L., Shamir A., Adleman L. A Method for Obtaining Digital Signatures and Public-Key Cryptosystems // Communications of the ACM. 1978. Vol. 21, No. 2. P. 120-126; De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. P. 15.

[21] Central bank digital currency (CBDC), цифровая валюта центрального банка. В российском правопорядке такому объекту соответствует цифровой рубль.

[22] Grym A. Lessons Learned from the World's First CBDC [Электронный ресурс] // BoF Economics Review. 2020. No. 8. P. 1. URL: http://hdl.handle.net/10419/224448 (дата обращения: 29.03.2026).

[23] One Bank Research Agenda [Электронный ресурс] / Bank of England. London, 2015. February. P. 6. URL: https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/research/one-bank-research-agenda-summary.pdf (дата обращения: 11.08.2026).

[24] Grym A. Lessons Learned from the World's First CBDC. P. 2-7.

[25] Ibid. P. 2.

а требование держателя карты формально было обращено к дочерней компании центрального банка[26]. Следовательно, по признакам, принятым в настоящей работе, система Avant, как представляется, цифровой валютой центрального банка не являлась. Возможность выпуска электронных денег самими центральными банками прямо называлась и в докладе Банка международных расчетов 1996 г.[27] как один из способов противостоять сокращению баланса центрального банка и потере сеньоража[28]. В 1997 г. Дж. Конвиссер предложил, чтобы правительство США само выпускало электронные деньги и придало таким деньгам статус законного платежного средства[29]. Тем не менее в 1990-е годы вопрос об эмиссии электронных денег центральным банком привлекал мало внимания, поскольку предполагалось, что электронные деньги выпускают небанковские организации или коммерческие банки [30].

На рубеже 1990-х и 2000-х годов обсуждалось, какие риски создают для центральных банков электронные расчеты в частном секторе. В 1999 г. М. Кинг допускал, что если частный сектор сможет проводить окончательные расчеты без клиринга через центральный банк, монополия на эмиссию базовых денег утратит ценность, а центральные банки лишатся способности проводить денежно-кредитную политику[31]. Возможность исчезновения центральных банков, которую М. Кинг не исключал, в 2000 г. оспорили в литературе[32]. Сценарий, описанный М. Кингом, не осуществился, и центральные банки сохранили как монополию

[26] Grym A. Lessons Learned from the World's First CBDC. P. 5, 11-13.
[27] Implications for Central Banks of the Development of Electronic Money [Электронный ресурс] / Bank for International Settlements. Basle, 1996. October. P. 10-11. URL: https://www.bis.org/publ/bisp01.pdf (дата обращения: 11.08.2026).
[28] Сеньораж (фр. seigneuriage) в современном центральнобанковском обороте означает доход по активам, приобретенным центральным банком против беспроцентных денежных обязательств, то есть наличных денег в обращении. См.: Implications for Central Banks of the Development of Electronic Money. P. 15.
[29] Konvisser J.B. Coins, Notes, and Bits: The Case for Legal Tender on the Internet // Harvard Journal of Law & Technology. 1997. Vol. 10, No. 2. P. 321.
[30] Grym A. Lessons Learned from the World's First CBDC. P. 1-2.
[31] King M. Challenges for Monetary Policy: New and Old [Электронный ресурс] : speech at the Federal Reserve Bank of Kansas City symposium, Jackson Hole, 27 August 1999. P. 26-27. URL: https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/speech/1999/challenges-for-monetaty-policy-new-and-old.pdf (дата обращения: 11.08.2026). См. также: Friedman B.M. The Future of Monetary Policy: The Central Bank as an Army with Only a Signal Corps? // International Finance. 1999. Vol. 2, No. 3. P. 321-338; Henckel T., Ize A., Kovanen A. Central Banking Without Central Bank Money. Washington : International Monetary Fund, 1999. (IMF Working Paper ; WP/99/92).
[32] Goodhart C.A.E. Can Central Banking Survive the IT Revolution? // International Finance. 2000. Vol. 3, No. 2. P. 189-209; Freedman C. Monetary Policy Implementation: Past, Present and Future - Will Electronic Money Lead to the Eventual Demise of Central Banking? // International Finance. 2000. Vol. 3, No. 2. P. 211-227; см. также: Stevens E. Electronic Money and the Future of Central Banks // Economic Commentary / Federal Reserve Bank of Cleveland. 2002. 1 March.

на эмиссию денежной базы, так и способность проводить денежно-кредитную политику.

Такая дискуссия показывает, что центральные банки с самого начала оценивали цифровые формы денег не только как платежную технологию, но и как вопрос о сохранении собственных публично-правовых функций, к которым относятся эмиссионная монополия, денежно-кредитная политика и надзор за платежной системой. Центральные банки опасались, что вытеснение наличных денег частными электронными деньгами ослабит инструменты денежно-кредитной политики[33] и уменьшит сеньораж, служащий источником финансирования деятельности центрального банка[34]. Кроме выпуска электронных денег самими центральными банками, предлагалось распространить обязательные резервные требования на эмитентов частных электронных денег [35].

В 2018 г. сотрудники Международного валютного фонда указали еще на одно возможное назначение ЦВЦБ. Платежные системы склонны к естественной монополии, и доступность наличных как дешевого конкурирующего средства платежа, по оценке авторов, могла сдерживать монопольную власть частных денег. При недостаточности антимонопольного регулирования и защиты данных такую роль могла бы взять на себя ЦВЦБ, однако ту же задачу могли бы решить и недорогие быстрые платежи[36].

В 1970-1980-х годах сторонники конкуренции частных эмитентов, прежде всего Ф. Хайек, отрицали обоснованность исключительного права государства на эмиссию денег, поскольку государственная монополия, по утверждению

---

[33] Arnone M., Bandiera L. Monetary Policy, Monetary Areas, and Financial Development with Electronic Money [Электронный ресурс]. Washington : International Monetary Fund, 2004. (IMF Working Paper ; WP/04/122). P. 3. URL: https://doi.org/10.5089/9781451854527.001 (дата обращения: 29.03.2026).

[34] Implications for Central Banks of the Development of Electronic Money. P. 7; Groeneveld J.M., Visser A. Seigniorage, Electronic Money and Financial Independence of Central Banks // Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review. 1997. Vol. 50, No. 200. P. 80-85; Konvisser J.B. Coins, Notes, and Bits: The Case for Legal Tender on the Internet. P. 343; ср.: Survey of Electronic Money Developments [Электронный ресурс] / Committee on Payment and Settlement Systems ; Bank for International Settlements. Basel, 2001. P. 3. URL: https://www.bis.org/cpmi/publ/d48.html (дата обращения: 18.10.2023).

[35] Implications for Central Banks of the Development of Electronic Money. P. 10-11; Groeneveld J.M., Visser A. Seigniorage, Electronic Money and Financial Independence of Central Banks. P. 86; Arnone M., Bandiera L. Monetary Policy, Monetary Areas, and Financial Development with Electronic Money. P. 9, 14-15.

[36] Mancini-Griffoli T., Martinez Peria M.S., Agur I., Ari A., Kiff J., Popescu A., Rochon C. Casting Light on Central Bank Digital Currency [Электронный ресурс] // IMF Staff Discussion Note. 2018. No. SDN/18/08, November. P. 19-20. URL: https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2018/11/13/Casting-Light-on-Central-Bank-Digital-Currency-46233 (дата обращения: 14.08.2026).

Ф. Хайека, систематически используется в фискальных целях и ведет к инфляции[37]. Против такой идеи выступил Дж. Тобин, который в 1985 г. назвал частные деньги «миражом» (the mirage of private money)[38].

Тезис Дж. Тобина о наличных деньгах как воплощении установленной государством денежной единицы счета[39], как представляется, обосновывает критерий признания объекта формой официальной денежной единицы, по которому ЦВЦБ отличается от цифровой валюты.

Вместе с тем Дж. Тобин предложил собственную альтернативу наличным деньгам и банковским депозитам, поскольку банкноты неудобны в крупном обороте, а банковские депозиты как «внутренние деньги» (inside money) несут риск дефолта эмитента. «Совершенным средством сохранения стоимости в единице счета» Дж. Тобин считал «депонированную валюту» (deposited currency), то есть депозиты со 100-процентным резервированием, которые выплачиваются по требованию банкнотами или монетой, переводятся третьим лицам по распоряжению владельца и защищены от утраты и хищения[40]. Реализовать такую конструкцию Дж. Тобин предлагал двумя способами, открывая физическим лицам депозитные счета непосредственно в центральном банке либо поручая ведение таких счетов любой депозитной организации, которая имеет право держать депозиты в центральном банке, соблюдает стандарты обслуживания и участвует в общенациональной клиринговой сети[41]. В первой модели, как представляется, требование держателя обращено к центральному банку, а во второй модели к посреднику, полностью резервирующему средства в центральном банке.

Сотрудники Банка Англии в 2016 г. прямо описали цифровую валюту центрального банка как реализацию предложения Дж. Тобина о счетах

---

[37] Hayek F.A. Denationalisation of Money: The Argument Refined. 2nd ed. London : Institute of Economic Affairs, 1978. (Hobart Paper Special ; 70); Klein B. The Competitive Supply of Money // Journal of Money, Credit and Banking. 1974. Vol. 6, No. 4. P. 423-453; Vaubel R. The Government's Money Monopoly: Externalities or Natural Monopoly? // Kyklos. 1984. Vol. 37, Fasc. l. P . 27-58.

[38] Tobin J. Financial Innovation and Deregulation in Perspective [Электронный ресурс] // Bank of Japan Monetary and Economic Studies. 1985. Vol. 3, No. 2. P. 21. URL: https://www.imes.boj.or.jp/research/papers/english/me3-2-3.pdf (дата обращения: 11.08.2026).

[39] Ibid. P. 21.

[40] Ibid. P. 23, 25.

[41] Ibid. P. 25-26.

депонированной валюты[42]. М. Бордо и Э. Левин видят в депонированной валюте Дж. Тобина раннюю формулировку идеи цифровой валюты центрального банка, доступной публике, и такая же оценка дана в совместном докладе Комитета по платежам и рыночным инфраструктурам и Комитета по рынкам Банка международных расчетов 2018 г.[43]

Система электронной наличности eCash, которую основанная Д. Чаумом компания DigiCash впервые публично испытала в 1994 г., была централизованной, поскольку подлинность каждой операции проверял единственный эмитент-оператор, и судьба системы зависела от судьбы одной частной компании[44]. Для децентрализованной системы цифровых платежей основной преградой оставалась проблема двойного расходования (double spending), поскольку цифровую денежную единицу можно копировать неограниченно, и без единого расчетного центра обладатель такой единицы мог одновременно передать одни и те же средства нескольким лицам[45]. Решение проблемы двойного расходования было предложено в конце 2008 г. в работе, опубликованной под именем Сатоси Накамото[46]. С запуском в 2009 г. сети Биткойн, в которой объем выпуска и подтверждение операций обеспечиваются самим программным протоколом[47], криптовалюта впервые приобрела свойство существовать независимо от какого-либо единого эмитента или расчетного центра. В 2010-е годы в экономических блогах, в том числе в блоге сотрудников Банка Англии, обсуждали, может

[42] Barrdear J., Kumhof M. The Macroeconomics of Central Bank Issued Digital Currencies [Электронный ресурс]. London : Bank of England, 2016. July. (Bank of England Staff Working Paper ; No. 605). P. 7. URL: https://www.bankofengland.co.uk/working-paper/2016/the-macroeconomics-of-central-bank-issued-digital-currencies (дата обращения: 11.08.2026).

[43] Bordo M.D., Levin A.T. Central Bank Digital Currency and the Future of Monetary Policy : NBER Working Paper No. 23711. Cambridge (Mass.) : National Bureau of Economic Research, 2017; Central Bank Digital Currencies : Report by the Committee on Payments and Market Infrastructures and the Markets Committee. Basel : Bank for International Settlements, 2018.

[44] Система работала по клиент-серверной модели. После банкротства компании DigiCash в 1998 г. система eCash прекратила существование. Подробнее см.: De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. P. 16-18.

[45] De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. P. 19-20.

[46] Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [Электронный ресурс]. 2008. URL: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

[47] De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Механизм, решивший задачу двойного расходования, авторы описывают как «trustless system», не требующую доверия к посреднику.

ли центральный банк использовать технологию Биткойна и нужен ли ЦВЦБ распределенный реестр[48].

Признак отсутствия лица, обязанного перед каждым обладателем (пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах), как представляется, близок к свойству протокола Биткойн, позволяющему криптовалюте существовать без единого эмитента, однако шире такого свойства. Признаку отвечает не только криптовалюта, но и стейблкоин, эмитент которого обязан выкупить токен только у лиц, определенных условиями выпуска.

Банк России является оператором платформы цифрового рубля, организует функционирование платформы и устанавливает правила платформы (статья 82.10 Закона о Банке России). Открытие и ведение счетов цифрового рубля обязан обеспечить сам оператор платформы (пункт 1 части 11 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе). Доступ пользователей к платформе предоставляют участники платформы, то есть операторы по переводу денежных средств, за исключением Банка России, и иностранные банки (пункт 41 статьи 3 Закона о национальной платежной системе), а отдельным лицам доступ непосредственно предоставляет сам оператор платформы (часть 12 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе, статья 82.12 Закона о Банке России). Первая модель Дж. Тобина, как представляется, получила в цифровом рубле нормативное воплощение, поскольку и при доступе через участника платформы обязанным перед пользователем остается Банк России, а не кредитная организация.

Формирование Банком России остатка цифровых рублей (статья 82.11 Закона о Банке России), как представляется, составляет эмиссионное правоотношение, объектом которого выступает цифровой рубль как форма национальной валюты, хотя термин «эмиссия» в нормах о цифровом рубле не употребляется. Денежное требование пользователя к Банку России как оператору платформы цифрового

[48] Koning J.P. Why the Fed Is More Likely to Adopt Bitcoin Technology than Kill It Off [Электронный ресурс] // Moneyness : [блог]. 2013. 14 Apr. URL: https://jpkoning.blogspot.com/2013/04/why-fed-is-more-likely-to-adopt-bitcoin.html (дата обращения: 29.03.2024); Scorer S. Central Bank Digital Currency: DLT, or Not DLT? That Is the Question [Электронный ресурс] // Bank Underground : [блог]. 2017. 5 June. URL: https://bankunderground.co.uk/2017/06/05/central-bank-digital-currency-dlt-or-not-dlt-that-is-the-question/ (дата обращения: 29.03.2024).

рубля возникает из договора счета цифрового рубля (части 1 и 2 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе), к которому нормы главы 45 ГК РФ[49] применяются, если иное не предусмотрено законодательством о национальной платежной системе (пункт 7 статьи 845 ГК РФ). Запись на платформе, как представляется, самостоятельного объекта не образует, а отражает размер такого требования (часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе), и по такому требованию публичный субъект выступает не регулятором, а должником. Договорное основание требования не сужает круг лиц, перед которыми обязан Банк России, поскольку перевод цифровых рублей осуществляется исключительно в рамках платформы путем уменьшения остатка на счете цифрового рубля плательщика и увеличения остатка на счете цифрового рубля получателя (часть 3 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе).

Содержание цифровой валюты центрального банка состоит в прямом денежном требовании обладателя к центральному банку, притом такое требование свободно от риска коммерческого банка и обращается в общенациональной платежной системе. Дж. Тобин сформулировал такую конструкцию за четверть века до появления первых децентрализованных цифровых валют, в связи с чем распространение децентрализованных цифровых валют послужило поводом к практической реализации идеи Дж. Тобина, но не источником идеи.

Становление российского регулирования цифровых валют и цифрового рубля

В российском праве на начальном этапе (2014-2020 гг.) специального законодательного регулирования оборота цифровых валют не было. Причиной, как представляется, послужили новизна цифровых валют и отсутствие устоявшихся подходов к правовой квалификации такого объекта. К операциям с цифровыми валютами применялись общие нормы законодательства.

Прежде всего действовали конституционное положение о рубле как денежной единице в Российской Федерации и запрет введения и эмиссии

[49] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

других денег (часть 1 статьи 75 Конституции Российской Федерации[50]). Названным нормам соответствует запрет выпуска денежных суррогатов (часть вторая статьи 27 Закона о Банке России). Значение конституционного запрета для альтернативных денежных выпусков проявилось еще в 1990-е годы. По наблюдению И.Б. Лагутина, принятие Конституции Российской Федерации 1993 года поставило вне закона региональные выпуски денег, которые в Российской Федерации появлялись в 1991-1993 годах, а в некоторых регионах до 1996 года[51]. Применялись также требования валютного законодательства и законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ). В тот же период Банк России, Федеральная служба по финансовому мониторингу (далее - Росфинмониторинг) и Федеральная налоговая служба (далее – ФНС России) издавали информационные письма и информационные сообщения, которые норм права не содержали и источником правового регулирования не являлись. Нормативные акты Банк России издает в форме указаний, положений и инструкций (часть первая статьи 7 Закона о Банке России), а налоговые органы не вправе издавать нормативные правовые акты по вопросам налогов, сборов, страховых взносов (пункт 2 статьи 4 НК РФ[52]). Тем не менее информационные письма к нормативным правовым актам, информационные письма и сообщения выражали официальную позицию о применении общих норм к новому объекту и фактически определяли поведение поднадзорных организаций.

Тем самым такие документы формировали практику, которая предшествовала законодательному оформлению. Такая особенность отличает исходное положение цифрового рубля, который с самого начала вводился в оборот прямым изменением федерального законодательства, в том числе Федеральным законом № 340-ФЗ.

---

[50] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. - 2020. 4 июля. № 144.

[51] Лагутин И. Б. Правовая природа региональных валют: теория, история и практика денежного обращения в отдельных странах мира // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 2. С. 68.

[52] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

Р.М. Янковский отмечает, что на начальном этапе вопрос о законодательном урегулировании криптовалют обсуждали «по трем направлениям: можно условно Гражданско-правовое направление ставило задачу определить правовую природу криптовалюты. Нужно было установить характер прав на криптовалюту, место криптовалюты среди объектов гражданских прав, квалификацию сделок с криптовалютой и способы защиты прав обладателя. Тем не менее в ГК РФ криптовалюта так и не получила места. Правовая природа криптовалюты определялась иным путем, через законодательное определение цифровой валюты, судебную практику и Постановление № 2-П. Цифровые права и цифровые рубли, напротив, получили место в ГК РФ. Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[53] в Кодекс введена статья 141.1 о цифровых правах. Федеральным законом от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[54] (далее – Федеральный закон № 339-ФЗ) цифровые рубли были отнесены к безналичным денежным средствам (статья 128 ГК РФ), а абзац второй пункта 1 статьи 140 ГК РФ дополнен указанием на расчеты цифровыми рублями.

В уголовно-правовой науке обсуждали введение уголовной ответственности за использование криптовалюты. Поднимались также вопросы о форме представления криптовалюты и других альтернативных средств расчета[55] и об определении рыночной стоимости криптовалюты для расчета ущерба[56]. Меры ответственности предлагались и за пределами уголовного права. В 2020 г. Министерство финансов Российской Федерации (далее - Минфин России) подготовило проект изменений в НК РФ, который предусматривал, в частности,

[53] СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
[54] СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.
[55] Немова Н. И. Альтернативные средства расчета как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 25. Автор отмечает, что наличие или отсутствие физической оболочки способно служить критерием разграничения преступлений главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954), а связь альтернативного средства расчета с законным платежным средством влияет на определение размера ущерба.
[56] Там же. С. 113-136.

штраф за неуплату или неполную уплату налога по операциям, расчеты по которым осуществлялись с использованием цифровой валюты. Минфином России подготовлен также проект изменений в части ответственности в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях за незаконную организацию выпуска и совершения сделок с цифровыми финансовыми активами и незаконный прием цифровой валюты[57].

Проект изменений в НК РФ внесен в Государственную Думу как законопроект № 1065710-7[58] и принят в первом чтении в феврале 2021 г. В окончательной редакции законопроект принят в ноябре 2024 г. и стал Федеральным законом от 29 ноября 2024 г. № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Федеральный закон № 418-ФЗ)[59]. Федеральный закон № 418-ФЗ дополнен статьей 129.16 о штрафе для оператора майнинговой инфраструктуры за нарушение обязанности по сообщению сведений, связанных с осуществлением майнинга цифровой валюты (пункт 3 статьи 1 Федерального закона № 418-ФЗ), а предложенный Минфином России штраф в закон не вошел. В 2026 г. Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу два законопроекта: (1) № 1194944-8 предусматривает административную ответственность организации, осуществляющей обмен цифровых валют, за сделки с резидентами, не являющимися квалифицированными инвесторами, если такие сделки выходят за пределы ограничений, установленных законодательством

[57] Проект федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=108949 (дата обращения: 25.01.2025).

[58] Паспорт проекта федерального закона № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части налогообложения цифровой валюты) // СПС «КонсультантПлюс». Текст до внесения в Государственную Думу см.: проект федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (подготовлен Минфином России, ID проекта 02/04/10-20/00108960) (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.11.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[59] Федеральный закон от 29 ноября 2024 г. № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. I). Ст. 7409.

Российской Федерации об обращении цифровой валюты[60]; и (2) законопроект № 1209607-8, предусматривающий уголовную ответственность за незаконную организацию обращения цифровой валюты[61]. Оба законопроекта приняты Государственной Думой в первом чтении 8 июля 2026 г.

К финансово-правовому направлению, как представляется, относятся позиции Банка России, Росфинмониторинга и ФНС России. Первым позицию обозначил Банк России, который в информации от 27 января 2014 г. предостерег граждан и юридических лиц от использования «виртуальных валют» для обмена на товары, работы, услуги или денежные средства[62].

Предостережение Банка России было обращено прежде всего к кредитным организациям и некредитным финансовым организациям, надзор за деятельностью которых осуществляет Банк России (пункты 9 и 9.1 статьи 4 Закона о Банке России). Банк России напомнил, что часть вторая статьи 27 Закона о Банке России запрещает выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов, и указал, что в связи с анонимным характером выпуска и использования «виртуальных валют» граждане и юридические лица могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма. Кроме того, Банк России предупредил, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары, работы и услуги будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем,

[60] Паспорт проекта федерального закона № 1194944-8 «О внесении изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части установления ответственности за нарушение требований законодательства Российской Федерации об обращении цифровой валюты) // СПС «КонсультантПлюс». Законопроект принят Государственной Думой в первом чтении 8 июля 2026 г. (Постановление № 11051-8 ГД).

[61] Паспорт проекта федерального закона № 1209607-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления ответственности за незаконную организацию обращения цифровой валюты) // СПС «КонсультантПлюс». Законопроект принят Государственной Думой в первом чтении 8 июля 2026 г. (Постановление № 11052-8 ГД).

[62] Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн : информация Банка России от 27 января 2014 г. // Вестник Банка России. 2014. № 11.

и финансированию терроризма. Как представляется, значение для кредитных организаций и некредитных финансовых организаций информации Банка России определялось не нормативной силой документа, а надзорными полномочиями Банка России в отношении таких адресатов.

Президент Российской Федерации 21 октября 2017 г. по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере утвердил Перечень поручений № Пр-2132 (далее - Поручение № Пр-2132)[63]. Во исполнение Поручения № Пр-2132 был подготовлен и в марте 2018 г. внесен в Государственную Думу законопроект № 419059-7, первоначально названный «О цифровых финансовых активах»[64].

ФНС России с учетом международной практики контроля за криптовалютами предложила разработать методы контроля за деятельностью «операторов (эмитентов, обменников), криптовалют»[65]. С указанной целью предлагалось определить объекты и субъектов такого контроля в Законе о валютном регулировании[66] и в Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[67] (далее - Федеральный закон № 115-ФЗ). В таком случае налоговые органы приобрели бы правовую основу для получения сведений об операциях с криптовалютами от органов и агентов валютного контроля и от уполномоченного органа в сфере ПОД/ФТ.

По Поручению № Пр-2132 Правительство Российской Федерации совместно с Банком России должно было обеспечить внесений в законодательство. Изменениями предполагалось определить статус и понятия цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, в том числе понятия «криптовалюта» и «токен»,

---

[63] Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере (утв. Президентом РФ 21 октября 2017 г. № Пр-2132) // Президент России : офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899 (дата обращения: 12.03.2026).

[64] Проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7 (дата обращения: 19.04.2025).

[65] Письмо ФНС России от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027 «О контроле за обращением криптовалют (виртуальных валют)» // СПС «КонсультантПлюс».

[66] СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

[67] СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

исходя из обязательности рубля в качестве единственного законного платежного средства в Российской Федерации, установить требования к организации и осуществлению майнинга и урегулировать публичное привлечение денежных средств и криптовалют путем размещения токенов[68].

Работа над законопроектом № 419059-7 завершилась принятием Закона о ЦФА и законодательным определением цифровой валюты. Согласно части 3 статьи 1 Закона о ЦФА, действовавшей до 1 сентября 2026 г., цифровой валютой признавалась совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа и (или) в качестве инвестиций. Средством платежа в таком значении выступали данные, которые не являются ни денежной единицей Российской Федерации или иностранного государства, ни международной денежной или расчетной единицей. Лица, обязанного перед каждым обладателем таких данных, не было, кроме оператора и узлов информационной системы, которые обязаны только обеспечивать соблюдение правил системы.

С 1 сентября 2026 г. определение перенесено в пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах. Изменилось и родовое понятие термина цифровые валюты, под которым стало пониматься «имущество, которое представлено совокупностью электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе». Ни прежнее, ни новое определение не содержит территориального признака и не указывает способ получения цифровой валюты. Отсутствие территориального признака означает, что место выпуска цифровой валюты для квалификации значения не имеет.

Из определения следует два признака цифровой валюты. Во-первых, цифровая валюта не является денежной единицей Российской Федерации или иностранного государства и потому, как представляется, с точки зрения

[68] Поручение № Пр-2132. См. также: Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Гук О. А., Тюлин А. С. Анализ развития и регулирования криптовалют: зарубежный и российский опыт // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017 Т. 8. № 4. С. 554-565; Новоселова Л. А. О правовой природе биткойна // Хозяйство и право. 2017. № 9. С. 5.

государственной теории денег деньгами не является. Во-вторых, лица, обязанного перед каждым обладателем цифровой валюты, нет. По второму признаку цифровая валюта отличается от цифровых прав, к которым относятся цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и гибридные цифровые права. Из того же признака следует, что обладание цифровой валютой само по себе денежного требования не дает.

Налоговые и валютные обязанности, а также обязанности в сфере ПОД/ФТ возникают из обладания цифровой валютой или из совершения операций с цифровой валютой. От основания возникновения таких обязанностей зависит и роль цифровой валюты в финансовых правоотношениях. Объектом эмиссионного правоотношения цифровая валюта быть не может, так как цифровую валюту не эмитирует центральный банк. Объектом расчетного правоотношения цифровая валюта, как представляется, также не является, поскольку формой денежной единицы государства не выступает. Использование цифровых валют в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам допускается в виде исключения из общего запрета (пункт 1 части 7 статьи 1 Закона о цифровых валютах), но и в таком случае цифровая валюта остается имуществом, а не денежной единицей. Цифровая валюта выступает объектом налоговых, валютных правоотношений и правоотношений в сфере ПОД/ФТ как имущество, а не как денежное требование.

До 1 сентября 2026 г. часть 5 статьи 14 Закона о ЦФА запрещала принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги. Запрет касался российских юридических лиц, обособленных подразделений иностранных организаций в Российской Федерации и физических лиц, находящихся в стране не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев. Исключение составляли выпуск цифровой валюты и вознаграждение за майнинг.

С 1 сентября 2026 г. запрет сформулирован территориально. Принимать цифровые валюты и цифровые права в качестве средства платежа или встречного предоставления запрещено в Российской Федерации (часть 6 статьи 1 Закона

о цифровых валютах), а исключения, в том числе для внешнеторговых договоров между резидентами и нерезидентами, закреплены в части 7 данной статьи. С той же даты статья 33 Закона о цифровых валютах, посвященная сделкам и операциям с цифровыми валютами, совершаемым Российской Федерацией, предоставляет Правительству Российской Федерации право определить особенности обращения цифровых валют с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (часть 1 статьи 33 Закона о цифровых валютах). Обязанным лицом перед обладателями цифровых валют Российская Федерация в таком случае, как представляется, не становится, поскольку у цифровой валюты по определению нет лица, обязанного перед каждым обладателем (пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах).

К.Б. Раздорожный, по собственной оценке, впервые в науке финансового права комплексно рассмотрел особенности цифровых финансовых активов[69], а Г.Т. Папаскуа обосновал место норм о финансовых технологиях в системе финансового права[70]. Применима к настоящему исследованию и методологическая позиция Г.Т. Папаскуа о нецелесообразности выделения «цифрового финансового права» ни как комплексного межотраслевого образования, ни как подотрасли или института финансового права[71].

Часть 4 статьи 14 Закона о ЦФА, действовавшая до 1 сентября 2026 г., отсылала к федеральным законам регулирование организации выпуска, самого выпуска и обращения цифровой валюты в Российской Федерации. С 1 сентября 2026 г. основу этого регулирования составляет сам Закон о цифровых валютах, но сохраняют значение и нормы других федеральных законов. До 1 сентября 2026 г. часть вторая статьи 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[72] (далее - Закон о банкротстве) и часть 4 статьи 68 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ

[69] Раздорожный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 9.
[70] Папаскуа Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 11, 56.
[71] Там же. С. 10-11, 55.
[72] СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

«Об исполнительном производстве»[73] (далее - Закон об исполнительном производстве) признавали цифровую валюту имуществом для целей названных законов, и из такого признания, как представляется, следовала возможность обратить на цифровую валюту взыскание. С 1 сентября 2026 г. часть 4 статьи 68 Закона об исполнительном производстве утратила силу, а часть вторая статьи 2 Закона о банкротстве изложена в новой редакции, которая отсылает к понятиям законодательства о цифровых валютах и цифровых правах. Закон об исполнительном производстве дополнен статьей 82.1 о наложении ареста на цифровые валюты и (или) цифровые права и статьей 73.7 о принудительном исполнении исполнительных документов о списании цифровых валют и (или) цифровых прав должника. Статья 73.6 того же закона устанавливает особенности обращения взыскания на имущество цифрового депозитария, оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и клиентов таких организаций[74].

До 1 сентября 2026 г. часть 6 статьи 14 Закона о ЦФА допускала судебную защиту связанных с обладанием цифровой валютой требований лиц, указанных в части 5 статьи 14 Закона о ЦФА, только при условии информирования о фактах обладания цифровой валютой и совершения с цифровой валютой гражданско-правовых сделок и (или) операций в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. Постановлением № 2-П названная норма признана не противоречащей Конституции Российской Федерации применительно к лицам, осуществляющим майнинг. Вместе с тем норма признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой препятствовала судебной защите имущественных требований, вытекающих из законного обладания цифровой валютой и законного использования цифровой валюты в обороте и заявленных лицами, получившими цифровую валюту

[73] СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

[74] Пункт 1 статьи 11, пункты 4, 7 и 10 статьи 14 Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 283-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2026. № 32. Ст. 4480 (далее - Федеральный закон № 283-ФЗ).

способами, не связанными с майнингом[75]. Закон о цифровых валютах такого условия судебной защиты не содержит.

В Постановлении № 2-П указано, что обладание цифровыми валютами «наполняется в современных реалиях вполне конкретным имущественным содержанием», а гражданское законодательство «принципиально не препятствует» тому, чтобы рассматривать цифровую валюту в качестве «иного имущества» по смыслу статьи 128 ГК РФ[76].

Тем самым имущественная природа цифровой валюты получила конституционное подтверждение раньше, чем цифровая валюта была определена как имущество в Законе о цифровых валютах. Ко времени принятия Постановления № 2-П отдельные федеральные законы и НК РФ признавали цифровую валюту имуществом только для целей соответствующего акта (банкротство, исполнительное производство, противодействие легализации преступных доходов, противодействие коррупции, налогообложение)[77]. Цифровой рубль такого пути не проходил, поскольку статья 128 ГК РФ относит цифровые рубли к безналичным денежным средствам без привязки к целям отдельных законов, а условия судебной защиты, подобного предусмотренному частью 6 статьи 14 Закона о ЦФА, для цифровых рублей не установлено. Причина видится в том, что у цифровой валюты, в отличие от цифрового рубля, нет эмитента, обязанного перед каждым обладателем.

Путь цифрового рубля к законодательному оформлению начался в 2020 году. В докладе для общественных консультаций «Цифровой рубль», опубликованном в октябре 2020 года, Банк России сообщил, что изучает возможность выпустить цифровую валюту центрального банка, то есть цифровой рубль как дополнительную форму российской национальной валюты в цифровом виде[78]. По информации Банка России, в отличие от «криптовалют» цифровая валюта центрального банка является равноценной формой национальной валюты,

[75] Постановление № 2-П, пункты 1 и 2 резолютивной части.
[76] Постановление № 2-П, пункт 2.2 мотивировочной части.
[77] Постановление № 2-П, пункт 2 мотивировочной части.
[78] Цифровой рубль : доклад для общественных консультаций / Банк России. М., 2020. Октябрь. Введение, подразд. 1.1. URL: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 20.05.2025).

устойчивое функционирование которой обеспечивает государство в лице центрального банка. С того времени в российском праве стало развиваться регулирование двух самостоятельных институтов, цифрового рубля как формы национальной валюты и цифровых валют в смысле Закона о ЦФА.

В 2021 г. в Концепции цифрового рубля Банк России назвал цифровой рубль третьей формой российской национальной валюты наряду с наличными и безналичными рублями[79]. Цифровой рубль предполагалось хранить в кошельках на платформе Банка России, а доступ к кошелькам давать через банковские приложения. Наиболее целесообразной Банк России признал двухуровневую розничную модель (модель D), поскольку такая модель позволяет использовать преимущества сложившейся двухуровневой финансовой системы и инфраструктуру финансовых организаций для обслуживания клиентов. По Концепции риск значительного оттока ликвидности из банковского сектора минимизируется постепенным и контролируемым введением цифрового рубля в обращение. Цифровой рубль в Концепции назван обязательством Банка России с оговоркой, что термины «форма денег» и «обязательство Банка России» используются в экономическом контексте. По Концепции кошельки клиентам на платформе цифрового рубля открывали финансовые организации, а на балансе финансовых организаций кошельки клиентов не отражались. Впоследствии в Законе о национальной платежной системе закреплена иная модель, при которой открытие и ведение счетов цифрового рубля обязан обеспечить сам оператор платформы цифрового рубля (пункт 1 части 11 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе).

В 2021 г. в проекте «Основные направления цифровизации финансового рынка на период 2022-2024 годов» Банк России вновь указал, что цифровые валюты нельзя использовать как средство платежа. Причинами Банк России назвал высокую волатильность и риск вовлечения в схемы легализации преступных

[79] Концепция цифрового рубля / Банк России. М., 2021. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

доходов. Одновременно Банк России признал необходимым развивать цифровые валюты, выпускаемые центральными банками иностранных государств[80].

В 2022 г. в докладе для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры» Банк России предложил запретить в России выпуск, обращение и обмен цифровой валюты, в том числе через криптобиржи и обменники, и установить ответственность за нарушение запрета[81].

В ответ Правительство Российской Федерации утвердило подготовленную Минфином России Концепцию законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют, в которой отклонены и отсутствие регулирования, и предложенный Банком России запрет, поскольку, по оценке Правительства Российской Федерации, оба варианта привели бы к росту теневой экономики и мошенничества[82].

Статья 128 ГК РФ относит цифровые рубли к безналичным денежным средствам, а по абзацу второму пункта 1 статьи 140 ГК РФ расчеты цифровыми рублями входят в состав безналичных расчетов («безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями»). Закон о цифровых валютах называет цифровые рубли отдельно от денежных средств, находящихся на счетах в кредитных организациях, и электронных денежных средств (подпункт «а» пункта 3 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах). Такое перечисление, как представляется, статье 128 ГК РФ не противоречит, поскольку средства на счетах в кредитных организациях также относятся к безналичным денежным средствам. Однако отдельное упоминание цифровых рублей ставит вопрос о том, образует ли цифровой рубль самостоятельную форму национальной валюты или особый режим безналичных расчетов.

Как представляется цифровой рубль является новой формой существующего объекта, рубля, и в такой форме выступает самостоятельным объектом

[80] Проект «Основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022-2024 годов» (по состоянию на 10.12.2021) (подготовлен Банком России) // СПС «КонсультантПлюс».
[81] Криптовалюты: тренды, риски, меры : доклад для общественных консультаций / Банк России. М., 2022. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=12623 (дата обращения: 22.01.2025).
[82] Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют : утв. Правительством Российской Федерации 8 февраля 2022 г. // Правительство Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://government.ru/news/44519/ (дата обращения: 22.04.2025).

финансового правоотношения. Расчеты цифровыми рублями выведены из общего режима безналичных расчетов через кредитные организации и осуществляются путем перевода цифровых рублей Банком России в рамках платформы цифрового рубля (пункты 3 и 4 статьи 861, пункт 1 статьи 862 ГК РФ).

С августа 2023 г. цифровой рубль тестировался в пилотном проекте. Поэтапный график обязательного подключения кредитных организаций и продавцов к расчетам цифровыми рублями установлен ФЗ №248[83].

С 1 сентября 2026 г. обязанность обеспечивать клиентам возможность совершения операций с цифровыми рублями (часть 18.1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе) распространяется на системно значимые кредитные организации и кредитные организации, признанные Банком России значимыми на рынке платежных услуг (часть 3 статьи 4 ФЗ №248). С 1 сентября 2027 г. такая обязанность распространится на банки с универсальной лицензией, а с 1 сентября 2028 г. охватит и иные кредитные организации (части 4 и 5 статьи 4 ФЗ №248).

Цифровой рубль является не новой денежной единицей, введение которой запрещено частью второй статьи 27 Закона о Банке России, а одной из форм официальной денежной единицы Российской Федерации (рубля)[84].

Для цифровой валюты, в отличие от цифрового рубля[85], потребовалось создать самостоятельный правовой режим.

Цифровыми рублями могут исполняться те же денежные обязанности, что и рублем в наличной и безналичной формах, поэтому цифровой рубль входит в бюджетные правоотношения. Со счета цифрового рубля Федерального

---

[83] Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 30 (ч. II). Ст. 4397.

[84] См.: Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6-15; Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. № 1. С. 58-67; Шапсугова М. Д. Анализ модели цифрового рубля, предложенной в Концепции цифрового рубля Банка России // Право и цифровая экономика. 2022. № 2. С. 5-9; Дерюгина Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации // Цивилист. 2022. № 1. С. 8-11; Сарнакова А. В., Жижин Н. С. Вопросы соотношения безналичных денежных средств, электронных денежных средств и цифрового рубля // Юрист. 2022. № 5. С. 26-33; Рыжкова Е. А., Рыжкова Е. К. Цифровая валюта как результат цифровизации денежного обращения // Банковское право. 2022. № 6. С. 56-63.

[85] По оценке экспертов, в 2023 г. в России на законодательном уровне создана правовая база для внедрения цифрового рубля. См.: Эксперты назвали пять фундаментальных недочетов регулирования цифрового рубля // Ведомости. 2023. 9 нояб.

казначейства оператор платформы цифрового рубля переводит цифровые рубли на счета цифрового рубля пользователей платформы на основании распоряжения о переводе цифровых рублей (пункт 1 статьи 242.11-1 Бюджетного кодекса Российской Федерации). С 1 января 2026 г. на счет цифрового рубля Федерального казначейства перечисляются поступления в бюджеты (пункт 2 статьи 242.11-1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, часть 2 статьи 3 Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» (далее - Федеральный закон № 303-ФЗ)). К средствам бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов названные нормы применяются с 1 июля 2027 г. (часть 3 статьи 3 Федерального закона № 303-ФЗ).

Эмиссионное правоотношение по поводу цифрового рубля связано и с денежно-кредитной политикой. По оценке Банка России, перераспределение средств между цифровым рублем и счетами банков станет дополнительным фактором формирования ликвидности банковского сектора, и такой фактор Банку России потребуется учитывать при определении объемов операций по управлению ликвидностью[86].

Закон о валютном регулировании допускает специальное регулирование операций с цифровой валютой в рамках экспериментального правового режима[87] (части 2 и 3 статьи 2 Закона о валютном регулировании). Такое регулирование может касаться и использования цифровой валюты как средства платежа по внешнеторговым договорам. С 1 сентября 2026 г. цифровые валюты, кроме того, отнесены к валютным ценностям (пункт 5 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании в редакции Федерального закона № 283-ФЗ). Следовательно, с той же даты отчуждение резидентом цифровой валюты в пользу нерезидента является валютной операцией (подпункт «б» пункта 9 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании).

---

[86] Цифровой рубль : доклад для общественных консультаций / Банк России. М., 2020. Октябрь. Подразд. 3.1.

[87] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017 (далее - Федеральный закон № 258-ФЗ).

Ограничения обращения цифровых валют расширены Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[88] (далее - Федеральный закон № 221-ФЗ). Прежние запреты касались оплаты товаров, работ и услуг, а также распространения информации о такой оплате (части 5 и 7 статьи 14 Закона о ЦФА). Федеральный закон № 221-ФЗ ввел запрет предлагать цифровую валюту неограниченному кругу лиц (часть 8 статьи 14 Закона о ЦФА) и установил режим майнинга. Юридические лица и индивидуальные предприниматели вправе были заниматься майнингом только после включения в реестр (часть 1 статьи 14.2 Закона о ЦФА). После изменений, внесенных Федеральным законом от 25 октября 2024 г. № 349-ФЗ, такой реестр вела ФНС России (часть 7 статьи 14.2 Закона о ЦФА). Каждое лицо, осуществлявшее майнинг, обязано было сообщать сведения о полученной цифровой валюте и об адресе-идентификаторе (часть 10 статьи 14.2 Закона о ЦФА). С 1 сентября 2026 г. правила о майнинге содержатся в частях 1, 8 и 11 статьи 3 Закона о цифровых валютах.

Майнинг остается способом первичного получения цифровой валюты. У цифрового рубля такого способа возникновения нет, поскольку остаток цифровых рублей формирует оператор платформы цифрового рубля (статья 82.11 Закона о Банке России).

Следующим шагом стали предложения Банка России о регулировании инвестиций в цифровые валюты. В соответствии с поручением Президента Российской Федерации Банк России 12 марта 2025 г. направил такие предложения в Правительство Российской Федерации[89]. Предлагалось в рамках экспериментального правового режима в течение трех лет допустить к сделкам с цифровой валютой ограниченный круг инвесторов и ввести новую категорию «особо квалифицированных» инвесторов с имущественным цензом (вложения свыше 100 млн рублей либо доход свыше 50 млн рублей за предшествующий год).

[88] СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4917.

[89] См.: Банк России в соответствии с поручением Президента России направил для обсуждения в Правительство предложения о регулировании инвестиций в криптовалюты (цифровые валюты). URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=23448 (дата обращения: 27.05.2025).

Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[90] (далее - Закон о рынке ценных бумаг) различает квалифицированных инвесторов (статья 51.2 Закона о рынке ценных бумаг) и инвесторов, не являющихся квалифицированными. Категория «особо квалифицированных» инвесторов в Закон о цифровых валютах не вошла, и допуск к приобретению цифровых валют построен на действующем делении инвесторов. Брокер вправе приобретать цифровые валюты по поручению физического лица - резидента, в том числе квалифицированного инвестора, если такое лицо прошло тестирование и ознакомлено с уведомлением о повышенных рисках, а для неквалифицированного инвестора, кроме того, действует предельная сумма приобретения (пункты 1-3 части 1, части 2 и 10 статьи 31, статья 32 Закона о цифровых валютах). В отличие от предложений Банка России, к приобретению цифровых валют по Закону о цифровых валютах допускаются и неквалифицированные инвесторы. И в предложениях Банка России, и в Законе о цифровых валютах цифровая валюта допускается прежде всего как инвестиционный инструмент. Цифровой рубль, напротив, вводится именно ради платежной функции.

Предельную сумму, на которую неквалифицированный инвестор может приобрести цифровую валюту, устанавливает Банк России (пункт 3 части 1 статьи 31 Закона о цифровых валютах). Банк России также вправе установить форму и содержание уведомления о рисках (часть 10 статьи 31 Закона о цифровых валютах). Правила и процедуру тестирования физических лиц и перечни вопросов тестирования устанавливает базовый стандарт защиты прав инвесторов, разработанный, согласованный и утвержденный в соответствии с требованиями Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» саморегулируемыми организациями в сфере финансового рынка, объединяющими брокеров, управляющих, цифровые депозитарии и организации, осуществляющие обмен цифровых валют (части

[90] СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

1 и 4 статьи 32 Закона о цифровых валютах). Устанавливая предельную сумму и форму уведомления, Банк России осуществляет регулирование. Контрольно-надзорное правоотношение возникает, когда Банк России проверяет, соблюдают ли названные требования лица, организующие обращение цифровых валют, и применяет меры за нарушения (пункты 1, 3 и 11 части 1 статьи 54 Закона о цифровых валютах, статья 76.5-4 Закона о Банке России). Цифровая валюта, оборот которой проверяется, Банку России не принадлежит, и обязательств перед обладателями цифровой валюты Банк России не несет. По поводу цифрового рубля Банк России, напротив, в одних правоотношениях осуществляет надзор за участниками платформы, а в других является обязанным лицом перед каждым обладателем цифровых рублей.

До принятия Закона о цифровых валютах открытым оставался вопрос о цифровых валютах иностранного выпуска. В доктрине отмечалась необходимость нормативного определения регулирования оборота и правового статуса таких цифровых валют, а также порядка функционирования криптовалютных бирж[91]. После принятия Закона о ЦФА сохранилась необходимость регулирования оборота таких валют, так как запрет принимать цифровую валюту в оплату товаров, работ и услуг (часть 5 статьи 14 Закона о ЦФА) не ограничивал оборот цифровой валюты полностью. Как отмечает Л.А. Новоселова, возможно перемещение активов иными способами (уплата алиментов, возмещение вреда и убытков, наследование, дарение и прочие)[92].

Расчетные правоотношения складываются между Банком России как оператором платформы и участниками и пользователями платформы при организации функционирования платформы и совершении переводов цифровых рублей, которые осуществляются исключительно в рамках платформы (статьи 82.10 и 82.11 Закона о Банке России). Переводы оператор платформы совершает по распоряжениям пользователей, выполнять которые обязуется

[91] Белицкая А. В., Белых В. С., Беляева О. А. и др. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2019. С. 117-129.
[92] Ежегодная научная конференция Центра частного права // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 4. С. 7-8.

по договору счета цифрового рубля (часть 1 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе), поэтому правоотношение по счету цифрового рубля сохраняет договорную природу. Правоотношения пользователей между собой по поводу оплаты остаются гражданско-правовыми. Налоговые правоотношения по поводу цифрового рубля складываются, в частности, при взыскании задолженности за счет цифровых рублей налогоплательщика (статья 46 НК РФ), а валютные правоотношения при расчетах резидентов по валютным операциям через счета цифрового рубля и при операциях нерезидентов с цифровыми рублями (части 2 и 3 статьи 14, часть 4.1 статьи 13 Закона о валютном регулировании).

К контрольно-надзорным правоотношениям по поводу цифрового рубля относятся правоотношения, которые складываются при валютном и налоговом контроле, при финансовом мониторинге, а также при надзоре и наблюдении Банка России в национальной платежной системе. Надзор Банк России осуществляет, в частности, за участниками платформы, являющимися кредитными организациями (часть 3 статьи 31 Закона о национальной платежной системе), а платформа цифрового рубля прямо отнесена к объектам наблюдения (часть 5 статьи 31 Закона о национальной платежной системе).

Цифровая форма национальной валюты может быть объектом финансового правоотношения, поскольку цифровой рубль выступает объектом эмиссионного, бюджетного, расчетного, налогового, валютного и контрольно-надзорного правоотношений. Публично-правовое содержание цифрового рубля, то есть эмиссионная функция государства и влияние на условия проведения денежно-кредитной политики, сочетается с частноправовыми элементами правоотношения по счету цифрового рубля, однако договорная природа такого правоотношения вывода о цифровом рубле как объекте финансового правоотношения не меняет.

Если переход от товарных денег к металлическим занял столетия, а внедрение безналичных расчетов потребовало десятилетий правовой адаптации, то цифровой рубль прошел путь от консультационного доклада Банка России до пилотного внедрения менее чем за три года. Цифровой рубль введен

Федеральными законами № 339-ФЗ и № 340-ФЗ, а не сложился в практике участников оборота, и не стал вынужденным ответом государства на появление цифровой валюты. Как представляется, цифровой рубль является новой формой национальной валюты, созданной решением публичной власти, поскольку денежная эмиссия отнесена к ведению Российской Федерации и осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации (пункт «ж» статьи 71 и часть 1 статьи 75 Конституции Российской Федерации).

§ 2. Цифровые валюты в иностранных юрисдикциях

По данным опроса Банка международных расчетов за 2024 год, 91% опрошенных центральных банков ведут работу над цифровыми валютами центральных банков, от исследований до пилотных проектов[93].

Правовая природа цифровой валюты центрального банка отличается от природы децентрализованных криптовалют (например, биткоина). Как отмечает Европейский центральный банк, цифровая валюта центрального банка не является криптоактивом или стейблкоином, а независимо от технологии создания представляет собой безрисковое обязательство центрального банка, что принципиально отличает такую валюту от криптоактивов[94].

В октябре 2020 года группа центральных банков, включая Банк Англии, Европейский центральный банк и Банк международных расчетов опубликовали отчет о розничных цифровых валютах центральных банков[95]. Согласно отчету «цифровые валюты центральных банков должны: (i) «не наносить вреда денежной и финансовой стабильности; (ii) сосуществовать с существующими формами денег и дополнять их; и (iii) способствовать более широким инновациям и эффективности»[96]. Для соблюдения названных принципов цифровые валюты

---

[93] См.: Illes A., Kosse A., Wierts P. Advancing in Tandem. - Results of the 2024 BIS Survey on Central Bank Digital Currencies and Crypto [Электронный ресурс]. Basel : Bank for International Settlements, 2025. (BIS Papers ; No. 159). URL: https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap159.htm (дата обращения: 26.03.2026).

[94] Report on a Digital Euro [Электронный ресурс] / European Central Bank. Frankfurt am Main, 2020. October. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

[95] Central Bank Digital Currencies: Foundational Principles and Core Features [Электронный ресурс] / Bank of Canada, European Central Bank, Bank of Japan, Sveriges Riksbank, Swiss National Bank, Bank of England, Board of Governors of the Federal Reserve System, Bank for International Settlements. Basel: Bank for International Settlements, 2020. October. URL: https://www.bis.org/publ/othp33.htm (дата обращения: 26.03.2026).

[96] Central Bank Digital Currencies: Foundational Principles and Core Features. P. 1. О проекте mBridge, в котором технология распределенного реестра используется для международных расчетов цифровыми валютами центральных

центральных банков должны обладать такими характеристиками, как конвертируемость, низкая себестоимость, удобство использования, безопасность и устойчивость, а также опираться на законодательную базу с соответствующими нормативными стандартами[97].

Для сравнения регулирования цифровых валют центральных банков и криптоактивов выбраны правопорядки континентальной и англосаксонской правовых традиций, а также правопорядок КНР. Сравнение начинается с права Европейского союза (далее - ЕС), которое задает общую рамку для правопорядков государств-членов.

Континентальную традицию представляют Германия и Лихтенштейн (членом ЕС не является). Германия входит в число крупнейших государств еврозоны, для которой проектируется цифровое евро, и имеет самостоятельный национальный режим обращения электронных ценных бумаг[98].

Лихтенштейн одним из первых принял комплексный закон о токенах и провайдерах услуг на основе доверенных технологий[99], а с 1 февраля 2025 г. как государство Европейского экономического пространства применяет и общеевропейский регламент о рынках криптоактивов[100].

Англосаксонская традиция рассматривается на примере Великобритании, где регуляторный режим формируется автономно от права ЕС после прекращения членства в Союзе[101], и Соединенных Штатов Америки, где отказ от розничной цифровой валюты центрального банка сочетается с законодательным регулированием выпуска частных стейблкоинов. В КНР, напротив, цифровая

банков, см.: Недров А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2026. С. 85.

[97] Central Bank Digital Currencies: Foundational Principles and Core Features. P. 11.

[98] Gesetz über elektronische Wertpapiere (eWpG) vom 3. Juni 2021 [Электронный ресурс] / / Bundesgesetzblatt. 2021. Teil I. Nr. 29. S. 1423. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/ewpg/ (дата обращения: 29.03.2025).

[99] Gesetz vom 3. Oktober 2019 über Token und VT-Dienstleister (Token- und VT-Dienstleister-Gesetz; TVTG) [Электронный ресурс] // Liechtensteinisches Landesgesetzblatt. 2019. Nr. 301. URL: https://www.gesetze.li/konso/2019301000 (дата обращения: 29.03.2026).

[100] Gesetz vom 5. Dezember 2024 zur Durchführung der Verordnung (EU) 2023/1114 über Märkte für Kryptowerte (EWR-MiCA-Durchführungsgesetz; EWR-MiCA-DG) [Электронный ресурс] // Liechtensteinisches Landesgesetzblatt. 2025. Nr. 112. URL: https://www.gesetze.li/konso/2025112000 (дата обращения: 24.09.2026).

[101] Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community // Official Journal of the European Union. 2020. L 29. P. 7-187; European Union (Withdrawal Agreement) Act 2020 (c. 1).

валюта центрального банка используется в расчетах, а операции с криптовалютами запрещены. Набор юрисдикций выбран для сопоставления модели цифрового рубля с решениями, принятыми в иных правопорядках.

Цифровая валюта центрального банка Европейского союза

В ЕС 28 июня 2023 г., Европейская Комиссия представила в Европейский парламент и Совет Европейского союза (далее - Совет ЕС) проект регламента Европейского парламента и Совета ЕС о создании цифрового евро (далее - проект Регламента)[102]. В ноябре 2023 года Европейский центральный банк начал подготовительный этап работы над цифровым евро[103].

В проекте Регламента цифровое евро рассматривается как розничная цифровая валюта центрального банка, которая работает на основе двухуровневой системы и доступна для использования физическими и юридическими лицами в качестве законного платежного средства. Проект Регламента предусматривает онлайн- и офлайн-форму цифрового евро[104].

В октябре 2023 года Европейский центральный банк дал заключение на проект Регламента, где защита персональных данных клиентов становится приоритетной задачей при создании цифрового евро[105]. Предполагается, что при офлайн-расчетах цифровым евро будет обеспечена конфиденциальность, сопоставимая с конфиденциальностью расчетов наличными денежными средствами. Решением от 30 октября 2025 г. Совет управляющих Европейского центрального банка перевел проект на следующий этап. Вопрос о выпуске цифрового евро будет решаться только после принятия регламента. Если регламент будет принят в течение 2026 года, пилотный проект может начаться в 2027 году,

---

[102] Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the establishment of the digital euro [Электронный ресурс]. COM (2023) 369 final. Brussels, 28.06.2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023PC0369 (дата обращения: 08.08.2025).

[103] Eurosystem proceeds to next phase of digital euro project [Электронный ресурс] // European Central Bank. 2023. 18 October. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/pr/date/2023/html/ecb.pr231018~111a014ae7.en.html (дата обращения: 08.08.2025); Cannataci J., Fehrensen B., Lucke B., Gütschow M. The Digital Euro: An Analysis of the Commission's Proposed Legislation [Электронный ресурс] // Universität Hamburg. 2025. March. P. 3. URL: https://www.wiso.uni-hamburg.de (дата обращения: 08.02.2026).

[104] Cannataci J., Fehrensen B., Lucke B., Gütschow M. The Digital Euro: An Analysis of the Commission's Proposed Legislation. P. 1, 3, 5.

[105] Opinion of the European Central Bank of 31 October 2023 on the digital euro (CON/2023/34) [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. C, C/2024/669, 12.01.2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023AB0034 (дата обращения: 13.08.2026).

а первый выпуск цифрового евро возможен в 2029 году[106]. Совет ЕС согласовал свою позицию по проекту Регламента 19 декабря 2025 г.[107], а Европейский парламент 9 июля 2026 г. одобрил начало переговоров с Советом ЕС[108].

Правовой основой регулирования ЕС в отношении цифрового евро является статья 133 Договора о функционировании Европейского союза, который был подписан в Риме 25 марта 1957 г. как Договор, учреждающий Европейское экономическое сообщество, и получил нынешнее название по Лиссабонскому договору 2007 г. (далее - ДФЕС) [109]. Согласно статье 133 ДФЕС «без ущерба для полномочий Европейского центрального банка» Европейский парламент и Совет ЕС устанавливают «меры, необходимые для использования евро в качестве единой валюты».

Разграничение полномочий означает, что предлагаемое регулирование касается использования цифрового евро. Согласно пункту 1 статьи 128 ДФЕС исключительное право разрешать выпуск евробанкнот принадлежит Европейскому центральному банку[110]. Названная норма касается только банкнот, а прямой нормы о выпуске цифрового евро ДФЕС не содержит. Дж. Каннатачи и соавторы со ссылкой на заключение Европейского центрального банка на проект Регламента распространяют такое исключительное право и на выпуск цифрового евро. Те же авторы допускают совместную компетенцию Европейского парламента, Совета ЕС и Европейского центрального банка в отношении устройства платежной инфраструктуры и интерфейсов частных поставщиков платежных услуг, поскольку

---

[106] Eurosystem Moving to Next Phase of Digital Euro Project [Электронный ресурс] // European Central Bank. 2025. 30 October. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/pr/date/2025/html/ecb.pr251030~8c5b5beef0.en.html (дата обращения: 22.09.2026).

[107] Single Currency: Council Agrees Position on the Digital Euro and on Strengthening the Role of Cash [Электронный ресурс] // Council of the European Union. 2025. 19 December. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/12/19/single-currency-council-agrees-position-on-the-digital-euro-and-on-strengthening-the-role-of-cash/ (дата обращения: 22.09.2026).

[108] Digital Euro: MEPs Ready to Start Negotiations [Электронный ресурс] // European Parliament. 2026. 9 July. URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20260708IPR46377/digital-euro-meps-ready-to-start-negotiations (дата обращения: 22.09.2026).

[109] Договор о функционировании Европейского союза (первоначально подписан как Договор, учреждающий Европейское экономическое сообщество, Рим, 25 марта 1957 г., в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) [Электронный ресурс]: Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. 2012. C 326. Ст. 133. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT (дата обращения: 27.03.2026).

[110] Договор о функционировании Европейского союза. Ст. 128.

такое устройство влияет на использование цифрового евро[111]. Распространение исключительного права Европейского центрального банка на выпуск цифрового евро, как представляется, основано на расширительном толковании пункта 1 статьи 128 ДФЕС. Цифровое евро учреждается статьей 3 проекта Регламента, а значительная часть проекта посвящена устройству платежной инфраструктуры (в частности, статьи 13, 14, 18, 19, 23-25) и возмещению расходов на частную часть такой инфраструктуры (статья 17). Согласно статье 7 проекта Регламента цифровое евро является законным платежным средством и подлежит обязательному приему по полной нарицательной стоимости, а для микропредприятий и некоммерческих организаций статья 9 проекта Регламента предусматривает исключения[112]. Тем самым круг лиц, обязанных принимать цифровое евро, устанавливают Европейский парламент и Совет ЕС, поскольку обязанность принимать цифровое евро относится к использованию единой валюты.

Дж. Каннатачи и соавторы отмечают, что по проекту Регламента платежная инфраструктура цифрового евро будет частично опираться на действующие системы частных поставщиков платежных услуг, а частично, прежде всего для расчетов, на новые публичные системы под контролем Европейского центрального банка[113].

Те же авторы выделяют три ограничения цифрового евро по сравнению с наличными и деньгами коммерческих банков. Цифровое евро рассчитано прежде всего на розничные платежи, из-за лимитов на остатки ограниченно пригодно для накопления и по общему правилу недоступно в расчетах с резидентами стран, не входящих в еврозону и не заключивших соглашение с ЕС[114].

Для криптоактивов в ЕС действует единый наднациональный режим, установленный Регламентом (ЕС) 2023/1114 Европейского парламента и Совета

---

[111] Cannataci J., Fehrensen B., Lucke B., Gütschow M. The Digital Euro: An Analysis of the Commission's Proposed Legislation P. 4.

[112] Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the establishment of the digital euro. COM(2023) 369 final. См. также: Cannataci J., Fehrensen B., Lucke B., Gütschow M. The Digital Euro: An Analysis of the Commission's Proposed Legislation. P. 5, 18.

[113] Cannataci J., Fehrensen B., Lucke B., Gütschow M. The Digital Euro: An Analysis of the Commission's Proposed Legislation. P. 5.

[114] Там же. P. 10-11.

ЕС от 31 мая 2023 г. о рынках криптоактивов (далее - MiCAR), который применяется поэтапно с 2024 года[115]. MiCAR устанавливает требования к эмитентам токенов, привязанных к активам, и токенов электронных денег, а также вводит авторизацию провайдеров криптоуслуг. Тем самым на уровне ЕС разведены два объекта, хотя режим цифрового евро предусмотрен проектом Регламента, а не принятым актом. Цифровое евро проектируется как форма единой валюты, а криптоактивы обращаются как частные объекты имущественного оборота под регуляторным надзором. Однако для частноправовой квалификации криптоактивов значение сохраняют национальные правопорядки государств-членов, в частности правопорядок Германии.

Криптоактивы в законодательстве Германии

В.Б. Плеханов отмечает, что криптотокены не вмещаются в действующие категории частного права, то есть не подпадают под определение вещей и не воплощают ни абсолютных, ни относительных прав[116]. За исключением токенов, которые по германскому Закону об электронных ценных бумагах (Gesetz über elektronische Wertpapiere, далее - eWpG) являются электронными ценными бумагами[117], криптотокены нельзя отнести и к ценным бумагам[118]. А. Бауэр приходит к схожему выводу и отмечает, что *de lege lata* криптоактивы не относятся ни к одной из общепринятых абсолютно защищенных правовых позиций[119]. Д. Скаурадсцун, наоборот, относит криптоактивы к нематериальным благам и иным объектам в смысле абзаца 1 § 453 Германского гражданского уложения (Bürgerliches Gesetzbuch, далее - BGB)[120]. Тот же автор указывает,

[115] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 40-205. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj (дата обращения: 29.03.2025).

[116] Плеханов В. Б. Криптоактивы в частном праве // О частном праве : сборник статей к 50-летию профессора С. В. Третьякова. М. : Белый Кролик, 2024. С. 64.

[117] Gesetz über elektronische Wertpapiere (eWpG) vom 3. Juni 2021.

[118] Drögemüller J. Blockchain-Netzwerke und Krypto-Token im Internationalen Privatrecht. Baden-Baden : Nomos, 2023. (Deutsches, Europäisches und Vergleichendes Wirtschaftsrecht; Bd. 131). S. 87.

[119] Bauer A. Die effektive Einzel- und Gesamtvollstreckung von Blockchain-basierten Kryptowährungen. Berlin : Duncker & Humblot, 2023. (Internetrecht und Digitale Gesellschaft ; Bd. 44). S. 135.

[120] Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 [Электронный ресурс] // Bundesgesetzblatt. 2002. Teil I. S. 42, 2909; 2003. Teil I. S. 738. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 29.03.2025).

что инвестиционные и служебные токены дают обладателю требования к эмитенту, а криптоактивы в целом могут рассматриваться как иные абсолютные имущественные права[121].

Цивилистическая неопределенность не означает отсутствия публично-правового режима. С 1 января 2020 г. деятельность по хранению криптоактивов (Kryptoverwahrgeschäft) была отнесена в Германии к финансовым услугам, для которых нужно разрешение Федерального ведомства финансового надзора (BaFin).

Основанием стал пункт 6 предложения 2 абзаца 1a § 1 Закона о кредитном деле (Kreditwesengesetz, далее - KWG) в редакции, действовавшей до 30 декабря 2024 г.[122] После того как MiCAR начал применяться к провайдерам криптоуслуг, допуск таких провайдеров осуществляется по единым правилам ЕС, а применение таких правил в Германии урегулировано Законом о надзоре за рынками криптоактивов от 27 декабря 2024 г. (Kryptomärkteaufsichtsgesetz, KMAG). За KWG сохранено регулирование «квалифицированной» деятельности по хранению криптографических инструментов, которые не подпадают под MiCAR.

Понятие вещи в § 90 BGB и проблема применения критериев телесности к токенам

Классическое понятие вещи из § 90 *BGB,* ограниченное телесными предметами, следует пандектистской традиции и римскому делению на *res corporales* и *res incorporales.* В современной доктрине все чаще отмечается, что контроль важнее физической осязаемости, так как технологический прогресс сделал подконтрольными субстанции и объекты, которые невозможно «пощупать»[123]. Тем не менее господствующее мнение по-прежнему отвергает

[121] Skauradszun D. Kryptowerte im Bürgerlichen Recht // Archiv für die civilistische Praxis (AcP). 2021. Jg. 221. Heft 3. S. 397-398.

[122] Gesetz über das Kreditwesen (Kreditwesengesetz - KWG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 9. September 1998 [Электронный ресурс] // Bundesgesetzblatt. 1998. Teil I. S. 2776. § 1 Abs. 1a Satz 2 Nr. 6 (в редакции, действовавшей до 30.12.2024, - Kryptoverwahrgeschäft, в действующей редакции - qualifiziertes Kryptoverwahrgeschäft). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/kredwg/ (дата обращения: 13.08.2026); Kryptomärkteaufsichtsgesetz (KMAG) vom 27. Dezember 2024 [Электронный ресурс] // Bundesgesetzblatt. 2024. Teil I. Nr. 438. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/kmag/ (дата обращения: 13.08.2026).

[123] Плеханов В. Б. Криптоактивы в частном праве. С. 65.

квалификацию криптоактивов как вещей из-за отсутствия телесности[124]. Такой позиции придерживается и Федеральный верховный суд Германии (Bundesgerichtshof). В одном из решений по уголовному делу суд прямо указал, что блокчейн-криптовалюты «не могут быть телесным объектом для конфискации»[125].

Однако ряд ученых считает, что токены отвечают функциональным критериям телесности, к которым относят воспринимаемость, обособленность и контролируемость. По мнению А. фон Хюльст, требование воспринимаемости следует понимать широко и считать выполненным, если объект может быть сделан воспринимаемым с помощью технических средств[126]. Обособленность токена от других объектов обеспечивается тем, что сведения о токене вносятся в распределенный реестр, только если такие сведения можно сразу закрепить за определенным адресом[127]. Контролируемость обеспечивается парой криптографических ключей. Перевести токен на другой адрес можно только после подписи транзакции приватным ключом, а правила протокола, по которым проверяется подпись, А. фон Хюльст сравнивает с физическими законами, ограничивающими доступ к вещам[128].

Наибольшее значение сторонники функционального понимания телесности придают телеологическому толкованию, позволяющему выяснить, для чего закон выделяет вещи в особую категорию. Назначение § 90 BGB видят в юридическом закреплении объектов, которые по своей природе конкурентны, то есть не могут одновременно использоваться несколькими лицами, и исключительны, то есть позволяют обладателю отстранить от блага всех остальных. По мнению

---

[124] См.: Bauer A. Die effektive Einzel- und Gesamtvollstreckung von Blockchain-basierten Kryptowährungen. S. 73; Skauradszun D. Kryptowerte im Bürgerlichen Recht. S. 360-361; Drögemüller J. Blockchain-Netzwerke und Krypto-Token im Internationalen Privatrecht. S. 74-75; Omlor S. Kapitel 6. Allgemeines Privatrecht. S. 271-272.

[125] Beschluss des Bundesgerichtshofs vom 27. Juli 2017 - 1 StR 412/16 [Электронный ресурс] // HRRS : [сайт]. URL: https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/16/1-412-16.php (дата обращения: 28.03.2026). См. также: Плеханов В. Б. Криптоактивы в частном праве. С. 66.

[126] Hülst A. von. Absoluter Schutz von Blockchain-Token. Normativer Sachbegriff im deutsch-italienischen Rechtsvergleich. Tübingen : Mohr Siebeck, 2024. (Schriften zum Recht der Digitalisierung ; Bd. 23). S. 104-107. См. также: Hülst A. von. Absoluter Schutz von Token und normativer Sachbegriff // Blockchain und Recht / Hrsg. S. Omlor, F. Möslein. Tübingen : Mohr Siebeck, 2024. (Schriften zum Recht der Digitalisierung ; Bd. 26). S. 61.

[127] Hülst A. von. Absoluter Schutz von Blockchain-Token. S. 107-109.

[128] Hülst A. von. Absoluter Schutz von Token und normativer Sachbegriff. S. 62-63; Hülst A. von. Absoluter Schutz von Blockchain-Token. S. 110-111.

А. фон Хюльст и А. Бирне, токен обладает обоими свойствами, поскольку одна и та же запись о токене не может быть одновременно закреплена за двумя адресами, а распорядиться токеном может только лицо, которому известен приватный ключ. Из этого понимания цели § 90 BGB сторонники функционального подхода выводят возможность признания токенов вещами[129].

Впрочем, препятствия для квалификации токенов как вещей остаются серьезными. Д. Скаурадсцун обращает внимание на то, что законодатель не проявляет намерения расширять § 90 *BGB.* Напротив, Напротив, юридическая фикция вещи, установленная eWpG для электронных ценных бумаг, подтверждает, что без такой фикции токены не отвечают признакам вещи[130]. А. Бауэр указывает на практическую потребность признании токенов вещами, но полагает, что законодатель сознательно уклоняется от гражданско-правовой квалификации криптоактивов. Применение к криптоактивам норм о вещах по аналогии А. Бауэр также считает невозможным, поскольку аналогия требует существенного сходства регулируемых отношений, а такого сходства нет[131]. Следует учитывать и принцип *numerus clausus* вещных прав, который является основополагающим для германского правопорядка и не может быть преодолен простой аналогией[132].

Для преодоления таких препятствий доктрина предлагает три пути. Первый путь предполагает создание автономного права *sui generis.* Например, А. Бирне детально прорабатывает особый режим *«Token-Eigentum»,* объектом которого является подконтрольная и отграничиваемая цифровая запись в распределенном реестре. Публичность такого права обеспечивается не физическим владением, а записью о принадлежности[133]. Однако А. фон Хюльст обоснованно замечает, что по содержанию подобное право окажется идентичным праву собственности на вещь, а расхождения сведутся к терминологии[134].

---

[129] См.: Hülst A. von. Absoluter Schutz von Token und normativer Sachbegriff. S. 122-123; Birne A. Ph. Das Allgemeine Privatrecht der Blockchain-Token - Lex lata et ferenda. Tübingen : Mohr Siebeck, 2023. (Schriften zum Recht der Digitalisierung ; Bd. 20). S. 57-58.
[130] См.: Skauradszun D. Kryptowerte im Bürgerlichen Recht. S. 360.
[131] См.: Bauer A. Die effektive Einzel - und Gesamtvollstreckung von Blockchain-basierten Kryptowährungen. S. 96.
[132] Плеханов В. Б. Криптоактивы в частном праве. С. 71.
[133] См.: Birne A. Ph. Das Allgemeine Privatrecht der Blockchain-Token - Lex lata et ferenda. S. 157-165.
[134] См.: Hülst A. von. Absoluter Schutz von Token und normativer Sachbegriff. S. 68.

Второй путь состоит в точечном изменении § 90 *BGB*. А. фон Хюльст предлагает раскрыть функциональный смысл телесности и с такой целью дополнить § 90 BGB абзацем 2 «Телесными являются все предметы, контролируемость которых определяется жесткими правилами и которые благодаря этому доступны для однозначной принадлежности»[135]. Достоинство такого решения, как представляется, состоит в том, что предлагаемый абзац не изменяет самого понятия вещи, и позволяет охватить новые цифровые объекты минимальным дополнением *BGB* без ущерба для системы кодекса. Третий путь, который предлагает С. Омлор, состоит в масштабной реформе *BGB*. Реформа предполагает создание в Общей части нового раздела 2 «Криптоактивы», определение криптоактивов через отсылку к MiCAR и разграничение «заряженных» криптоактивов, которые удостоверяют право требования, ценную бумагу или иное право вне реестра, и «автономных», которые никакого внешнего права не удостоверяют, например биткоина[136].

В *eWpG* установлена юридическая фикция, согласно которой электронная ценная бумага считается вещью в смысле *§ 90 BGB*[137]. Благодаря такой фикции к электронным ценным бумагам применяются нормы о собственности, залоге и виндикации с особенностями, установленными самим *eWpG*[138].

Для целей настоящего исследования германский опыт важен прежде всего методологически, поскольку показывает, что криптоактивы требуют специального законодательного решения даже в базовом вопросе о принадлежности. Дискуссия о «вещности», как представляется, не переносится на цифровую валюту центрального банка, которая изначально конструируется как обязательство публичного эмитента. В российском праве цифровые рубли прямо отнесены статьей 128 ГК РФ к безналичным денежным средствам в составе имущественных прав.

---

[135] См.: Hülst A. von. Absoluter Schutz von Token und normativer Sachbegriff. S. 76-77.
[136] См.: Omlor S. Rechtspolitik der Blockchain // Blockchain und Recht / Hrsg. S. Omlor, F. Möslein. Tübingen : Mohr Siebeck, 2024. (Schriften zum Recht der Digitalisierung ; Bd. 26). S. 11-13, 24-26.
[137] Florstedt T. Kryptowerte als Sachen. Nutzen und Bedeutung der Besitz- und Sachfiktion für eine Wirtschaftsordnung der digitalen Güter // Archiv für die civilistische Praxis (AcP). 2024. Jg. 224. Heft 4-5. S. 519.
[138] Плеханов В. Б. Криптоактивы в частном праве. С. 78.

Криптоактивы в законодательстве Лихтенштейна

В 2019 г. Лихтенштейн принял Закон о токенах и провайдерах услуг на основе доверенных технологий (Token- und VT-Dienstleister-Gesetz, далее – TVTG), который регулирует токены в системах на основе доверенных технологий (VT-системах), к которым относятся, в частности, распределенные реестры[139]. Положения статьи 2 *TVTG* определяют токен как «информация в VT-системе», способная представлять права требования, членские права, права на вещи либо иные абсолютные или относительные права. В этом определении заложены три основные характеристики. Во-первых, токен является единицей информации, а не материальным объектом. Во-вторых, токен существует только внутри VT-системы. В-третьих, токен способен представлять разнородные права[140]. Основное решение лихтенштейнского законодателя состоит в том, что токен не рассматривается как физическая вещь. Термины «владение» и «собственность» намеренно исключены из *TVTG,* поскольку токену недостает телесности в традиционном смысле[141]. Взамен закон конструирует для токена особый режим *sui generis,* в котором нормы вещного права применяются «функционально адекватно» *(funktional-adäquat)*[142]. С позиции гражданского права токен квалифицируется как имущество *(Vermögen),* обладающее меновой стоимостью, независимо от того, представляет ли токен какое-либо субъективное право.

Вопрос о разграничении токенов и денег центрального банка в Лихтенштейне не возникает, так как собственной денежной единицы в стране нет и в обращении находится швейцарский франк. Следовательно, лихтенштейнский опыт значим не для разграничения объектов, а для модели регулирования оборота токенов. В TVTG с самого начала соединены определение объекта и режим деятельности провайдеров услуг на основе доверенных технологий, включая регистрацию таких

[139] Gesetz vom 3. Oktober 2019 über Token und VT-Dienstleister (Token- und VT-Dienstleister-Gesetz; TVTG).
[140] Gesetz vom 3. Oktober 2019 über Token und VT-Dienstleister (Token- und VT-Dienstleister-Gesetz; TVTG). Art. 2 Abs. 1 Bst. c; Плеханов В. Б. Криптоактивы в частном праве. С. 93.
[141] См.: Bericht und Antrag der Regierung an den Landtag des Fürstentums Liechtenstein betreffend die Schaffung eines Gesetzes über Token und VT-Dienstleister (TVTG) und die Abänderung weiterer Gesetze. Nr. 54/2019. Vaduz, 2019. S. 185.
[142] См.: Bericht und Antrag der Regierung... Nr. 54/2019. S. 184.

провайдеров услуг и надзорные полномочия Управления по надзору за финансовым рынком Лихтенштейна (Finanzmarktaufsicht, FMA)[143]. Такой подход отличал лихтенштейнскую модель от германской и английской, где правила для посредников и статус объекта (в Германии только для электронных ценных бумаг) вводились разными актами в разное время.

Правовое регулирование оборота цифровых активов в праве Великобритании

Правовое регулирование оборота цифровых активов в Великобритании складывается из статутов, подзаконных актов и судебной практики, а до конца 2020 года включало также акты ЕС. Так, Директива (ЕС) 2018/843 (Пятая директива ЕС о противодействии отмыванию денег)[144] была имплементирована в законодательство Великобритании поправками к Правилам 2017 года об отмывании денег, финансировании терроризма и переводе средств (информация о плательщике). Определение криптоактива, включенное в Правила 2017 года такими поправками, шире определения виртуальных валют в директиве. Под криптоактивом в Правилах 2017 года понимается «криптографически защищенное цифровое представление стоимости или договорных прав, которое использует форму технологии распределенных реестров и может передаваться, храниться или торговаться электронным способом»[145].

Закон о финансовых услугах и рынках 2000 года является основным актом, который регулирует финансовые услуги в Великобритании[146]. В частности, статья 22 Закона о финансовых услугах и рынках 2000 года определяет, какие действия являются регулируемой деятельностью. Закон также устанавливает,

---

[143] См.: Bericht und Antrag der Regierung... Nr. 54/2019. S. 184-211.

[144] Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. 2018. L 156. P. 43-74. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32018L0843 (дата обращения: 29.03.2026).

[145] The Money Laundering and Terrorist Financing (Amendment) Regulations 2019. SI 2019/1511 [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk : [сайт]. URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/1511/contents/made (дата обращения: 13.08.2026). См. также: Phillips K. Cryptocurrency and Anti-Money Laundering in the UK [Электронный ресурс] // Fieldfisher : [сайт]. 2020. February. URL: https://www.fieldfisher.com/en/insights/cryptocurrency-and-anti-money-laundering-in-the-uk (дата обращения: 29.03.2026).

[146] Financial Services and Markets Act 2000 (c. 8) [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk : [сайт]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/8/contents (дата обращения: 29.03.2026).

кем и как выдаются разрешения на такую деятельность и осуществляется надзор Управления по финансовому поведению (FCA) и Банка Англии. Кроме того, статья 19 названного закона запрещает осуществлять регулируемую деятельность без разрешения, если лицо не относится к освобожденным.

Перечень регулируемых видов деятельности приведен в Постановлении 2001 года к Закону о финансовых услугах и рынках 2000 года (Регулируемая деятельность)[147]. Названное Постановление охватывает широкий спектр операций (доверительное управление, выпуск финансовых инструментов и т.д.), но не называет выпуск цифровых валют центральных банков самостоятельной «услугой». Следовательно, войдут ли операции с цифровыми валютами центральных банков в существующий перечень регулируемой деятельности, зависит от правового режима цифрового фунта. Общий запрет статьи 19 Закона о финансовых услугах и рынках 2000 года к выпуску цифрового фунта Банком Англии применяться не будет, поскольку Банк Англии отнесен к освобожденным лицам Постановлением 2001 года об исключениях к названному закону[148].

В 2023 г. в докладе Банка Англии и Казначейства Соединенного Королевства цифровой фунт охарактеризован как новая форма денег центрального банка наряду с банкнотами и резервами коммерческих банков на счетах в Банке Англии[149]. По замыслу доклада цифровой фунт остается обязательством Банка Англии, а частные посредники только предоставляют к цифровому фунту доступ, поэтому требование обладателя, в отличие от требования по электронным деньгам, обращено не к посреднику, а к центральному банку[150].

---

[147] The Financial Services and Markets Act 2000 (Regulated Activities) Order 2001. SI 2001/544 [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk : [сайт]. URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2001/544/contents/made (дата обращения: 29.03.2026).

[148] The Financial Services and Markets Act 2000 (Exemption) Order 2001. SI 2001/1201 [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk : [сайт]. URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2001/1201/contents/made (дата обращения: 13.08.2026).

[149] The Digital Pound: A New Form of Money for Households and Businesses? : Consultation Paper [Электронный ресурс] / Bank of England, HM Treasury. London, 2023. February. URL: https://www.bankofengland.co.uk/paper/2023/the-digital-pound-consultation-paper (дата обращения: 13.08.2026).

[150] По Правилам обращения электронных денег 2011 года электронные деньги представляют собой хранящуюся в электронной форме денежную стоимость, выраженную в требовании к эмитенту электронных денег («a claim on the electronic money issuer», правило 2). См.: The Electronic Money Regulations 2011. SI 2011/99 [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk : [сайт]. URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2011/99/contents (дата обращения: 29.03.2026).

Как представляется, общее право в вопросе о новых объектах гибче континентального права, поскольку не требует телесности объекта для признания права собственности, а суды могут приспосабливать правовые категории к новым условиям[151]. В марте 2020 г. Министерство юстиции Соединенного Королевства поручило Комиссии по праву Англии и Уэльса (Law Commission of England and Wales, далее – Комиссия по праву) выяснить, применимо ли действующее законодательство к криптоактивам. В итоговом отчете, опубликованном в июне 2023 г., Комиссия по праву пришла к выводу, что криптоактивы, безусловно, являются объектами собственности, но не укладываются в исторически сложившееся деление личной собственности на две категории[152]. Комиссия по праву рекомендовала законодательно признать существование «третьей» категории личной собственности[153].

Традиционно английское право знало только две категории личной собственности, и такой перечень считался исчерпывающим. Первую составляли вещи во владении *(things in possession),* то есть осязаемые движимые объекты, защищаемые абсолютными исками *(in rem).* Вторую составляли вещи в требовании *(things in action),* то есть нематериальные активы, которые реализуются путем иска к конкретному лицу *(in personam)*[154]. Комиссия по праву констатировала, что такая классификация не отвечает реальности. За последние десятилетия суды целенаправленно расширяли круг объектов, на которые распространяется право собственности, даже если такие объекты не укладывались в традиционные рамки[155]. Поводом стало появление многих новых нематериальных объектов,

[151] О сравнительном преимуществе общего права, не требующего телесности объекта для признания имущественных прав, в отличие от ряда континентальных систем, см.: Digital Assets : Final Report [Электронный ресурс] / Law Commission of England and Wales. London : APS Group on behalf of the Controller of His Majesty's Stationery Office, 2023. (HC 1486; Law Com No 412). Para 3.28. URL: https://www.lawcom.gov.uk/project/digital-assets/ (дата обращения: 27.09.2025).
[152] Digital Assets : Final Report / Law Commission of England and Wales. Paras 3.6, 3.9.
[153] Digital Assets : Final Report / Law Commission of England and Wales. Paras 3.7, 3.16; Recommendation 1.
[154] Digital Assets : Final Report / Law Commission of England and Wales. Paras 3.1, 3.17-3.19. О цитате лорда-судьи Фрая («The law knows no tertium quid between the two») см.: para 3.2. Комиссия ссылается на дело Colonial Bank v. Whinney (1885) 30 Ch D 261 (Court of Appeal).
[155] Digital Assets : Final Report / Law Commission of England and Wales. Para 3.3.

от молочных квот и квот на выбросы углерода до лицензий на управление отходами и, наконец, криптотокенов[156].

«Третья» категория и критерий конкурентности

Комиссия по праву пришла к заключению, что цифровые активы не осязаемы в привычном смысле, поэтому относить такие активы к вещам во владении нет оснований[157]. Нет оснований и для отнесения криптотокенов к вещам в требовании. Существование и функционирование токена не зависят от обязательства какого-либо лица, и владелец распоряжается токеном напрямую, контролируя приватный ключ, тогда как права по банковскому счету представляют собой требования к банку[158]. Формально категорию вещей в требовании можно расширить, но Комиссия по праву справедливо сочла такое расширение нецелесообразным, так как в таком случае размылись бы определяющие черты категории и потребовалось бы множество подкатегорий[159].

При квалификации новых объектов Комиссия по праву предложила исходить из конкурентности (*rivalrousness*) как главного признака «третьей» категории, а не из исключаемости или подверженности контролю[160]. Определение границ новой категории Комиссия по праву сознательно оставила судам[161]. Кроме конкурентности, объекты новой категории должны отвечать и другим общим признакам собственности, в частности не зависеть от конкретных лиц и правовой системы.

Судебная практика

Английские суды признают криптоактивы объектами собственности, поэтому к криптоактивам применимы традиционные средства защиты, в том числе

---

[156] Digital Assets : Final Report / Law Commission of England and Wales. Paras 3.3-3.4 (молочные квоты - para 3.3; криптотокены - para 3.4).
[157] См.: Digital Assets : Final Report / Law Commission of England and Wales. P. 57-58.
[158] Плеханов В. Б. Криптоактивы в частном праве. С. 106.
[159] См.: Digital Assets : Final Report / Law Commission of England and Wales. P. 43.
[160] См.: Digital Assets : Final Report / Law Commission of England and Wales. P. 87.
[161] Digital Assets as Personal Property : Supplemental Report and Draft Bill / Law Commission of England and Wales. London, 2024. (Law Com No 416). P. 7.

приказ о замораживании активов[162], судебный запрет на распоряжение спорным имуществом[163] и отслеживание имущества (tracing)[164].

Так, в деле *«AA v. Persons Unknown»* судья Высокого суда Англии и Уэльса С. Брайан постановил, что биткоин и подобные криптоактивы могут быть собственностью по английскому праву, поэтому к таким активам применимы обеспечительные меры[165]. Когда цифровой актив признан имуществом, к такому активу можно применять и другие традиционные инструменты права, например взыскание, реституцию, установление конструктивного траста (constructive trust)[166].

Судья С. Брайан обосновал такой вывод тем, что биткоины «соответствуют четырем критериям, изложенным в классическом определении собственности лорда Уилберфорса в деле “National Provincial Bank v. Ainsworth”, как (1) имеющие четкое определение, (2) идентифицируемые как таковые третьими лицами, (3) способные по своей природе быть принятыми третьими лицами и (4) имеющие определенную степень постоянства»[167].

Предложенное Комиссией по праву правило закреплено в законе. 2 декабря 2025 г. королевскую санкцию получил Закон о собственности (цифровые активы и другое) (Property (Digital Assets etc) Act 2025), по которому вещь не лишается способности быть объектом права личной собственности только потому,

---

[162] Freezing order (приказ о замораживании активов) временно запрещает ответчику распоряжаться активами до исполнения будущего судебного решения. Функционально близкий институт российского права - обеспечительные меры (глава 8 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; далее - АПК РФ), глава 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532)).

[163] Proprietary injunction (судебный запрет в отношении спорного имущества) запрещает отчуждение конкретного имущества, на которое претендует истец, до разрешения спора. Функционально близки пункты 1 и 2 части 1 статьи 91 АПК РФ.

[164] Tracing (отслеживание имущества) позволяет бенефициару проследить неправомерно отчужденное имущество и превращенные формы такого имущества. Функционально близки виндикация (ст. 301-302 ГК РФ) и правила о неосновательном обогащении (глава 60 ГК РФ).

[165] См.: AA v. Persons Unknown [2019] EWHC 3556 (Comm).

[166] Назначение constructive trust (конструктивного траста, который возникает в силу закона) заключается в обеспечении справедливости и предотвращении недобросовестного обогащения, когда закон требует защиты бенефициара, даже если стороны не создавали явного траста. Суд налагает constructive trust для защиты прав бенефициара, если собственник, формально владеющий имуществом, действует недобросовестно, нарушая доверительные отношения или несправедливо обогащаясь за счет других.

[167] AA v. Persons Unknown [2019] EWHC 3556 (Comm), [59]. Критерии восходят к делу National Provincial Bank Ltd v. Ainsworth [1965] AC 1175 (House of Lords).

что не является ни вещью во владении, ни вещью в требовании[168]. Границы «третьей» категории личной собственности по-прежнему определяют суды.

Для настоящего исследования английский опыт важен тем, что криптоактивы и цифровой фунт охарактеризованы в документах разной природы. Криптоактивы признаны объектами собственности судебными решениями, а Закон о собственности (цифровые активы и другое) 2025 г. снял препятствие для такого признания. Цифровой фунт описан в консультативном докладе Банка Англии и Казначейства Соединенного Королевства 2023 г., а законодательная основа цифрового фунта не создана. Следовательно, в Великобритании два объекта разграничены на уровне проекта цифрового фунта.

Правовое регулирование оборота цифровых активов в Соединенных Штатах Америки

Федеральная резервная система США в 2022 г. выпустила доклад[169], который послужил отправной точкой для публичного обсуждения цифровой валюты центрального банка в США. В докладе подробно анализируются возможные модели цифрового доллара США, преимущества и риски каждой модели, в том числе для финансовой стабильности, конфиденциальности и безопасности клиентов, а также вопросы технической реализации.

В 2025 г. Палата представителей США одобрила законопроект H.R. 1919 «О противодействии государству слежки посредством цифровой валюты центрального банка» (Anti-CBDC Surveillance State Act, далее – законопроект H.R. 1919)[170]. Во-первых, по Закону о Федеральной резервной системе в редакции законопроекта H.R. 1919 цифровой валютой центрального банка считается форма цифровых денег или денежной стоимости, которая выражена в национальной расчетной единице, является прямым обязательством Федеральной резервной системы США и широко доступна публике. Во-вторых, законопроект запрещает

[168] Property (Digital Assets etc) Act 2025 (c. 29) [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk : [сайт]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/29 (дата обращения: 13.08.2026).
[169] Money and Payments: The U.S. Dollar in the Age of Digital Transformation [Электронный ресурс] / Board of Governors of the Federal Reserve System. Washington, 2022. January. URL: https://www.federalreserve.gov/publications/files/money-and-payments-20220120.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
[170] Anti-CBDC Surveillance State Act: H.R. 1919, 119th Congress (2025) [Электронный ресурс] // Congress.gov : [сайт]. URL: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/1919 (дата обращения: 29.03.2026).

Совету управляющих Федеральной резервной системы США тестировать, изучать, разрабатывать, создавать или внедрять цифровую валюту центрального банка, а также любой цифровой актив, по существу аналогичный такой валюте, под любым другим названием или обозначением. Федеральным резервным банкам законопроект запрещает предлагать финансовые продукты или услуги непосредственно физическим лицам, вести счета от имени физических лиц, а также выпускать такую валюту или аналогичный цифровой актив[171]. На момент подготовки настоящей работы Сенат США законопроект H.R. 1919 не рассматривал.

Исполнительный офис Президента США также опубликовал заявление о позиции Администрации Президента США по законопроекту H.R. 1919[172]. В заявлении Администрация поддержала принятие законопроекта и сообщила, что советники рекомендовали бы Президенту США подписать законопроект. Первоначально запрет был установлен на уровне исполнительной власти Указом Президента США от 23 января 2025 г. № 14178 «Об укреплении американского лидерства в сфере цифровых финансовых технологий», по которому федеральные ведомства не вправе предпринимать какие-либо действия по созданию, выпуску или продвижению цифровой валюты центрального банка[173].

С 11 июля 2026 г. запрет закреплен и на уровне закона. Закон о жилищной политике (21st Century ROAD to Housing Act, далее - Закон 2026 г.) дополнил Закон о Федеральной резервной системе разделом 16A, по которому Совет управляющих Федеральной резервной системы США и федеральные резервные банки не вправе выпускать или создавать цифровую валюту центрального банка ни напрямую,

[171] Anti-CBDC Surveillance State Act: H.R. 1919, 119th Congress (2025).
[172] Statement of Administration Policy [Электронный ресурс] : H.R. 1919 - Anti-CBDC Surveillance State Act / Executive Office of the President, Office of Management and Budget. Washington, 2025. 15 July. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/SAP-HR1919.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
[173] Executive Order No. 14178 of January 23, 2025 «Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology» [Электронный ресурс] // Federal Register. 2025. Vol. 90. P. 8647-8650. Sec. 5. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2025/01/31/2025-02123/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology (дата обращения: 13.08.2026).

ни через посредников. Изучение и тестирование такой валюты Закон 2026 г. не запрещает, но ограничения действуют до 31 декабря 2030 г.[174]

Наряду с запретом цифровой валюты центрального банка Президент США 18 июля 2025 г. подписал Закон «О руководстве и создании национальных инноваций в сфере стейблкоинов» (Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act, далее - GENIUS Act)[175], который регулирует выпуск и использование частных стейблкоинов, привязанных к доллару США. По GENIUS Act выпускать платежные стейблкоины могут только уполномоченные эмитенты, то есть организации, допущенные федеральными властями и (или) властями штата. Стейблкоины должны быть обеспечены резервами в соотношении один к одному в долларах США или аналогичных ликвидных активах, а состав резервов нужно ежемесячно публично раскрывать. Платежные стейблкоины уполномоченных эмитентов не считаются ценными бумагами по законодательству о ценных бумагах.

Комиссия по ценным бумагам и биржам США (Securities and Exchange Commission, SEC) рассматривает отдельные продажи криптоактивов инвесторам как «инвестиционные контракты» и для такой квалификации применяет тест Хоуи[176]. Если цифровой актив предлагается как ценная бумага или через объединенный инвестиционный фонд, на такой актив распространяются законы и правила об указанных видах инвестиций. Такие законы и правила устанавливают, в частности, требования о регистрации, раскрытии информации, отчетности и противодействии мошенничеству, а надзор за соблюдением таких требований осуществляет Комиссия по ценным бумагам и биржам США. В федеральных законах о ценных бумагах 1933 и 1934 гг. термин «ценная бумага» определен очень

[174] 21st Century ROAD to Housing Act [Электронный ресурс] : Public Law No. 119-101 of July 11, 2026 (H.R. 6644, 119th Congress). Sec. 1101 // GovInfo : [сайт]. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-119publ101/html/PLAW-119publ101.htm (дата обращения: 15.10.2026). Закон вступил в силу без подписи Президента США (раздел 7 статьи I Конституции США).

[175] GENIUS Act (Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act) : Public Law No. 119-27 of July 18, 2025 (S. 1582, 119th Congress) [Электронный ресурс] // Congress.gov : [сайт]. URL: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582 (дата обращения: 29.03.2026).

[176] Тест сформулирован в деле SEC v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946) (Supreme Court of the United States) и до сих пор служит основой квалификации «инвестиционных контрактов», в том числе применительно к криптоактивам.

широко и охватывает, помимо прочего, акции, облигации и векселя, а также «инвестиционные контракты»[177].

Тест Хоуи, сформулированный Верховным судом США, позволяет определить, является ли конкретное соглашение «инвестиционным контрактом», а значит, ценной бумагой для целей федерального законодательства о ценных бумагах. По тесту Хоуи инвестиционным контрактом признается сделка или схема, по которой лицо вкладывает деньги в общее предприятие и ожидает прибыли исключительно от усилий организатора или третьих лиц[178]. Для признания сделки или договоренности инвестиционным контрактом формальный договор не нужен, так как значение имеет экономическая реальность сделки.

В 2017 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам США применила тест Хоуи к токенам The DAO и пришла к выводу, что такие токены являются инвестиционными контрактами [179].

Характерный пример квалификации криптоактива как ценной бумаги дает дело «SEC v. Telegram Group Inc.»[180]. Суд предварительным запретом приостановил продажу и распространение токенов Gram, признав вероятным, что выпуск токенов и последующая перепродажа первоначальными приобретателями образуют единую схему размещения ценных бумаг по тесту Хоуи[181]. Как представляется, дело показывает, что в американском праве ценных бумаг цифровой актив квалифицируется ad hoc, исходя из экономической реальности сделки.

В отличие от многих других юрисдикций, США взяли курс на запрет розничной цифровой валюты центрального банка. По оценке экспертов Атлантического совета, из-за такого курса США рискуют отстать в создании

---

[177] 15 U.S.C. § 77b(a)(1) (Securities Act of 1933); 15 U.S.C. § 78c(a)(10) (Securities Exchange Act of 1934). О тождественности определений «ценной бумаги» в обоих законах см.: SEC v. Edwards, 540 U.S. 389, 393 (2004) (Supreme Court of the United States) (citing Reves v. Ernst & Young, 494 U.S. 56, 61 n.1 (1990)).

[178] SEC v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293, 298-299 (1946).

[179] Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO : Exchange Act Release No. 81207 [Электронный ресурс] / Securities and Exchange Commission. 2017. 25 July. URL: https://www.sec.gov/litigation/investreport/34-81207.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

[180] Securities and Exchange Commission v. Telegram Group Inc. et al., 448 F. Supp. 3d 352 (S.D.N.Y. 24 March 2020), No. 1:19-cv-09439 [Электронный ресурс]. URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-york/nysdce/1:2019cv09439/524448/227/ (дата обращения: 29.03.2026).

[181] Securities and Exchange Commission v. Telegram Group Inc. et al., 448 F. Supp. 3d 352.

следующего поколения глобальной платежной инфраструктуры, тем более что другие страны активно развивают альтернативные платежные системы[182]. Сторонники запрета ссылаются на конституционные соображения о финансовой приватности, об ограничении полномочий государства по слежению за финансовыми операциями граждан и о сохранении роли частной банковской системы как посредника. Однако, по мнению Д. Краузе, полный запрет такой валюты, который предлагает законопроект H.R. 1919, может вступить в противоречие с конституционными полномочиями Конгресса по регулированию валюты[183].

К 2026 г. в США сложился двойственный подход. Создание и выпуск цифрового доллара федеральными ведомствами запрещены Указом Президента США № 14178, а Федеральной резервной системе выпуск такой валюты до 31 декабря 2030 г. запрещен и Законом 2026 г. (раздел 16A Закона о Федеральной резервной системе). Более широкий запрет, предложенный законопроектом H.R. 1919, силы закона не получил. Стейблкоины частных эмитентов, напротив, разрешены и урегулированы GENIUS Act.

Цифровая валюта центрального банка Китайской Народной Республики

Н.А. Капустин характеризует цифровой юань как крупнейший действующий пилотный проект цифровой валюты центрального банка в мире. По данным того же автора, Народный банк Китая начал разработку цифрового юаня в 2014 г., а в 2019-2020 гг. перешел к практическим испытаниям, которые охватили сначала несколько городов, а затем всю страну[184]. Со ссылкой на официальные сообщения

[182] Four Questions (and Expert Answers) on the New US Cryptocurrency Legislation [Электронный ресурс] // Atlantic Council: New Atlanticist: [блог]. 2025. 18 July. URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/four-questions-and-expert-answers-on-the-new-us-cryptocurrency-legislation/ (дата обращения: 29.03.2026).

[183] Krause D. Do the Anti-CBDC Surveillance State Act and the GENIUS Act Jeopardize U.S. Digital Finance? [Электронный ресурс] // CLS Blue Sky Blog / Columbia Law School : [блог]. 2025. 11 August. URL: https://clsbluesky.law.columbia.edu/2025/08/11/do-the-anti-cbdc-surveillance-state-act-and-the-genius-act-jeopardize-u-s-digital-finance/ (дата обращения: 29.03.2026).

[184] Капустин Н. А. Цифровой юань 2.0: переход от цифровых наличных к цифровым депозитным деньгам и потенциальное воздействие на проект цифрового рубля // Вопросы инновационной экономики. 2026. Т. 16. № 2. С. 663, 665. По данным Я.О. Кучиной, проект цифровой валюты центрального банка начат в 2017 г., а в 2014 г. КНР приступила к исследованию криптовалют. См.: Кучина Я. О. Цифровой юань: регулирование цифровой валюты Центробанка (ЦВЦБ) в Китае // Право и управление. XXI век. 2024. № 3 (72). С. 97.

Народного банка Китая и государственных СМИ Н.А. Капустин указывает, что на конец ноября 2025 г. совокупный оборот операций в цифровом юане составил 16,7 трлн юаней, а в системе насчитывалось 230 млн личных и 18,84 млн корпоративных кошельков[185].

По статье 16 Закона КНР о Народном банке Китая 1995 г. законным платежным средством КНР являются юани (жэньминьби), и ни одна организация или частное лицо не может отказаться [186].

Народный банк Китая 23 октября 2020 г. опубликовал для общественного обсуждения проект новой редакции Закона КНР о Народном банке Китая. Согласно статье 19 проекта юань включает наличную и цифровую формы, а статья 22 проекта запрещает организациям и частным лицам изготавливать и продавать цифровые токены для обращения на рынке вместо юаня. Народный банк Китая пояснил, что первая норма создает правовую основу для выпуска цифрового юаня, а вторая направлена на предотвращение рисков, связанных с виртуальными валютами[187].

По оценке Я.О. Кучиной, на 2024 г. единственным документом, который в какой-либо мере определял правовой статус цифрового юаня, был программный документ Народного банка Китая от 16 июля 2021 г. («белая книга»), «устанавливающий основы регуляторной политики, но не имеющий силы закона»[188]. 23 июня 2026 г. проект пересмотренного Закона КНР о Народном банке Китая внесен на первое чтение в Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей и, по сообщению агентства Синьхуа, закрепляет правовой статус цифрового юаня[189].

---

[185] Капустин Н. А. Цифровой юань 2.0: переход от цифровых наличных к цифровым депозитным деньгам и потенциальное воздействие на проект цифрового рубля. С. 665-666.

[186] Закон КНР о Народном банке Китая от 18 марта 1995 г. (в ред. от 27 декабря 2003 г.). Ст. 16. Приводится по: Цзинвэнь Ван. Цифровой юань - официальная цифровая валюта Китая: юридическая природа и тенденции развития // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 1. С. 76.

[187] [Пояснения к проекту новой редакции Закона КНР о Народном банке Китая для общественного обсуждения] [Электронный ресурс] // Народный банк Китая : [сайт]. 2020. 23 октября. П. 6. URL: https://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/4115077/2020102319064364022.doc (дата обращения: 20.10.2026). Текст на кит. яз.

[188] Кучина Я. О. Цифровой юань: регулирование цифровой валюты Центробанка (ЦВЦБ) в Китае. С. 96, 98, 102.

[189] [Закон о Народном банке Китая планируется изменить, совершенствуется система макропруденциального регулирования] [Электронный ресурс] // Синьхуа : [сайт]. 2026. 23 июня. URL: https://www.news.cn/politics/20260623/031fe136ba6248a7a2087bb1cc7b79cf/c.html (дата обращения: 20.10.2026). Текст на кит. яз.

Цифровой юань обращается по двухуровневой модели, в которой Народный банк Китая осуществляет эмиссию, а распределение и обслуживание обеспечивают коммерческие банки, платежные и телекоммуникационные компании[190].

До 1 января 2026 г. цифровой юань функционировал в режиме «цифровых наличных», то есть как беспроцентное прямое обязательство Народного банка Китая перед обладателем остатка в кошельке, и с декабря 2022 г. включался в денежный агрегат M0[191]. Кошельки разделены на четыре категории по уровню идентификации владельца, и в модели «цифровых наличных» для анонимной категории действовали лимиты в 2 000 юаней на платеж, 5 000 юаней в день и 10 000 юаней остатка. Операции в цифровом юане проходят через централизованный реестр Народного банка Китая, и основные параметры операций доступны центральному банку в режиме реального времени в пределах правил так называемой «контролируемой анонимности»[192].

У коммерческих банков не было стимулов продвигать цифровой юань. Банки несли расходы на обслуживание кошельков, оказание платежных услуг и противодействие отмыванию доходов, но не могли кредитовать за счет таких средств, поскольку обязательства по цифровому юаню оставались на балансе Народного банка Китая[193].

Народный банк Китая 29 декабря 2025 г. принял План действий по дальнейшему укреплению системы управления и финансовой инфраструктуры цифрового юаня, по которому с 1 января 2026 г. цифровой юань переведен из режима «цифровых наличных» в режим «цифровых депозитных денег». Остатки в банковских кошельках с полной идентификацией учитываются в базе обязательных резервов, покрываются системой страхования вкладов в пределах 500 тыс. юаней, и на такие остатки начисляется процент по ставке вклада до востребования. Категории кошельков сохранены, но на остатки в анонимных

[190] Толстопятенко Г. П., Хозова Е. А. Модели правового регулирования оборота цифровых валют центральных банков // Финансовое право. 2026. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».
[191] Капустин Н. А. Цифровой юань 2.0: переход от цифровых наличных к цифровым депозитным деньгам и потенциальное воздействие на проект цифрового рубля. С. 665, 668.
[192] Там же. С. 669, 673, 676.
[193] Там же. С. 667.

кошельках проценты не начисляются. Небанковские операторы обязаны резервировать остатки клиентов в Народном банке Китая в полном объеме. Народный банк Китая остался единственным эмитентом цифрового юаня, а структура системы не изменилась[194].

В модели «цифровых депозитных денег» остаток в банковском кошельке квалифицируется как обязательство коммерческого банка, а не как требование к Народному банку Китая. По оценке Н.А. Капустина, после реформы цифровой юань приобрел признаки синтетической модели цифровой валюты центрального банка в терминологии Банка международных расчетов и Международного валютного фонда и в операционном плане сблизился с вкладом до востребования. Вместе с тем цифровой юань сохранил три отличия от вклада. Цифровой юань переводится между банками-операторами через платформу без межбанковского клиринга, допускает программирование условий использования и может применяться в офлайн-режиме[195].

К криптовалютам КНР, в отличие от цифрового юаня, применяет запретительный подход. В монографии под редакцией И.И. Кучерова и Н.А. Поветкиной отмечается, что КНР фактически запретила использование криптовалюты для финансовых операций и майнинга, одновременно запустив проект цифрового юаня[196]. Я.О. Кучина указывает, что запрет вводился поэтапно с 2014 по 2021 г.[197]

Для настоящего исследования опыт КНР важен в двух отношениях. Во-первых, из рассмотренных иностранных правопорядков только в КНР цифровая валюта центрального банка используется в расчетах, хотя и в рамках пилотного проекта. Специальные правила о цифровом юане установлены документами Народного банка Китая, а цифровая форма юаня в законе не закреплена, поскольку проект пересмотренного Закона КНР о Народном банке Китая, внесенный на первое чтение 23 июня 2026 г., на момент подготовки настоящей работы

[194] Там же. С. 663, 668-670.
[195] Там же. С. 668, 670, 675.
[196] Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее : монография / под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М. : ИЗиСП ; Юриспруденция, 2022. § 1.5 // СПС «КонсультантПлюс».
[197] Кучина Я. О. Цифровой юань: регулирование цифровой валюты Центробанка (ЦВЦБ) в Китае. С. 95.

не принят. Во-вторых, к остатку в банковском кошельке после реформы 2026 г., как представляется, применим тот же довод, по которому в настоящей работе от цифровой валюты центрального банка отграничены электронные денежные средства, поскольку перед обладателем обязан не центральный банк, а коммерческий банк, хотя эмитентом цифрового юаня остается Народный банк Китая. Цифровой рубль, напротив, остается обязательством Банка России как оператора платформы цифрового рубля (часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе, статья 82.10 Закона о Банке России). По оценке Н.А. Капустина, изменение закрепленной правовой природы цифрового рубля потребовало бы серьезной правовой реформы, а иная архитектура платежного рынка ограничивает целесообразность прямого копирования китайской модели[198].

Сравнение показывает, во-первых, что в ЕС (включая Германию), Великобритании, США и КНР прослеживается разграничение двух объектов разной правовой природы, цифровых валют центральных банков (цифровое евро, цифровой фунт, цифровой доллар, модели которого обсуждались в докладе Федеральной резервной системы 2022 года, и цифровой юань) и криптоактивов.

Разграничение проводится не на уровне терминологии, а на уровне правового режима. В проектах цифрового евро и цифрового фунта эмиссия отнесена к компетенции центрального банка как публично-правового субъекта (Европейского центрального банка, Банка Англии) и рассматривается как часть публичной функции обеспечения денежного обращения. В США вопрос о самой допустимости такой эмиссии решается не центральным банком, а исполнительной властью и Конгрессом. Федеральная резервная система США в докладе 2022 года заявила, что не станет выпускать цифровую валюту центрального банка без ясной поддержки исполнительной власти и Конгресса, в идеале в форме специального закона[199]. Оборот криптоактивов, напротив, осуществляется на основе

[198] Капустин Н. А. Цифровой юань 2.0: переход от цифровых наличных к цифровым депозитным деньгам и потенциальное воздействие на проект цифрового рубля. С. 678-680.
[199] Money and Payments: The U.S. Dollar in the Age of Digital Transformation / Board of Governors of the Federal Reserve System.

частноправовых сделок участников рынка, а в КНР операции с криптовалютами запрещены.

Во-вторых, правовая основа цифровых валют центральных банков в ЕС, Великобритании, США и КНР находится на разных стадиях. Для цифрового евро подготовлен проект Регламента на основе статьи 133 ДФЕС, а денежная политика в отношении государств-членов, валютой которых является евро, отнесена к исключительной компетенции ЕС. Банк Англии указывает, что цифровой фунт может быть введен только после принятия Парламентом соответствующего закона[200]. В США выпуск цифровой валюты центрального банка Федеральной резервной системой до 31 декабря 2030 г. запрещен Законом 2026 г. Указ Президента США № 14178 относит цифровую валюту центрального банка к угрозам суверенитету США и предусматривает защиту суверенитета доллара США. Как представляется, в ЕС и США вопрос о введении или запрете цифровой валюты центрального банка решается как вопрос денежного суверенитета на уровне законодательного акта, а в США также указом Президента США. В КНР выпуск цифрового юаня начат Народным банком Китая до закрепления цифровой формы юаня в законе. В Российской Федерации цифровой рубль введен федеральными законами, что согласуется с пунктом «ж» статьи 71 и пунктом «в» статьи 106 Конституции Российской Федерации.

В-третьих, для криптоактивов в каждой из рассмотренных юрисдикций сложилась своя модель квалификации и регулирования. В Германии криптоактивы вещами не признаются, Лихтенштейн принял специальный закон (TVTG), в Англии и Уэльсе криптоактивы признаны объектами собственности, а КНР фактически запретила использование криптовалюты для финансовых операций.В США сочетаются законодательное регулирование (GENIUS Act применительно к стейблкоинам), деятельность Комиссии по ценным бумагам и биржам, разъяснения Налоговой службы и судебная практика (тест Хоуи).

[200] Progress update [Электронный ресурс] : Digital Pound Design Phase / Bank of England. London, 2026. 4 March. URL: https://www.bankofengland.co.uk/the-digital-pound/progress-update-digital-pound-design-phase (дата обращения: 20.10.2026).

Во всех рассмотренных юрисдикциях криптоактивы не имеют статуса законного платежного средства, а там, где оборот криптоактивов допускается, к криптоактивам применяется специальный режим финансового контроля.

В ЕС, в том числе в Германии, и в Великобритании такой режим включает обязанности посредников в сфере ПОД/ФТ. Директива (ЕС) 2018/843 распространила такие обязанности на провайдеров услуг обмена между виртуальными и фиатными валютами и на организации, которые от имени клиентов обеспечивают сохранность закрытых криптографических ключей, а также хранят и переводят виртуальные валюты[201]. Отдельно стоит вопрос о наднациональной форме денег. Криптоактивы и в наднациональном режиме MiCAR остаются частными объектами оборота, а пункт 2 статьи 48 MiCAR приравнивает токены электронных денег к электронным деньгам, то есть к выраженному в официальной валюте требованию к частному эмитенту, а не к новой денежной единице. Следовательно, как представляется, правовых оснований считать криптоактивы, включая токены электронных денег, наднациональной формой денег в рассмотренных правопорядках нет.

В-четвертых, национальные модели регулирования цифровых валют центральных банков в рассмотренных юрисдикциях различаются не по технологическим, а по политико-правовым причинам. Техническая возможность создания цифровой валюты центрального банка исследована в ЕС, Великобритании и США. Европейский центральный банк в 2022-2023 годах испытал прототипы цифрового евро и в октябре 2025 года завершил подготовительную фазу проекта[202]. Банк Англии в рамках этапа проектирования цифрового фунта, который завершается в 2026 году, проводит технологические эксперименты, в том числе на экспериментальной платформе Digital Pound Lab, однако решение о введении цифрового фунта не принято[203]. В США Федеральный резервный банк Бостона и Массачусетский технологический институт в 2022 году

[201] Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU. Art. 1.
[202] Eurosystem Moving to Next Phase of Digital Euro Project // European Central Bank. 2025. 30 October.
[203] Progress update : Digital Pound Design Phase / Bank of England.

завершили проект «Гамильтон», в котором создан программный код, обрабатывающий 1,7 млн операций в секунду [204]. Правовые подходы ЕС и США различаются. В ЕС подготовлен проект регламента о цифровом евро, а в США выпуск цифровой валюты Федеральной резервной системой запрещен. Такое различие, как представляется, подтверждает, что цифровая валюта центрального банка является не технологической, а финансово-правовой категорией. Тот же вывод следует из реформы цифрового юаня 2026 г., которая изменила правовую квалификацию остатка, но оставила прежней техническую архитектуру системы. Решение о введении либо о запрете такой валюты касается денежной эмиссии, которую регулирует финансовое право. От того же решения зависит, получит ли такая валюта законную платежную силу и для каких лиц прием такой валюты станет обязательным.

В-пятых, сравнительный материал показывает, что цифровая валюта центрального банка проектируется прежде всего как объект эмиссионных и расчетных правоотношений. Действующие правоотношения по поводу цифровой валюты центрального банка из рассмотренных иностранных правопорядков складываются только в КНР, однако остаток цифрового юаня в банковском кошельке с 2026 г. является обязательством коммерческого банка, а специальные правила о цифровом юане установлены документами Народного банка Китая. Следовательно, как представляется, исследовать цифровую валюту центрального банка в понимании настоящей работы как объект не только эмиссионных и расчетных, но и других финансовых правоотношений можно прежде всего на примере цифрового рубля. Криптоактивы в сравнительном материале, кроме КНР, выступают прежде всего объектом налоговых правоотношений, а в ЕС, в том числе в Германии, и в Великобритании также объектом правоотношений финансового мониторинга в рамках режима ПОД/ФТ.

[204] The Federal Reserve Bank of Boston and Massachusetts Institute of Technology Release Technological Research on a Central Bank Digital Currency [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of Boston. 2022. 3 February. URL: https://www.bostonfed.org/news-and-events/press-releases/2022/frbb-and-mit-open-cbdc-phase-one.aspx (дата обращения: 06.10.2026); Boston Fed, MIT Complete Research Project into Feasibility of a Central Bank Digital Currency [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of Boston. 2022. 22 December. URL: https://www.bostonfed.org/news-and-events/news/2022/12/project-hamilton-boston-fed-mit-complete-central-bank-digital-currency-cbdc-project.aspx (дата обращения: 06.10.2026).

В Германии криптовалюта относится к иному имуществу в смысле § 23 Закона о подоходном налоге (Einkommensteuergesetz), и доход от отчуждения криптовалюты облагается налогом, если между приобретением и отчуждением прошло не более года[205]. В Великобритании отчуждение криптоактивов физическим лицом облагается налогом на прирост капитала[206]. Налоговый закон Лихтенштейна криптовалюту особо не выделяет, и по общим правилам о движимом имуществе криптовалюта облагается налогом на имущество, а прирост стоимости при отчуждении частным лицом подоходным налогом не облагается[207]. Расплачиваться криптовалютой не запрещено ни в США, ни в Германии, ни в Великобритании, ни в Лихтенштейне. Налоговое право Германии и Великобритании прямо рассматривает оплату товаров и услуг криптовалютой как отчуждение криптовалюты, которое учитывается при налогообложении[208]. Налоговая служба США в разъяснении 2014 года признала виртуальную валюту имуществом для целей федерального налогообложения и исходит из того, что налогоплательщик, получивший виртуальную валюту в оплату товаров или услуг, включает рыночную стоимость такой валюты в доход[209]. TVTG определяет частноправовой статус токенов и регулирует деятельность провайдеров услуг (с 2025 года только в отношении токенов вне сферы MiCAR), но использование токенов в расчетах не ограничивает[210].

В 2023 году Международный институт унификации частного права (далее - УНИДРУА) принял Принципы о цифровых активах и частном праве, которые предлагают частноправовую основу там, где национальные правопорядки

---

[205] Einzelfragen zur ertragsteuerrechtlichen Behandlung bestimmter Kryptowerte : Schreiben des Bundesministeriums der Finanzen vom 6. März 2025 IV C 1 - S 2256/00042/064/043 [Электронный ресурс] // Bundessteuerblatt. 2025. Teil I. S. 658. Rn. 53. URL: https://esth.bundesfinanzministerium.de/esth/2025/B-Anhaenge/Anhang-04/inhalt.html (дата обращения: 22.09.2026).

[206] Cryptoassets Manual [Электронный ресурс] / HM Revenue & Customs. CRYPTO22100. URL: https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/cryptoassets-manual/crypto22100 (дата обращения: 22.09.2026).

[207] Gesetz vom 23. September 2010 über die Landes- und Gemeindesteuern (Steuergesetz; SteG) [Электронный ресурс] // Liechtensteinisches Landesgesetzblatt. 2010. Nr. 340. Art. 9 Abs. 1, Art. 15 Abs. 2 Bst. m. URL: https://www.gesetze.li/konso/2010.340 (дата обращения: 22.09.2026).

[208] Einzelfragen zur ertragsteuerrechtlichen Behandlung bestimmter Kryptowerte. Rn. 54, 60; Cryptoassets Manual. CRYPTO22100.

[209] Notice 2014-21 : Tax Treatment of Transactions Using Convertible Virtual Currencies [Электронный ресурс] / Internal Revenue Service // Internal Revenue Bulletin. 2014. No. 2014-16. P. 938. Sec. 4. URL: https://www.irs.gov/pub/irs-drop/n-14-21.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

[210] Gesetz vom 3. Oktober 2019 über Token und VT-Dienstleister (Token- und VT-Dienstleister-Gesetz; TVTG).

расходятся в квалификации цифровых активов[211]. Определение технологически нейтрально, поскольку распределенный реестр и криптографический ключ служат возможными способами установить контроль, но не условием признания объекта цифровым активом. Для финансово-правовых целей, как представляется, важно не техническое средство контроля, а результат, который такое средство обеспечивает, то есть обособление объекта и фиксация операции. Официальный комментарий к Принципам допускает квалификацию цифровой валюты центрального банка как цифрового актива, однако относит правоотношение между обладателем и центральным банком, природу объекта как валюты и режим законного платежного средства к денежному законодательству государства-эмитента. Принципы же касаются частноправовых последствий сделок с таким объектом, например перехода прав и защиты добросовестного приобретателя[212].

Предлагаемые в настоящей работе критерии разграничения, как представляется, определяют прежде всего публично-правовой режим объекта, а третий критерий, признание объекта формой официальной денежной единицы, согласуется с официальным комментарием к Принципам УНИДРУА в части природы объекта как валюты.

Российская модель регулирования цифровых валют прямого аналога в рассмотренных правопорядках не имеет. Имущественная квалификация цифровой валюты (пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах) сближает российский подход с английской «третьей» категорией личной собственности, лихтенштейнским режимом имущества (Vermögen) и налоговым подходом США и Германии, однако сходство, как представляется, касается признания объекта имуществом, а не способа такого признания. В рассмотренных правопорядках, кроме КНР, к криптовалюте применяется специальный режим финансового контроля, и криптовалюта характеризуется как объект финансового рынка. В российском праве цифровая валюта, как представляется, входит в более широкий круг финансовых правоотношений, поскольку с 1 сентября

[211] Principles on Digital Assets and Private Law / UNIDROIT. Rome : UNIDROIT, 2023. Principles 2(2), 6.
[212] Principles on Digital Assets and Private Law / UNIDROIT. Commentary to Principle 2. Paras 2.11-2.13.

2026 г. цифровые валюты отнесены и к валютным ценностям (пункт 5 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании в редакции Федерального закона № 283-ФЗ).

Закрепленная федеральными законами модель цифрового рубля, как представляется, основывается на совмещении Банком России функций эмитента цифрового рубля, оператора платформы цифрового рубля и органа банковского надзора (пункт 9 статьи 4, статья 82.10 Закона о Банке России), и такое совмещение создает риск столкновения публичных интересов, которые Банк России обеспечивает одновременно.

§ 3. Правовая природа цифровой валюты и цифрового рубля

Л.Л. Арзуманова исходит из того, что «объектом всех без исключения финансовых правоотношений являются деньги»[213]. Думается, из такого положения следует, что государство, вводя в оборот новую форму денег, с момента введения распространяет на такую форму финансово-правовое регулирование, и новая форма денег становится самостоятельным объектом финансовых правоотношений.

В современной доктрине к денежным средствам в электронной форме относят безналичные денежные средства, электронные денежные средства и цифровые валюты. Цифровые валюты, как отмечают Е.Ю. Грачева, А.А. Ситник и Г.Т. Папаскуа, могут эмитироваться государством и выступать законным платежным средством, а могут и не быть выражены в законном средстве платежа, поэтому в доктрине термин «цифровая валюта» охватывает также цифровые валюты центральных банков[214].

С 1 сентября 2026 г. пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах определяет цифровую валюту как имущество, которое предлагается и (или) может быть принято в качестве средства платежа и (или) в качестве инвестиций[215].

---

[213] Арзуманова Л. Л. Денежное обращение и история его развития (финансово-правовой аспект) : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. М. : Проспект, 2014. С. 4.

[214] Грачева Е. Ю., Ситник А. А., Папаскуа Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. М. : Проспект, 2023. С. 223.

[215] Пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах. Закон о цифровых валютах одобрен Советом Федерации 24 июля 2026 г. (постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 24 июля 2026 г. № 351-СФ «О Федеральном законе «О цифровых валютах и цифровых правах»).

Принимать цифровую валюту в качестве средства платежа в Российской Федерации по общему правилу запрещено (часть 6 статьи 1 Закона о цифровых валютах), Как представляется, сохранилось противоречие между определением цифровой валюты через возможность принять цифровую валюту в качестве средства платежа и запретом такого приема. На такое противоречие в литературе[216] указывали применительно к Закону о ЦФА, который утрачивает силу поэтапно[217].

Определив цифровую валюту как имущество, законодатель разрешил в пользу имущественной квалификации спор о родовой принадлежности цифровой валюты, который отечественная доктрина вела с 2017 г. Вместе с тем такое решение принято для целей Закона о цифровых валютах, поскольку часть 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах вводит понятия «в целях настоящего Федерального закона», а статья 128 ГК РФ цифровую валюту не называет и Федеральным законом № 283-ФЗ не изменена. Следовательно, цифровая валюта признана имуществом для целей отдельных законов, в том числе Закона о цифровых валютах и НК РФ (пункт 2 статьи 11 НК РФ), но не для целей всего правопорядка.

Ю.К. Цареградская выделяет два направления, в которых цифровизация изменяет предмет финансового права, что «во-первых, происходит появление новых элементов предмета, требующих финансово-правового регулирования, во-вторых, осуществляется трансформация уже существующих объектов финансово-правовых отношений»[218]. Как представляется, цифровая валюта относится к первому направлению, а цифровой рубль ко второму, поскольку цифровой рубль представляет собой новую форму рубля.

В отечественной юридической литературе ведется дискуссия о том, корректно ли использовать термин «криптовалюта». Авторы монографии

---

[216] Цифровая валюта // Энциклопедия российского финансового права / под ред. Е. Ю. Грачевой, Р. Е. Артюхина. М. : Проспект, 2024. С. 835-837.

[217] Согласно статье 22 Федерального закона № 283-ФЗ Закон о ЦФА утрачивает силу поэтапно. Статьи 1, 1.1, 14, 14.2, 14.3, пункт 5 статьи 26 и части 3-6 статьи 27 Закона о ЦФА утратили силу с 1 сентября 2026 г., статьи 10, 10.1 и 11 утрачивают силу с 1 марта 2027 г., а Закон о ЦФА в целом с 1 сентября 2028 г.

[218] Цареградская Ю. К. Трансформация предмета финансово-правового регулирования в условиях развития цифровой экономики // Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой. М. : Проспект, 2020. С. 21.

под общей редакцией М.А. Егоровой квалифицируют криптовалюту как иное имущество[219]. А.В. Турбанов возражал против использования в монографии самого термина «криптовалюта», поскольку российское законодательство отождествляет понятия «деньги» и «валюта», а криптовалюта не является ни деньгами, ни валютой, на что обращает внимание и А.А. Ситник[220].

По «закону конструкционной экономии», который описал А.А. Пиленко, новый объект права сначала пытаются подвести под одну из известных правовых категорий, а самостоятельную правовую конструкцию создают, только убедившись, что ни одна из таких категорий не подходит[221]. Как представляется, спор о термине «криптовалюта» следует такому закону, поскольку криптовалюту пытаются отнести то к деньгам и валюте, то к иному имуществу.

По мнению А.А. Недрова, цифровой рубль представляет собой «узкоспециализированный подвид безналичных денежных средств, разновидность имущества, не относящегося к вещам, представляющего собой право требования к Центральному банку Российской Федерации»[222]. Такая квалификация опирается на статью 128 ГК РФ, которая прямо относит цифровые рубли к безналичным денежным средствам.

К.Б. Раздорожный полагает, что цифровые валюты, которые выпускают государственные органы зарубежных стран, «можно квалифицировать как новый вид электронных денежных средств», и понимает под такими средствами безналичные деньги, учитываемые в электронном виде и эмитируемые национальным банком или государственным органом[223]. Такая позиция отражала состояние законодательства 2020-2021 гг., тогда как впоследствии законодатель отнес цифровой рубль к безналичным, а не к электронным денежным средствам

---

[219] Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты : монография / под общ. ред. М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2023.

[220] Турбанов А. В. Сущность денежного суррогата // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 14. См. также: Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103-112.

[221] Пиленко А. А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001. С. 590.

[222] Недров А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2026. С. 12.

[223] Раздорожный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах. С. 11.

(статья 128 ГК РФ). Как отмечает А.А. Недров, электронные денежные средства представляют собой не самостоятельную форму денег, а производный способ реализации прав по поводу традиционных форм денег[224]. В доктрине цифровую валюту относят к иному имуществу[225], категории вещей[226], бестелесным вещам[227], обязательственным правам[228], цифровым правам[229] и объектам sui generis[230]. Мнения расходятся, так как цифровая валюта, вероятно, занимает промежуточное положение между правовыми категориями вещей и имущественных прав.

Л.А. Лунц в первой половине XX века рассматривал вопрос о соотношении частных денег и денежных суррогатов с деньгами. Л.А. Лунц полагал, что частные деньги и денежные суррогаты, обращение которых запрещено законом, нельзя относить к деньгам в юридическом смысле и что такие знаки, в частности, не служат средством погашения денежных обязательств[231].

В юридической науке природа «частных» денег в тот период вызывала разногласия. Так, Ф. Манн считал «частные» деньги видом государственных постольку, поскольку «государство «терпит» обращение подобных знаков». Л.А. Лунц отвергал позицию Ф. Манна вместе с государственной теорией денег и полагал, что деньги «создаются не в порядке закона, не являются созданием правопорядка»[232].

В свою очередь Фрике полагал, что «даже при наличии законодательного запрещения выпуска и обращения подобных денег они являются настоящими

---

[224] Недров А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков. С. 11.

[225] См., напр.: Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136-153; Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество - анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 106; Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 81-91.

[226] См.: Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 132.

[227] См.: Саженов А. В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право : монография / отв. ред. Е. Б. Лауте. М., 2019. С. 157-180.

[228] См.: Новоселова Л. А. О правовой природе биткойна. С. 3-16.

[229] См.: Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. Цит. по: Турбанов А. В. Сущность денежного суррогата. С. 15.

[230] См.: Янковский Р. М. Проблемы правового регулирования криптовалют // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 45-51.

[231] Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. С. 294.

[232] Mann F. A. The Legal Aspect of Money. Oxford : Clarendon Press, 1938. P. 11-12; Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. С. 17-19.

деньгами в юридическом смысле», и выводил это свойство из обычая, «который, как известно, в германской доктрине и практике признается источником права, равносильным закону»[233]. Возражая Фрике, Л.А. Лунц опирался на положение К. Маркса о том, что знак стоимости «возникает из самого процесса обращения, а не из какого-нибудь соглашения или вмешательства государства»[234].

Думается, обе позиции Л.А. Лунц отвергал по одному основанию, поскольку, по мнению Л.А. Лунца, «возникновение закона стоимости вообще не может быть выведено из правовой нормы (ни из закона, ни из обычая)». Однако государство, как отмечал Л.А. Лунц, «имеет возможность воспретить использование «денежных суррогатов» в качестве средства обращения... и во всяком случае не признавать погашенными денежные обязательства даже в тех случаях, когда «платеж» при помощи таких частных денег состоялся с согласия кредитора»[235]. Сходным образом, как отмечается в литературе, большинство национальных регуляторов видит в использовании криптовалют риски для финансовой безопасности и рассматривает криптовалюты как денежные суррогаты, а некоторые государства полностью запрещают использовать криптовалюту в качестве платежного средства[236].

Деньги в экономическом смысле и законное платежное средство (деньги в юридическом смысле) нужно различать. Как представляется, деньгами в экономическом смысле может стать любой товар, который оборот принимает в качестве средства обмена, в том числе криптовалюта, а законным платежным средством деньги становятся, если государство признало за деньгами такой статус. Вопрос о признании актива законным платежным средством решается, следовательно, не через экономические функции актива, а через акт государства, и по такому признаку цифровой рубль отличается от цифровых валют. Цифровая валюта центрального банка становится объектом финансовых правоотношений

[233] Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. С. 294. Позицию Фрике Л. А. Лунц приводит по работе А. Нуссбаума. См.: Nussbaum A. Das Geld in Theorie und Praxis des deutschen und ausländischen Rechts. Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1925. S. 19.
[234] Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XII, ч. I. М., 1933. С. 101.
[235] Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. С. 294.
[236] Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: науч.-практ. пособие / под ред. И. И. Кучерова, С. А. Синицына. М. : Норма ; ИЗиСП, 2022. С. 67-109.

как деньги в силу публично-правового решения о придании такой валюте законной платежной силы.

Разграничение денег в экономическом и юридическом смысле прослеживается в практике судов США, которые признают биткоин деньгами по функциям средства обмена и платежа, фактически выполняемым биткоином. В деле SEC v. Shavers[237] суд отклонил довод о том, что вложения в биткоинах не являются инвестициями денежных средств и потому не подпадают под Закон о ценных бумагах 1933 года[238], а в деле United States v. Ulbricht[239] суд отклонил довод о том, что операции с биткоинами не являются финансовыми операциями для целей обвинения в отмывании денег. В обоих делах такое признание не сделало биткоин законным платежным средством и понадобилось для применения конкретного закона.

Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации по пути признания криптовалют деньгами не пошел и разъяснил только, что денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалют)[240], приобретенных в результате совершения преступления, могут быть предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации[241].

Некоторые правоведы считают, что криптовалюты выполняют функции денег. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова полагают, что биткоин не может конкурировать с традиционными валютами, но способен служить альтернативой традиционным валютам в странах с неразвитой финансовой инфраструктурой[242].

---

[237] Securities and Exchange Commission v. Shavers et al., No. 4:13-cv-00416 (E.D. Tex., 6 August 2013) [Электронный ресурс]. URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/texas/txedce/4:2013cv00416/146063/23/ (дата обращения: 18.10.2023).

[238] См.: Securities Act of 1933, 15 U.S.C. § 77a-77bb.

[239] United States v. Ulbricht, 31 F. Supp. 3d 540, 570 (S.D.N.Y. 2014) (решение от 9 июля 2014 г., судья К. Б. Форрест).

[240] Абзац 3 пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (в ред. от 26 февраля 2019 г. № 1); См. также: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23-6-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

[241] СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[242] Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020. С. 87. См. также: Ciaian P., Rajcaniova M., Kanes D. The Digital Agenda of Virtual Currencies. Can Bitcoin Become a Global Currency? Seville : Joint Research Centre, 2015.

Л.Г. Ефимова квалифицирует обязательства на криптовалюту как денежные, поскольку «криптовалюты фактически выполняют денежные функции, поэтому должны считаться частными деньгами»[243], и в учебнике прямо называет криптовалюты деньгами[244].

Ю.А. Крохина, напротив, отмечает, что «цифровая валюта не является денежной единицей Российской Федерации или иностранного государства, а также официальной расчетной единицей»[245]. Е.А. Цепова указывает, что цифровую валюту нельзя называть валютой[246]. В пункте 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах термин «цифровые валюты» используется в специальном значении. Как представляется, такое значение охватывает объекты, которые принято называть криптовалютами, и не включает ни цифровой рубль, ни электронные денежные средства, поскольку определение исключает средства платежа, являющиеся денежной единицей Российской Федерации, и объекты, в отношении которых есть лицо, обязанное перед каждым обладателем. В денежную систему государства цифровая валюта не входит и, не отвечая признаку «легитимный знак меры стоимости»[247], статусом законного платежного средства не обладает[248].

А.В. Турбанов полагал, что криптовалюта, даже не являясь ни деньгами, ни валютой, не выпадает из гражданского оборота. Соглашаясь с А.Ю. Толкачевым и М.Б. Жужжаловым в том, что криптовалюте не нужно быть деньгами «по своей природе», А.В. Турбанов отмечал, что криптовалюту, как и любые другие объекты имущества, можно покупать, продавать и обменивать[249].

В 2023 г. Арбитражный суд Московского округа оставил без изменения судебные акты, которыми ООО «Сиб-Тех» отказано в признании

---

[243] Ефимова Л. Г. Совершенствование теории денежных обязательств в эпоху цифровой экономики // Право и цифровая экономика. 2022. № 3.
[244] Ефимова Л. Г. Денежные обязательства и финансовые сделки : учебник для магистратуры. М. : Проспект, 2023. С. 37-38.
[245] Крохина Ю. А. Правовые модели включения криптовалюты в национальную платежную систему как способ противодействия экономическим санкциям //Банковское право. 2024. № 3. С. 4-5.
[246] Цепова Е. А. Ответственность физических лиц за совершение незаконных валютных операций: исследование резонансной судебной практики // Российский судья. 2022. № 10. С. 45-48.
[247] Егоров Д. Г., Егорова А. В. К вопросу об определении понятия «деньги» // Финансы и кредит. 2006. № 5. С. 14.
[248] Подробнее см.: Кучеров И. И. Законные платежные средства: теоретико-правовое исследование : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2016.
[249] Турбанов А. В. Сущность денежного суррогата. С. 15. См. также: Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество - анализ текущего правового статуса.

недействительным решения ИФНС России № 16 по г. Москве о доначислении налога на добавленную стоимость. Общество приобрело 400 устройств для майнинга Antminer T19 и в уточненной декларации за 4 квартал 2020 г. заявило к вычету 10 785 438,90 руб. налога на добавленную стоимость по такому оборудованию. Суды признали вычет неправомерным, поскольку оборудование предназначено для промышленной добычи криптовалюты (майнинга), а доказательств использования оборудования в деятельности, облагаемой налогом на добавленную стоимость, общество не представило. Сославшись на подпункт 1 пункта 1 статьи 146 и пункт 3 статьи 38 НК РФ, а также на статью 128 ГК РФ, суд округа указал, что криптовалюты «в настоящее время не относятся к числу объектов гражданских прав, следовательно, операции по добыче (майнингу) криптовалют налогообложению НДС не подлежат»[250]. Федеральным законом № 418-ФЗ названный вопрос решен прямой нормой. Операции по осуществлению майнинга цифровой валюты и операции по реализации цифровой валюты объектом обложения налогом на добавленную стоимость не признаются (подпункты 27 и 28 пункта 2 статьи 146 НК РФ). Мотивировка Арбитражного суда Московского округа расходится и с более поздним Постановлением № 2-П, допускающим отнесение цифровой валюты к иному имуществу по смыслу статьи 128 ГК РФ[251].

Цифровой рубль, по замыслу Банка России, должен выполнять все функции денег наравне с наличными и безналичными рублями[252]. В литературе высказано мнение, что цифровой рубль является договорным, а не законным средством платежа[253], поскольку не обладает универсальной способностью погашать любые денежные обязательства. Исходное наблюдение верно, однако вывод о договорном характере цифрового рубля, как представляется, неточен. Денежной единицей в Российской Федерации является рубль (часть 1 статьи 75 Конституции

[250] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 октября 2023 г. № Ф05-25578/2023 по делу № А40-273884/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
[251] Постановление № 2-П, пункт 2.2 мотивировочной части.
[252] Цифровой рубль : доклад для общественных консультаций. Раздел 1; Концепция цифрового рубля. Введение. Термин «форма денег» Концепция использует в экономическом смысле.
[253] Умханов А. С. Гражданско-правовая квалификация цифрового рубля: проблемы определения и толкования // Гражданское право. 2024. № 6.

Российской Федерации), а наличные, безналичные и цифровые рубли различаются способом расчетов, но не статусом денежной единицы. Свойство законного платежного средства проявляется в обязательности к приему по нарицательной стоимости. Для банкнот и монеты такая обязательность установлена частью второй статьи 30 Закона о Банке России, а на цифровой рубль обязательность к приему распространяется поэтапно.

Обязанность кредитных организаций обеспечивать клиентам возможность совершения операций с цифровыми рублями (часть 18.1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе) и обязанность продавцов обеспечить потребителю возможность оплаты путем перевода цифровых рублей вводятся поэтапно с 1 сентября 2026 г. по 1 сентября 2028 г. (части 3-5 и 7-9 статьи 4 ФЗ №248). До завершения поэтапного введения названных обязанностей цифровой рубль, как представляется, обязателен к приему только для продавцов, указанных в частях 7-9 статьи 4 ФЗ №248. После 1 сентября 2028 г. обязанность продавцов не распространится на расчеты вне отношений с потребителями. Однако круг обязанных лиц на каждом этапе определяет закон, а не соглашение сторон, в связи с чем договорным средством платежа цифровой рубль не является.

Имущественную ценность криптовалюты признают судебная практика[254] и большинство исследователей[255]. Криптовалюта поддается денежной оценке. Как отмечает Я.В. Земляченко, номинальной стоимости у криптовалюты нет, а рыночную стоимость криптовалюта получила от торгового оборота[256]. Курс криптовалют складывается на биржах под действием спроса и предложения, в связи с чем для каждого момента времени существует определенная рыночная

---

[254] См., напр.: постановления Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2023 г. № 11АП-669/2023 по делу № А65-18296/2021; Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017; Арбитражного суда Московского округа от 15 февраля 2024 г. № Ф05-760/2024 по делу № А40-262282/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[255] См., напр.: Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав. С. 84; Белов В. А. Цифровизация и криптовалюта: отдельные выводы правоприменительной практики // Вестник арбитражной практики. 2023. № 5. С. 37-44; Будылин С. Л. Криптоактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С. 74-115.

[256] Земляченко Я. В. Объектоспособность криптовалюты как средства обращения и средства платежа в условиях цифровизации торгового оборота // Гражданское право. 2024. № 1. С. 14-17. См. также: Арзамасцев М. В., Никулина В. А. Цифровая валюта как легализуемое имущество // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 5. С. 122-135; Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4 (125). С. 89.

цена. Для целей налогообложения рыночной котировкой цифровой валюты признается цена закрытия, рассчитываемая иностранным организатором торговли (абзац второй пункта 2 статьи 282.3 НК РФ)[257].

Имущественная квалификация криптовалюты применяется и в публично-правовых, прежде всего налоговых, целях. Так, в 2014 г. Налоговая служба США разъяснила, что для целей федерального налогообложения конвертируемая виртуальная валюта, то есть имеющая эквивалентную стоимость в реальной валюте или заменяющая реальную валюту, рассматривается как имущество, а не как валюта, и привела в качестве примера такой валюты биткоин. Согласно разъяснению в отдельных условиях виртуальная валюта действует как «реальная» валюта, однако не имеет статуса законного платежного средства ни в одной юрисдикции[258].

К такой же квалификации криптовалюты в России еще до принятия Закона о ЦФА пришел Девятый арбитражный апелляционный суд в деле о банкротстве гражданина. Финансовый управляющий просил включить в конкурсную массу содержимое криптокошелька должника и обязать должника передать пароль от криптокошелька. Суд первой инстанции в требовании отказал, сочтя, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав и находится вне правового поля. Апелляционный суд определение отменил и указал, что криптовалюта «не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество», поскольку должник по своему усмотрению вправе владеть, пользоваться и распоряжаться содержимым криптокошелька, то есть «осуществляет полномочия, близкие к полномочиям собственника, предусмотренным ч. 2 ст. 35 Конституции РФ и ст. 209 ГК РФ». Суд обязал должника передать финансовому управляющему доступ к криптокошельку

[257] При принятии цифровой валюты к бухгалтерскому учету Минфин России предлагает руководствоваться признаками, установленными нормативными правовыми актами по бухгалтерскому учету. См.: письмо Минфина России от 27 июня 2024 г. № 07-01-09/59941 // СПС «КонсультантПлюс»; Методические рекомендации по оценке криптовалют / СРО «Экспертный совет». 2019. URL: https://srosovet.ru/press/news/250919/ (дата обращения: 24.09.2024).

[258] См.: Internal Revenue Service (IRS). Notice 2014-21. Sec. 2.

для пополнения конкурсной массы[259]. Арбитражные суды и впоследствии обязывали должников-граждан передавать финансовому управляющему доступ к биткоин-кошелькам для включения биткоинов в конкурсную массу[260]. Практика судов общей юрисдикции противоречива. Как отмечают М.В. Арзамасцев и В.А. Никулина, по делам о легализации преступных доходов суды чаще оценивают легализуемую криптовалюту как денежные средства, реже относят к категории иного имущества[261].

До вступления в силу Закона о ЦФА отдельные суды ссылались на запрет выпуска денежных суррогатов (часть вторая статьи 27 Закона о Банке России) или отказывали в защите требований, связанных с криптовалютой, ввиду особенностей криптовалюты как спорного имущества[262]. Так, Седьмой арбитражный апелляционный суд, оставляя без изменения отказ во включении в реестр требования кредитора, который ссылался на передачу должнику криптовалюты Ethereum по инвестиционному договору, указал не только на непредставление подписанного договора, но и на то, что «сделка с криптовалютой Ethereum не порождает денежного обязательства на стороне должника применительно к ст. 2 Закона о банкротстве»[263]. Законом о ЦФА цифровая валюта признана имуществом для целей законодательства о несостоятельности (банкротстве), об исполнительном производстве, о противодействии легализации (отмыванию) доходов и о противодействии

[259] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[260] См.: постановления Арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2019 г. № Ф05-8713/2017 по делу № А40-12639/2016 и от 15 февраля 2024 г. № Ф05-760/2024 по делу № А40-262282/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[261] Арзамасцев М. В., Никулина В. А. Цифровая валюта как легализуемое имущество. С. 122-135.

[262] См., напр.: решение Октябрьского районного суда города Архангельска от 2 апреля 2020 г. по делу № 2а-1635/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Суд признал запрещенной к распространению информацию о продаже биткоина и сослался на запрет введения на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуска денежных суррогатов (статья 27 Закона о Банке России), указав, что «процесс выпуска и обращения биткоинов полностью децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства». Решение Арбитражного суда города Москвы от 29 ноября 2019 г. по делу № А40-164942/19-27-1380 // СПС «КонсультантПлюс». Суд указал, что спор «является спором о наличии цифрового права, в связи с чем защита права путем возврата имущества в натуре не может быть осуществлена ввиду особенностей самого спорного имущества». Верховный Суд Российской Федерации по тому же делу исходил из того, что истец не доказал принадлежность ему криптовалюты и фактический переход криптовалюты к ответчикам (определение от 14 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-12165 // СПС «КонсультантПлюс»).

[263] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16 июля 2020 г. № 07АП-1897/2020(1) по делу № А45-28956/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

коррупции[264]. В литературе такое решение критиковали, поскольку признание цифровой валюты имуществом только для отдельных целей допускало иную квалификацию того же объекта при применении других законов (статья 128 ГК РФ цифровую валюту не называет) и сужало возможности судебной и административной защиты прав обладателей цифровых валют[265].

На противоречие в таком регулировании указал А.А. Ситник, по словам которого сложилась двойственная ситуация, когда «с одной стороны, для целей отдельных законов [цифровые валюты] признаются имуществом... с другой - согласно гражданскому законодательству цифровые валюты не отнесены к объектам гражданских прав»[266]. Имущественный характер криптовалюты суды выводили из фактического господства обладателя над содержимым криптокошелька[267], тогда как обладатель цифрового рубля имеет требование к Банку России как оператору платформы цифрового рубля по договору счета цифрового рубля (часть 1 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). Как представляется, по правовой природе цифровой рубль является правом требования к Банку России, а не цифровой валютой.

Представляется нецелесообразным квалифицировать цифровую валюту по-разному в зависимости от применяемого закона. Признание любой цифровой валюты, в том числе выпущенной за пределами Российской Федерации, имуществом, подлежащим обязательному декларированию, способно снизить риск перетока капитала за рубеж. Такое признание также может увеличить бюджетные доходы от налогообложения операций с цифровой валютой и позволяет одинаково

---

[264] См. часть вторую статьи 2 Закона о банкротстве в редакции до 1 сентября 2026 г., часть третью статьи 3 Федерального закона № 115-ФЗ (утратила силу с 1 сентября 2026 г.), часть 10 статьи 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228 (нормы введены статьями 19, 17 и 22 Закона о ЦФА). Законодатель разделил понятия цифровых финансовых активов и цифровой валюты, а в самом Законе о ЦФА использовал бланкетную норму (часть 4 статьи 14). Для целей применения Закона об исполнительном производстве цифровая валюта также признавалась имуществом (часть 4 статьи 68, утратила силу с 1 сентября 2026 г.). До 1 сентября 2026 г. специального порядка обращения взыскания на цифровые валюты установлено не было. Специальный порядок введен статьями 8.2, 73.6, 73.7 и 82.1 Закона об исполнительном производстве в редакции Федерального закона № 283-ФЗ.

[265] См.: Чаннов С. Е. Цифровые права и цифровые валюты как объекты правового регулирования // Информационное право. 2021. № 2. С. 14; Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023. С. 99.

[266] Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования. С. 105.

[267] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017//СПС «КонсультантПлюс».

квалифицировать цифровую валюту как имущество и в публично-правовых, и в гражданско-правовых отношениях. Кроме того, квалификация цифровых валют в качестве имущества, а не обязательства, снимает трудности правоприменения, которые вызваны отсутствием у цифровой валюты обязанного лица. Законодатель воспринял такой подход частично. С 1 сентября 2026 г. цифровая валюта определена как имущество в целях Закона о цифровых валютах (пункт 1 части 1 статьи 2). Обязанность информировать налоговые органы установлена не для всех обладателей цифровой валюты, а для лиц, осуществляющих майнинг (часть 11 статьи 3 Закона о цифровых валютах), для операторов майнинговой инфраструктуры (статья 86.5 НК РФ) и с 2 мая 2027 г. для резидентов, за отдельными исключениями, совершающих операции с цифровыми валютами с использованием адресов-идентификаторов, не администрируемых цифровыми депозитариями (части 2 и 3 статьи 12.1 Закона о валютном регулировании).

Цифровой рубль не подпадает под законодательное определение цифровой валюты по двум основаниям. Во-первых, цифровой рубль, думается, является цифровой формой рубля, а рубль по части 1 статьи 75 Конституции Российской Федерации является денежной единицей, по части первой статьи 27 Закона о Банке России официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации. Статусом законного платежного средства цифровой рубль, как представляется, также обладает, поскольку законным платежным средством является рубль (абзац первый пункта 1 статьи 140 ГК РФ), а расчеты цифровыми рублями включены в безналичные расчеты (абзац второй того же пункта)[268]. Цифровой валютой, напротив, со времени принятия Закона о ЦФА признаются электронные данные, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, и (или) в качестве инвестиций (часть 3 статьи 1 Закона о ЦФА). В Законе о цифровых валютах такое разграничение сохранено (пункт 1 части 1 статьи 2).

[268] См.: Горбунов Е. А. Правовая природа цифровой валюты // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 6. С. 114.

Во-вторых, перед каждым обладателем цифрового рубля обязан Банк России как оператор платформы цифрового рубля (статья 82.10 Закона о Банке России), поскольку запись на платформе отражает размер обязательств оператора платформы перед пользователями платформы (часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе). У цифровой валюты лица, обязанного перед каждым обладателем, нет (пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах).

В праве США квалификация токена от наличия лица, обязанного перед каждым обладателем, не зависит. Токены Gram прав требования к эмитенту, характерных для акций или облигаций, не давали, однако суд по делу «SEC v. Telegram Group Inc.» признал вероятным, что размещение токенов и запланированная перепродажа токенов в совокупности образуют предложение ценных бумаг[269]. Наличие лица, обязанного перед каждым обладателем, в число элементов теста Хоуи не входит[270].

С.Л. Будылин относит криптоактивы, в том числе криптовалюту, к уникальным объектам гражданского права, которые занимают промежуточное положение между имущественными правами и вещами, и предлагает выделить цифровые активы в статье 128 ГК РФ в отдельный вид имущества[271]. Против такого подхода обоснованно возражает М.А. Успенский, по мнению которого теоретическое выделение криптовалюты в иное особенное право sui generis «представляет собой умножение сущностей, что не приводит к стабильности и определенности в праве»[272]. Вместе с тем сам М.А. Успенский считает квалификацию криптовалюты как имущества или иного имущества недостаточной и относит криптовалюту к обязательственным правам, в которых должником выступает оператор узла информационной системы[273]. Однако по пункту 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах оператор и узлы информационной системы обязаны только обеспечивать соответствие порядка выпуска и внесения записей

[269] Securities and Exchange Commission v. Telegram Group Inc. et al., 448 F. Supp. 3d 352.
[270] SEC v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946).
[271] Будылин С. Л. Криптоактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа. С. 74-115.
[272] Успенский М. А. Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве // Закон. 2023. № 9.С. 95.
[273] Успенский М. А. Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве. С. 87-101; Он же. Криптовалюта как обязательственное право // Закон. 2024. № 10. С. 154-168.

правилам информационной системы. Ни объема, ни ценности того, чем владеет обладатель, такая обязанность не определяет, и права требования криптовалюта не дает. Признаки имущественных прав, которые М.А. Успенский приводит вслед за А.С. Яковлевым (способность принадлежать определенному лицу и служить средством реализации имущественного интереса, возможность отчуждения и денежной оценки, приобретение на основании сделок либо иных юридических фактов)[274], присущи любому имуществу, поэтому по таким признакам криптовалюту нельзя отнести именно к обязательственным правам. Как представляется, криптовалюта относится к иному имуществу, но не к обязательственным правам. Выделять криптовалюту в самостоятельную категорию объектов, как представляется, нецелесообразно и в публично-правовых целях.

Разграничение цифровой валюты, стейблкоина и цифрового рубля

Конституционный Суд Российской Федерации при толковании статьи 128 ГК РФ указал, что безналичные денежные средства, «будучи разновидностью имущества, не относятся к вещам, а потому не могут являться объектом вещных прав в гражданско-правовом смысле», и что «по своей природе безналичные денежные средства, существующие в виде записи на банковском счете кредитора (их обладателя), представляют собой его обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет». Суд также отметил, что такими различиями предопределяются и различия в правовом регулировании отношений по поводу вещей и отношений по поводу нематериальных объектов[275]. На цифровую валюту, думается, распространяется только первая часть такого вывода. Такой подход согласуется с Постановлением № 2-П, в котором Конституционный Суд Российской Федерации указал, что цифровая валюта, в отличие от вещей, не имеет осязаемого воплощения и к безналичным денежным средствам не относится, поскольку цифровые валюты

[274] Приводится по: Успенский М. А. Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве. С. 87-101.

[275] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» // СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7528.

«не дают своим обладателям аналогичных прав в отношении какого-либо субъекта»[276].

Запрет части 6 статьи 1 Закона о цифровых валютах принимать цифровые валюты и цифровые права в качестве средства платежа или встречного предоставления, в отличие от прежнего запрета части 5 статьи 14 Закона о ЦФА, не ограничен отдельными категориями лиц[277]. Исключения из запрета допускаются в случаях, перечисленных в части 7 статьи 1 Закона о цифровых валютах, в рамках экспериментального правового режима (часть 13 статьи 1) и в особом режиме, который вправе установить Правительство Российской Федерации (часть 18 статьи 1 Закона о цифровых валютах).

Механизм экспериментального правового режима перенесен в части 13-15 статьи 1 Закона о цифровых валютах. Программа такого режима устанавливает специальное регулирование, утверждается нормативным актом Банка России в порядке Федерального закона № 258-ФЗ и согласуется с Росфинмониторингом и федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности. С 1 сентября 2026 г. расчеты цифровой валютой по внешнеторговым договорам такого режима не требуют (пункт 1 части 7 статьи 1 Закона о цифровых валютах). Вместе с тем НК РФ по-прежнему упоминает цифровую валюту, используемую в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам (контрактам) в рамках экспериментального правового режима[278]. Такая формулировка сохранилась от регулирования, действовавшего до 1 сентября 2026 г., когда расчеты цифровой валютой по внешнеторговым договорам требовали экспериментального правового режима, и отсылает к утратившей силу статье 1.1 Закона о ЦФА. В тот же период программа такого режима могла изменять или исключать действие положений Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах» о порядке допуска цифровых валют

[276] Постановление № 2-П, пункт 2.1 мотивировочной части.
[277] О прежнем регулировании см.: Горбунов Е. А. Правовая природа цифровой валюты. С. 115.
[278] Абзац тридцать третий пункта 2 статьи 11 и пункт 8 статьи 282.3 НК РФ.

к организованным торгам и о требованиях к организаторам торговли, осуществляющим проведение организованных торгов цифровой валютой[279].

С 1 сентября 2026 г. проведение таких торгов допускается статьей 14 и частями 13-15 статьи 31 Закона о цифровых валютах. Запрет изменять понятие установлен частью 14 статьи 1 Закона о цифровых валютах для программы экспериментального правового режима только в отношении долговых цифровых финансовых активов. До 1 сентября 2026 г. программа могла исключать или изменять действие части 3 статьи 1 Закона о ЦФА, то есть самого определения цифровой валюты, в отношении внешнеторговых сделок с цифровой валютой через уполномоченную организацию (часть 2 статьи 1.1 Закона о ЦФА), а такие программы сохраняют действие до истечения сроков, определенных такими программами (часть 1 статьи 55 Закона о цифровых валютах). Сохраняется ли в рамках экспериментального правового режима признак отсутствия лица, обязанного перед каждым обладателем цифровой валюты, как представляется, зависит от условий конкретной программы.

Федеральный закон № 258-ФЗ содержит специальное правило о возмещении вреда, причиненного в ходе эксперимента. Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица при реализации экспериментального правового режима, в том числе правомерными действиями участника режима, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в соответствии с гражданским законодательством (часть 4 статьи 5 Федерального закона № 258-ФЗ). Иной подход закреплен в Регламенте (ЕС) 2022/858 о пилотном режиме для рыночных инфраструктур на основе технологии распределенного реестра, по статье 7(6) которого ответственность оператора за утрату учтенного актива сохраняется, освобождение от ответственности допускается только при внешнем событии вне разумного контроля оператора, а размер ответственности ограничен рыночной стоимостью утраченного[280]. Для платформы

[279] Часть 3 статьи 1 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6726 . См. также пункт 2.2 мотивировочной части Постановления № 2-П.

[280] Regulation (EU) 2022/858 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on a pilot regime for market infrastructures based on distributed ledger technology [Электронный ресурс]. Art. 7(6) // Official Journal of the European

цифрового рубля специальных правил о возмещении вреда законодатель не установил, хотя платформа функционирует не в рамках эксперимента, а на постоянной основе, и каждый пользователь заключает с Банком России как оператором платформы договор счета цифрового рубля. Нормы главы 45 ГК РФ, в том числе статья 856 ГК РФ об ответственности банка за ненадлежащее совершение операций по счету, применяются к договору счета цифрового рубля, если иное не предусмотрено законодательством о национальной платежной системе (пункт 7 статьи 845 ГК РФ), однако ответственность оператора платформы за утрату учтенных цифровых рублей специальными нормами не определена.

Иностранным цифровым инструментом признается имущество, представляющее собой обязательственные и иные права, размещение которых осуществляется не в соответствии с российским правом в информационной системе, организованной не в соответствии с российским правом, за исключением иностранных ценных бумаг, относящихся в соответствии с личным законом обязанного лица к ценным бумагам (пункт 20 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах). Положения Закона о валютном регулировании, установленные в отношении цифровых валют, применяются также к иностранным цифровым инструментам (абзац третий части 2 статьи 1 Закона о валютном регулировании). С 1 сентября 2026 г. такое правило одновременно введено Федеральным законом № 283-ФЗ в одиннадцать федеральных законов, в том числе в Закон о Банке России, Закон о рынке ценных бумаг, Федеральный закон № 115-ФЗ, Закон о банкротстве и Закон об исполнительном производстве[281]. Собственного определения цифровой валюты в НК РФ нет, а для целей налогообложения цифровая валюта признается

Union. 2022. L 151. P. 1-33. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R0858 (дата обращения: 10.09.2026).

[281] Статья 6.1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492) (далее - Закон о банках и банковской деятельности); пункт 2.1 статьи 2 Закона о рынке ценных бумаг; часть восьмая статьи 3 Федерального закона № 115-ФЗ, часть восьмая статьи 1 Федерального закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562), часть вторая статьи 6.2 Закона о Банке России, часть вторая статьи 2 Закона о банкротстве, абзац третий части 2 статьи 1 Закона о валютном регулировании, часть 3.1 статьи 2 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232) (далее - Закон о рекламе), часть 4 статьи 1 Закона об исполнительном производстве, часть 3 статьи 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» (СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 904), часть 4 статьи 1 Закона об организованных торгах (в редакции статей 1, 4, 7-9, 11-15 и 17 Федерального закона № 283-ФЗ).

имуществом (абзац тридцать третий пункта 2 статьи 11 НК РФ). Понятие цифровой валюты по общему правилу пункта 1 статьи 11 НК РФ, как представляется, применяется в значении, установленном Законом о цифровых валютах. Правило о применении норм о цифровой валюте к иностранным цифровым инструментам в НК РФ не перенесено, а иностранные цифровые права упоминаются в НК РФ только как единица цены сделки с цифровой валютой (пункт 2 статьи 282.3 НК РФ). Нормы налогового права, следовательно, применяются к цифровой валюте и к иностранным цифровым инструментам неодинаково. Стейблкоин, то есть токен, стоимость которого привязана к курсу базового актива, как правило национальной валюты или золота, относится к цифровым валютам при отсутствии лица, обязанного перед каждым обладателем токена, а в ином случае может быть иностранным цифровым инструментом (пункты 1 и 20 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах). В результате стейблкоин, как представляется, облагается налогом по разным правилам в зависимости от того, обязан ли эмитент перед каждым обладателем токена, поскольку правила НК РФ о цифровой валюте охватывают только стейблкоин без обязанного лица. Такая несогласованность не оправдана, поскольку право требования к частному эмитенту деньгами токен не делает.

Незавершенность правового регулирования цифровой валюты проявляется и в самом Законе о цифровых валютах. В целях Закона о цифровых валютах цифровая валюта названа имуществом (пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах), однако режим, установленный названным законом для цифровой валюты, по содержанию, как представляется, является гражданско-правовым. Обладателем признается лицо, по цифровому счету обладателя которого внесена приходная запись, а цифровая валюта переходит к приобретателю с момента внесения такой записи (части 6 и 7 статьи 22 Закона о цифровых валютах). Передача, залог и иное обременение цифровой валюты совершаются только в информационной системе, в которой цифровая валюта учитывается (часть 3 статьи 30 Закона о цифровых валютах).

Кроме того, в Законе о цифровых валютах выделен беспоставочный иностранный цифровой инструмент, то есть иностранный цифровой инструмент, удостоверяющий исключительно денежные требования (пункт 21 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах). Обладатель такого инструмента вправе требовать только уплаты денежной суммы, но не передачи иного имущества, чем и объясняется термин «беспоставочный». Однако в других нормах названного закона такое понятие не используется. Особые правила для беспоставочных иностранных цифровых инструментов установлены только в законодательстве о финансовом рынке[282]. В законодательстве о налогах и сборах, в валютном законодательстве и в законодательстве о противодействии легализации преступных доходов такого понятия нет, и к беспоставочным инструментам там применяются те же правила, что и к иным иностранным цифровым инструментам. Между тем именно такие токены, как представляется, ближе всего к деньгам, поскольку удостоверяют исключительно денежные требования.

Запрет принимать в оплату, установленный частью 6 статьи 1 Закона о цифровых валютах, распространяется только на цифровые валюты и цифровые права, а иностранные цифровые инструменты в названной норме не упомянуты. Иностранные цифровые инструменты упомянуты в статье 1, помимо предмета регулирования (пункт 1 части 1), только в частях 4 и 5, которые распространяют на такие инструменты требования к организации обращения, учету и обращению цифровых валют и регулирование других федеральных законов. Запрет принимать цифровую валюту в оплату, как представляется, касается не порядка обращения цифровой валюты, а допустимости расчетов такой валютой. Следовательно, распространить запрет на иностранные цифровые инструменты на основании частей 4 и 5 статьи 1 Закона о цифровых валютах можно только путем расширительного толкования названных норм.

[282] С 1 сентября 2026 г. биржа вправе квалифицировать иностранные цифровые инструменты как беспоставочные (часть 6 статьи 9 Закона об организованных торгах), а правила о договоре репо с цифровыми валютами применяются и к беспоставочным иностранным цифровым инструментам (пункт 2 статьи 51.3 Закона о рынке ценных бумаг). Обе нормы введены Федеральным законом № 283-ФЗ.

Между тем Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя условие судебной защиты прав, связанных с обладанием цифровой валютой, указал, что реализация права на судебную защиту предполагает «четкое, недвусмысленное и согласованное нормативное регулирование»[283]. Думается, что требование определенности значимо и для запрета принимать иностранные цифровые инструменты в оплату. Для расчетов между резидентами пробел отчасти восполняет валютное законодательство. Цифровые валюты отнесены к валютным ценностям (пункт 5 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании), и в силу абзаца третьего части 2 статьи 1 названного закона валютными ценностями, как представляется, являются и иностранные цифровые инструменты. Использование валютных ценностей в качестве средства платежа между резидентами является валютной операцией (подпункт «а» пункта 9 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании). Валютные операции между резидентами запрещены, кроме операций с цифровыми валютами и цифровыми правами, являющимися валютными ценностями, которые осуществляются в соответствии с законодательством о цифровых валютах и цифровых правах (пункт 35 части 1 статьи 9 Закона о валютном регулировании).

Следовательно, в расчетах резидентами запрет принимать иностранный цифровой инструмент в оплату может быть обоснован частью 1 статьи 9 Закона о валютном регулировании, только если такая оплата не соответствует законодательству о цифровых валютах. Однако исключение, предусмотренное пунктом 35 части 1 статьи 9 Закона о валютном регулировании, отсылает к законодательству о цифровых валютах, а прямого запрета принимать в оплату иностранные цифровые инструменты такое законодательство не содержит. В результате запрет, как представляется, выводится не из специального закона, а из цепочки отсылок валютного законодательства и требованию определенности не отвечает.

[283] Постановление № 2-П, пункт 5 мотивировочной части.

Для налогообложения и валютного контроля значима, как представляется, прежде всего функция объекта, а не вид объекта гражданских прав. Токен, который используется вместо денег для расчетов и сбережений, затрагивает исключительный статус рубля, поскольку введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются (часть 1 статьи 75 Конституции Российской Федерации). Такой токен должен облагаться налогом и подлежать валютному контролю по тем же правилам, что и цифровая валюта, независимо от того, есть ли у обладателя право требования к лицу, выпустившему токен. Для совершенствования законодательства предлагаются три изменения.

Во-первых, иностранные цифровые инструменты следует прямо назвать в четырех нормах статьи 1 Закона о цифровых валютах, которые в действующей редакции касаются только цифровых валют и цифровых прав. Речь идет о запрете принимать такие объекты в оплату (часть 6), об исключениях из такого запрета, в том числе для внешнеторговых договоров (часть 7), о запрете распространять информацию, в том числе с использованием рекламы, об использовании таких объектов в качестве средства платежа (часть 9) и об исключениях из такого запрета (часть 10)[284]. Во-вторых, правило об иностранных цифровых инструментах следует ввести в НК РФ. Законодательство о налогах и сборах состоит из НК РФ и принятых в соответствии с НК РФ федеральных законов о налогах, сборах, страховых взносах (пункт 1 статьи 1 НК РФ). Следовательно, часть 5 статьи 1 Закона о цифровых валютах, распространяющая на иностранные цифровые инструменты регулирование других федеральных законов, налоговых последствий, как представляется, не влечет. Статью 11 НК РФ следует дополнить правилом о применении норм о цифровой валюте к беспоставочным иностранным цифровым инструментам. Тогда на стейблкоин, удостоверяющий исключительно денежное требование к эмитенту, распространятся пункт 2 статьи 11, подпункт 28 пункта 2 статьи 146, подпункт 13 пункта 6 статьи 210 и статья 282.3 НК РФ. В статье 282.3

[284] С 1 сентября 2026 г. положения Закона о рекламе, установленные в отношении цифровых валют, применяются и к иностранным цифровым инструментам (часть 3.1 статьи 2 Закона о рекламе). Запрет части 9 статьи 1 Закона о цифровых валютах иностранные цифровые инструменты по-прежнему не называет.

НК РФ прежний термин «иностранные цифровые права, курс которых привязан к курсу иностранной валюты» следует заменить термином «иностранные цифровые инструменты, курс которых привязан к курсу иностранной валюты». В результате правила о цифровой валюте будут применяться ко всем стейблкоинам независимо от того, обязан ли эмитент перед каждым обладателем токена. В-третьих, иностранные цифровые инструменты следует прямо включить в перечень валютных ценностей (пункт 5 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании), а не относить к валютным ценностям через общую отсылку абзаца третьего части 2 статьи 1 названного закона.

Для цифровых финансовых активов, удостоверяющих денежные требования, граница в Законе о валютном регулировании проведена по валюте требования. Такие активы с требованиями в иностранной валюте признаются валютными ценностями, а с требованиями в рублях валютными ценностями не являются (подпункты «а» и «б» пункта 4.1 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании). К иностранным цифровым инструментам такая граница, как представляется, применяться не должна. Иностранные цифровые инструменты размещаются не в соответствии с российским правом (пункт 20 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах) и потому ближе к внешним ценным бумагам, которые могут быть валютными ценностями и при номинале в рублях. Внутренней ценной бумагой эмиссионная ценная бумага с номиналом в рублях считается только при условии, что выпуск зарегистрирован в Российской Федерации (подпункт «а» пункта 3 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании), а все ценные бумаги, не относящиеся к внутренним, являются внешними (пункт 4 части 1 статьи 1). Следовательно, эмиссионная ценная бумага с номиналом в рублях, выпуск которой в Российской Федерации не зарегистрирован, относится к внешним ценным бумагам и является валютной ценностью (пункт 5 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании).

По мнению Е.А. Суханова, цифровые права «являются не новым видом имущественных прав, а только цифровой формой обязательственных и иных прав», которые прямо названы в таком качестве законом (пункт 1 статьи 141.1 ГК РФ).

Цифровыми становятся не сами субъективные права, а только формы закрепления прав и обусловленные цифровой формой способы осуществления прав и распоряжения правами[285]. С криптовалютами, как пишет ученый, «дело обстоит несколько иначе, чем с остальным цифровым имуществом»[286]. По правовому режиму криптовалюта не может приравниваться к безналичным денежным средствам, так как безналичные денежные средства «юридически представляют собой разрешенные законом формы безналичных (денежных) расчетов». Безналичные денежные средства, по мнению ученого, государство контролирует через контроль за банковской системой, и монополии государства на денежную эмиссию такие средства не нарушают. Криптовалюты же по сути являются частными деньгами, и бесконтрольный свободный выпуск таких платежных средств частными лицами, по мнению ученого, «неизбежно ведет к вытеснению из имущественного оборота эмитированных государством денег»[287]. Монополию на денежную эмиссию закрепляет часть 1 статьи 75 Конституции Российской Федерации, по которой денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации.

Иначе обстоит дело с цифровым рублем. Если понимать статью 128 ГК РФ буквально, цифровой рубль является подвидом безналичных денежных средств, которые входят в имущественные права. Е.А. Суханов считает безналичные денежные средства «не особыми деньгами, а способом расчетов без использования наличных денег, или правами требования клиентов к банкам и иным кредитным организациям»[288]. Иного подхода придерживается В.В. Пшеничников, относящий цифровые валюты центральных банков к электронной форме денег, особенность которых заключается в использовании технологии распределенного реестра[289]. Позиция А.А. Недрова,

[285] Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 25-26.
[286] Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества». С. 23.
[287] Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества». С. 24-25.
[288] Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества». С. 23.
[289] Пшеничников В. В. Цифровой рубль и его противоречивый статус в трактовках экономистов и юристов [Электронный ресурс] // Cifra. Экономика. 2023. № 2 (2). URL: https://economics.cifra.science/archive/2-2-2023-august/10.23670/ECNMS.2023.2.10 (дата обращения: 24.03.2026).

квалифицирующего цифровой рубль как узкоспециализированный подвид безналичных денежных средств[290], близка, как представляется, к позиции Е.А. Суханова, а не В.В. Пшеничникова.

О.Н. Горбунова и Е.Р. Денисов обосновали подход, при котором деньги в различных формах рассматриваются как самостоятельный объект финансовых правоотношений. Авторы справедливо отмечают, что отсутствие в статье 75 Конституции Российской Федерации закрытого перечня форм национальной валюты «говорит, однако, не только о том, что исключительно наличные и безналичные рубли являются деньгами в Российской Федерации, но [и о том, что] любые другие формы рублей будут являться таковыми»[291]. Из этого авторы делают закономерный вывод, что «коль скоро деньги имеют публично-правовую природу, они являются объектом финансовых правоотношений. Обслуживая гражданский оборот, они выполняют свои функции в силу властного предписания быть принятыми в обмен на товары и услуги, их формы, функции и область применения определены государством»[292].

Тезис О.Н. Горбуновой и Е.Р. Денисова об однородности денежной массы независимо от формы, сформулированный в 2007 г., представляется методологически точным и применимым к цифровому рублю[293]. Нового объекта гражданских прав цифровая валюта центрального банка не образует. Такая валюта является новой формой тех же денег как носителя информации о стоимости. Однако самостоятельным объектом финансового правоотношения такая валюта выступает, поскольку требование обладателя обращено здесь непосредственно к эмитенту, а не к кредитной организации. Самостоятельность объекта означает особую форму денег, а не новый вид денег.

---

[290] Недров А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2026. С. 12, 22.

[291] Горбунова О. Н., Денисов Е. Р. Некоторые вопросы финансово-правового регулирования денег и денежного оборота в Российской Федерации // Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. С. 251.

[292] Горбунова О. Н., Денисов Е. Р. Некоторые вопросы финансово-правового регулирования денег и денежного оборота в Российской Федерации // Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. С. 256-257.

[293] Горбунова О. Н., Денисов Е. Р. Некоторые вопросы финансово-правового регулирования денег и денежного оборота в Российской Федерации // Финансовое право. 2007. № 8. С. 2-5.

Отнесение цифрового рубля к безналичным денежным средствам Федеральным законом № 339-ФЗ согласуется с таким подходом. Формы и область применения цифрового рубля, как и других форм денег, определены государством в нормах финансового законодательства, которыми ФЗ №340 дополнил Закон о Банке России и Закон о национальной платежной системе. Оператор платформы учитывает цифровые рубли записью, отражающей размер обязательств оператора перед пользователями платформы, а перевод цифровых рублей осуществляется исключительно в рамках платформы цифрового рубля (части 1 и 3 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе). Материального носителя, в отличие от банкнот и монеты, цифровой рубль не имеет.

Иначе решается вопрос о виде имущества, к которому относится цифровая валюта. В Постановлении № 2-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что определение цифровой валюты не позволяет отнести цифровую валюту «ни к одному из традиционно признаваемых видов имущества». Цифровая валюта не относится к вещам, поскольку не имеет «осязаемого воплощения». Цифровая валюта не относится ни к безналичным денежным средствам, ни к бездокументарным ценным бумагам, так как не дает обладателю права требования к какому-либо субъекту, и не относится к цифровым правам, поскольку не названа в таком качестве в законе (пункт 1 статьи 141.1 ГК РФ). Тем не менее имущественного содержания цифровая валюта не теряет. Правоотношения, связанные с цифровой валютой, Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает как отношения собственности в конституционно-правовом смысле (части 1 и 2 статьи 35 Конституции Российской Федерации), а цифровую валюту как имущество, оборотоспособность которого ограничена законом по смыслу пункта 2 статьи 129 ГК РФ[294].

Е.А. Суханов обоснованно заключает, что эмиссия и использование криптовалюты «должны находиться под публично-правовым контролем», что с позиций гражданского права означает ограничение оборотоспособности

[294] Постановление № 2-П, пункты 2.1, 2.2 и 3 мотивировочной части.

криптовалюты или изъятие криптовалюты из оборота[295]. Борьба с «отмыванием» незаконно полученных доходов и с уклонением от уплаты налогов с помощью сделок с расчетами в криптовалюте, по мнению ученого, «составляет публично-правовую задачу, разрешение которой находится за пределами сферы частного права и недостижимо с помощью частноправовых способов»[296].

Е.А. Суханов отмечает, что «эмиссия цифровых рублей допустима лишь со стороны самого государства в лице Центрального банка, но не частных лиц; при этом условии цифровой рубль юридически может быть приравнен к безналичным расчетам, исполняя роль их особой формы (или разновидности безналичных денег), но не может стать особым видом денег (валюты)»[297]. Такая позиция Е.А. Суханова служит доктринальной основой для последовательного публично-правового подхода к исследованию цифрового рубля. Особенно важно, что необходимость публично-правового регулирования обосновал представитель цивилистической доктрины. Автор согласен с Е.А. Сухановым в том, что цифровой рубль не является особым видом денег (валюты). Однако цифровой рубль, как представляется, является не особой формой безналичных расчетов, а формой самого рубля, поскольку обязательство перед обладателем цифровых рублей несет не кредитная организация, а Банк России как оператор платформы цифрового рубля.

Гражданско-правовая квалификация и финансово-правовой режим цифрового рубля образуют разные уровни анализа. Гражданско-правовая квалификация определяет место цифрового рубля в системе объектов прав и опирается прежде всего на статьи 128, 140, 861 и 862 ГК РФ. Финансово-правовой режим отвечает на вопросы о том, кто вправе осуществлять эмиссию, на каких условиях обеспечивается доступ к платформе, каковы контрольные полномочия публичной власти и как цифровой рубль используется в бюджетных, налоговых и валютных правоотношениях. Для настоящего исследования основным является

[295] Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества». С. 26.
[296] Там же. С. 26-27.
[297] Там же. С. 25.

финансово-правовой уровень, а гражданско-правовой рассматривается только в той мере, в какой гражданско-правовая квалификация определяет содержание публично-правового режима.

Квалификация цифрового рубля в системе объектов гражданских прав остается спорной. С одной стороны, Банк России называет цифровой рубль своим обязательством, оговаривая, что использует такой термин в экономическом смысле, а цифровые рубли отражаются на пассивной стороне баланса Банка России, который одновременно является оператором платформы[298]. С другой стороны, Федеральным законом № 339-ФЗ статья 128 ГК РФ дополнена словами «в том числе цифровые рубли» после слов «безналичные денежные средства», и по категории объекта цифровой рубль отнесен к безналичным денежным средствам. Однако тем же законом цифровой рубль обособлен по расчетному механизму, поскольку расчеты цифровыми рублями исключены из общих правил о безналичных расчетах и осуществляются путем перевода цифровых рублей Банком России в рамках платформы цифрового рубля (пункты 3 и 4 статьи 861, пункт 1 статьи 862 ГК РФ). В результате по составу объектов гражданских прав цифровой рубль является разновидностью безналичных денежных средств, а расчеты цифровыми рублями образуют самостоятельный вид расчетов, не сводимый к банковскому переводу.

От иных безналичных денежных средств цифровой рубль отличает и положение обязанного лица. Оператор платформы не может использовать цифровые рубли, учитываемые на счетах цифрового рубля пользователей, а кредитование счетов цифрового рубля и начисление процентов на остаток не допускаются (части 3 и 4 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). Средства пользователей ресурсом обязанного лица не становятся, поэтому цифровой рубль выведен из кредитного оборота, в котором обращаются иные безналичные денежные средства. Для иных безналичных денежных средств действует обратное общее правило. Банк может использовать денежные средства

[298] Концепция цифрового рубля. Разделы IV, V. Термин «обязательство Банка России» Концепция использует в экономическом контексте.

на счете, гарантируя клиенту право беспрепятственно распоряжаться такими средствами (пункт 2 статьи 845 ГК РФ). К договору счета цифрового рубля нормы главы 45 ГК РФ применяются, если законодательством о национальной платежной системе не предусмотрено иное (пункт 7 статьи 845 ГК РФ), и такое иное правило установлено частями 3 и 4 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе. С денежными средствами на счетах в кредитных организациях цифровые рубли объединяет способ учета, которым выступает банковский счет, поскольку счет цифрового рубля является отдельным видом банковского счета (часть 2 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе).

Отнесение цифровых рублей к безналичным денежным средствам представляет собой, как думается, прием юридической техники, который позволил применять к цифровому рублю нормы о безналичных денежных средствах, кроме общих правил о безналичных расчетах, и не создавать для цифрового рубля отдельный правовой режим. Различие по обязанному лицу названный прием не устраняет, поскольку по денежным средствам на счете в кредитной организации обязана кредитная организация, а по цифровым рублям Банк России.

Признаки цифровой валюты центрального банка, принятые в работе, применительно к цифровому рублю подтверждаются нормами законов и положениями Концепции цифрового рубля. Эмитентом цифрового рубля Банк России назван в Концепции цифрового рубля, тогда как в законе используется понятие формирования остатка цифровых рублей оператором платформы, которым является Банк России (статьи 82.10 и 82.11 Закона о Банке России). Обязательство перед каждым обладателем несет непосредственно центральный банк, поскольку запись на платформе отражает размер обязательств оператора платформы перед пользователями (часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе). Пользователем платформы может быть физическое лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие доступ к платформе цифрового рубля (пункт 40 статьи 3 Закона о национальной платежной системе), в том числе нерезидент (абзац второй части 1 статьи 13 Закона о валютном регулировании). По такому признаку цифровой рубль отличается от денежных средств на счетах

в Банке России, которые имеют кредитные организации, Федеральное казначейство и небольшой круг иных лиц (подраздел 1.1 доклада для общественных консультаций «Цифровой рубль»), поскольку по общему правилу Банк России не вправе осуществлять банковские операции с физическими лицами и с юридическими лицами, не имеющими лицензии на осуществление банковских операций (пункт 1 статьи 49 Закона о Банке России). Счет цифрового рубля открывается на платформе цифрового рубля (часть 1 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе), а ведение счетов и учет информации об остатке и операциях обеспечивает оператор платформы (пункты 1 и 3 части 11 статьи 30.7 того же закона). Наконец, цифровой рубль выражен в рублях, собственного курса к рублю не имеет, а зачисление цифровых рублей происходит в результате списания безналичных денежных средств в соотношении один к одному (раздел IV Концепции цифрового рубля). Только совокупность названных признаков отграничивает цифровую валюту центрального банка от наличных денег и от безналичных денежных средств на счетах в кредитных организациях.

Г.Т. Папаскуа обоснованно квалифицирует цифровые валюты как «разновидность финансовых инструментов», поскольку цифровые валюты обращаются на финансовом рынке, имеют рыночную цену, используются преимущественно для получения прибыли, а вложения в цифровые валюты сопряжены с рисками[299]. Такая квалификация не распространяется на цифровой рубль, который не выпускается с инвестиционной целью, по замыслу Банка России является формой национальной валюты и потому не имеет ни рыночной цены по отношению к рублю, ни риска изменения номинальной стоимости.

А.А. Недров характеризует цифровой рубль по классификации Банка международных расчетов как розничную гибридную централизованную цифровую валюту центрального банка на основе токена, имеющую также признаки цифровой валюты центрального банка с доступом на основе учетной записи. Для целей правового регулирования такая классификация, по справедливому

[299] Папаскуа Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики : дис. ... канд. юрид. наук. С. 16.

замечанию А.А. Недрова, подходит не в полной мере, поскольку включает неправовой критерий, основанный на технологии платформы, и не учитывает способ осуществления платежей, возможность начисления доходности и допустимость целевого контроля[300]. Кроме того, классификация Банка международных расчетов описывает техническое устройство цифровой валюты центрального банка, но не финансовые правоотношения, которые возникают по поводу такой валюты.

Цифровой рубль, цифровая валюта центрального банка иностранного государства и цифровая валюта имеют различную правовую природу. Цифровая валюта центрального банка иностранного государства представляет собой право требования к выпустившему такую валюту центральному банку и как иностранная валюта относится к валютным ценностям (статья 141 ГК РФ, пункт 5 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании). Цифровая валюта относится к иному имуществу, оборот которого целесообразно ограничивать в целях финансовой безопасности, что соответствует действующему регулированию (пункт 2 статьи 129 ГК РФ, часть 6 статьи 1 Закона о цифровых валютах).

Цифровую валюту центрального банка отграничивает от цифровой валюты и стейблкоина не технология, а совокупность трех критериев, к которым относятся (1) субъект эмиссии; (2) наличие лица, обязанного перед каждым обладателем объекта; (3) признание объекта формой официальной денежной единицы государства.

Иной подход к разграничению частных и публичных денежных выпусков предлагает И.Б. Лагутин. По мнению ученого, правовую природу региональных и местных денежных знаков правильнее определять через назначение выпуска, а не через лицо, осуществляющее выпуск, и поскольку большинство таких денежных знаков вводилось для достижения публичных целей, региональные валюты имеют публичную природу[301]. Для цифровой валюты центрального банка

[300] Недров А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков : дис. ... канд. юрид. наук. С. 62-63.
[301] Лагутин И. Б. Правовая природа региональных валют: теория, история и практика денежного обращения в отдельных странах мира. С. 71.

оба подхода приводят к одному выводу, поскольку такую валюту выпускает публичный субъект в публичных целях. Вместе с тем региональные денежные знаки при публичном назначении формой денежной единицы государства не являются, и пример таких знаков показывает, что назначение выпуска может учитываться наряду с названными критериями, но третьего критерия не заменяет.

Каждый из названных критериев в отдельности разграничения не дает. Обязанность перед обладателями несет и частное лицо, например оператор электронных денежных средств. Эмитент стейблкоина может быть обязан выкупить токен по номинальной стоимости у каждого обладателя, но условия выпуска могут ограничить такую обязанность кругом определенных лиц. Так, эмитент USDT выпускает и погашает токен только для верифицированных клиентов, право требовать погашения по курсу один доллар США за токен является личным договорным правом такого клиента, а остальные обладатели приобретают токен у третьих лиц[302]. Обеспеченность резервами критерием не служит, поскольку резервами располагает и частный эмитент стейблкоина. Недостаточно и сочетания первых двух критериев, поскольку публичный субъект может выпускать объекты, которые формой денежной единицы государства не являются. Эмитентом цифровых прав может быть в том числе федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления, который несет обязательства перед обладателями цифровых прав (пункт 26 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах). Отграничить цифровую валюту центрального банка от таких объектов позволяет третий критерий, который опирается на нормы, признающие рубль денежной единицей Российской Федерации (часть 1 статьи 75 Конституции Российской Федерации, часть первая статьи 27 Закона о Банке России). Третий критерий действует и для цифровых валют центральных банков иностранных государств, поскольку цифровая форма национальной денежной единицы иностранного

[302] Terms of Service [Электронный ресурс] / Tether International, S.A. de C.V. 2026. 26 Feb. Sec. 4.1. URL: https://tether.to/en/legal/ (дата обращения: 21.09.2026). Минимальная сумма выпуска и погашения составляет 100 000 долларов США. См.: Fees [Электронный ресурс] / Tether. URL: https://tether.to/en/fees/ (дата обращения: 21.09.2026).

государства признается иностранной валютой, если такая денежная единица находится в обращении и является законным средством платежа на территории соответствующего иностранного государства (подпункт «б» пункта 2 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании). Цифровая валюта денежной единицей не является (пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах). Не является денежной единицей и стейблкоин, поскольку привязка курса токена

к валюте государства не делает токен формой такой валюты.

С 1 сентября 2026 г. признание цифровой валюты имуществом, прежде фрагментарное (статьи 17, 19, 21 и 22 Закона о ЦФА, Федеральный закон № 418-ФЗ), сложилось в трехуровневую модель. Первый уровень образует определение пункта 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах, к которому отсылают Закон о банкротстве и Федеральный закон № 115-ФЗ[303]. Второй уровень образуют нормы отдельных актов, по которым цифровая валюта признается имуществом только для целей соответствующего акта. После 1 сентября 2026 г. такие нормы сохранились в пункте 2 статьи 11 НК РФ и в части 10 статьи 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Третий уровень образует позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в Постановлении № 2-П и допускающая квалификацию цифровой валюты как иного имущества, ограниченного в обороте.

Правила об иностранных цифровых инструментах, которые предлагается ввести в НК РФ, Закон о цифровых валютах и Закон о валютном регулировании, понятие цифровой валюты не меняют. Основой таких правил служит Постановление № 2-П, которым за обладанием цифровой валютой признано конкретное имущественное содержание. Режим цифровой валюты как объекта налогообложения, взыскания, финансового мониторинга и валютного контроля установлен нормами НК РФ, Закона об исполнительном производстве, Федерального закона № 115-ФЗ и Закона о валютном регулировании

[303] Часть вторая статьи 2 Закона о банкротстве (в редакции статьи 11 Федерального закона № 283-ФЗ), часть седьмая статьи 3 Федерального закона № 115-ФЗ (введена статьей 7 Федерального закона № 283-ФЗ).

и от гражданско-правовой квалификации не зависит, тогда как включение цифровой валюты в статью 128 ГК РФ остается вопросом гражданского права.

Законодательного определения цифрового рубля нет. Ни статья 128 ГК РФ, ни нормы о формировании остатка цифровых рублей оператором платформы (статья 82.11 Закона о Банке России, часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе) не называют цифровой рубль формой рубля, и понятие эмиссии применительно к цифровым рублям в названных актах не используется.

В отличие от цифровой валюты центрального банка иностранного государства, которая прямо отнесена к иностранной валюте (подпункт «б» пункта 2 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании), цифровые рубли, как представляется, охватываются понятием валюты Российской Федерации только постольку, поскольку счет цифрового рубля признан отдельным видом банковского счета (часть 2 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). Цифровая валюта центрального банка иностранного государства как право требования к иностранному центральному банку, размещаемое не в соответствии с российским правом в информационной системе, организованной не в соответствии с российским правом, по буквальному смыслу подпадает и под определение иностранного цифрового инструмента (пункт 20 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах). В результате к одному объекту одновременно применимы правила об иностранной валюте и распространенные на иностранные цифровые инструменты правила о цифровых валютах (абзац третий части 2 статьи 1 Закона о валютном регулировании).

В целях единообразного применения норм финансового права предлагается дополнить статью 27 Закона о Банке России частью третьей в редакции «Цифровой рубль является цифровой формой рубля, эмиссию которой осуществляет Банк России и обязательство по которой перед каждым обладателем несет Банк России». Пункт 1 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании предлагается дополнить подпунктом «в» в редакции «в) цифровые рубли», а пункт 20 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах после слов «к ценным бумагам»

дополнить словами «, а также иностранной валюты в значении Федерального закона “О валютном регулировании и валютном контроле”». Предлагаемая часть третья статьи 27 Закона о Банке России закрепит в законе все три критерия, по которым цифровая валюта центрального банка отграничивается от цифровой валюты и стейблкоина. Подпункт «в» пункта 1 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании прямо отнесет цифровые рубли к валюте Российской Федерации, а дополнение пункта 20 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах исключит двойную квалификацию цифровой валюты центрального банка иностранного государства, поскольку такая валюта останется иностранной валютой и под понятие иностранного цифрового инструмента не подпадет.

Гражданско-правовая квалификация определяет место цифровой валюты в системе объектов прав, тогда как оборот цифровой валюты регулирует финансовое право, которое устанавливает, кто допускается на рынок, через какие каналы цифровую валюту можно приобрести и продать, как облагаются операции с цифровой валютой и как контролируются участники оборота. Законом о цифровых валютах и Федеральным законом № 283-ФЗ введены институты, которых раньше не было, в том числе реестровый допуск цифровых депозитариев и организаций, осуществляющих обмен цифровых валют, требования к профессиональным участникам рынка, тестирование физических лиц, специальные процедуры банкротства инфраструктурных организаций и порядок обращения взыскания на цифровые валюты в исполнительном производстве[304]. Одновременно на организации, осуществляющие обмен цифровых валют, и на цифровые депозитарии распространено действие Федерального закона № 115-ФЗ (статья 5 названного закона в редакции Федерального закона № 283-ФЗ). Для таких организаций установлены и требования к размеру собственных средств. У организации, осуществляющей обмен цифровых валют и не являющейся кредитной организацией, собственные средства должны составлять не менее 15 млн рублей, а для цифрового депозитария минимальный размер собственных

[304] Статьи 14-18, 32, 40-50 и 52 Закона о цифровых валютах; статьи 201.18-201.21 Закона о банкротстве и статьи 8.2, 73.6, 73.7 и 82.1 Закона об исполнительном производстве (введены Федеральным законом № 283-ФЗ).

средств и норматив достаточности капитала вправе установить Банк России (части 4 и 5 статьи 43, часть 3 статьи 44 Закона о цифровых валютах). Соблюдение таких публично-правовых требований, как представляется, является условием оборота цифровой валюты, а не внешним ограничением оборота.

Сравнительно-правовой материал подтверждает такой вывод. В Лихтенштейне статус токена и надзор за оборотом токенов изначально были установлены одним законом (TVTG)[305], и финансово-правовые нормы, как представляется, стали необходимой частью такого закона. С 1 февраля 2025 г. надзор за оборотом основной массы криптоактивов в Лихтенштейне определяется MiCAR, и публично-правовой надзор за оборотом токенов сохранен.

Цифровая валюта выступает объектом налоговых и валютных правоотношений, а также правоотношений в сфере противодействия легализации преступных доходов. Так, налоговая база по операциям с цифровой валютой определяется отдельно от общей налоговой базы (пункт 1 статьи 282.3 НК РФ).

Итог развития регулирования цифровой валюты согласуется с законом конструкционной экономии, который описал А.А. Пиленко. Цифровую валюту предлагали квалифицировать как деньги, как денежный суррогат и как право требования, и ни одна из таких квалификаций не подошла. Самостоятельной правовой конструкции тем не менее не потребовалось, поскольку цифровую валюту удалось отнести к давно известной правовой категории имущества. Новым в Законе о цифровых валютах стал не вид объекта, а публично-правовой режим оборота цифровой валюты.

Из цифровой валюты центрального банка, цифровой валюты и стейблкоина деньгами как объектом финансовых правоотношений является только цифровая валюта центрального банка. В Российской Федерации цифровой рубль является деньгами, которые вводятся в оборот на основании государственного властного веления, закрепленного в нормах финансового законодательства, выражены в российских рублях, не имеют материального носителя и обращаются

[305] См.: Bericht und Antrag der Regierung... Nr. 54/2019. S. 184-211.

на платформе цифрового рубля, организованной Банком России. Цифровой рубль входит в денежную систему, под которой в работе понимается установленная законом организация денежного обращения, включающая денежную единицу, порядок эмиссии и формы расчетов (часть 1 статьи 75 Конституции Российской Федерации, статья 27 Закона о Банке России, абзац второй пункта 1 статьи 140 ГК РФ). Цифровая валюта и стейблкоины в денежную систему не входят и выступают объектом финансовых правоотношений как иное имущество.

Глава 2. Цифровые валюты центральных банков в структуре финансовых правоотношений

§ 1. Цифровая валюта центрального банка в системе финансовых правоотношений и ее влияние на функционирование банковской системы

Предмет финансового права в классической теории описывается через финансовую деятельность государства и муниципальных образований по формированию, распределению (перераспределению) и использованию централизованных и децентрализованных фондов денежных средств, однако с появлением цифровых валют центральных банков предмет финансового права выходит за пределы такого классического описания. Е.Ю. Грачева связывает расширение предмета финансового права с информатизацией и относит к новым отношениям, которые охватывает предмет отрасли, в том числе отношения по функционированию цифрового рубля. Внедрение цифровых технологий, по мнению ученого, сопровождается также появлением новых институтов и подотраслей финансового права[306]. Т.Э. Рождественская в предисловии к монографии И.О. Антропцевой также связывает расширение предмета финансового права с появлением новых и изменением существующих общественных отношений и отмечает, что такое расширение сказывается и на контроле за движением финансовых потоков[307], а С.С. Тропская относит к финансовому праву и нормы, регулирующие отношения в сфере частных финансов, если регулирование императивно, а отношения носят денежный характер[308].

Место цифрового рубля в системе финансового права, как представляется, можно определить на основе учения Е.Ю. Грачевой о внешней и внутренней системности отрасли, согласно которому к системообразующим факторам относятся предмет и цели правового регулирования[309]. Поскольку отношения

---

[306] Грачева Е. Ю. Основные тенденции развития финансового права как публично-правовой отрасли // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 7 (119). С. 17-27.

[307] Рождественская Т. Э. Предисловие // Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля. М. : Статут, 2024.

[308] Тропская С. С. К вопросу о предмете современного финансового права // Финансовое право. 2013. № 12. С. 7-12.

[309] Грачева Е. Ю. Системность и система финансового права как публично-правовой отрасли // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 6 (130). С. 27-28.

по поводу цифрового рубля входят в предмет финансового права, цифровой рубль с позиций такого учения следует рассматривать как новый объект в существующей системе отрасли. Такой вывод соответствует и подходу И.Б. Лагутина к системе финансового права, согласно которому денежные отношения являются первичными, поскольку без денег невозможны бюджетные, налоговые, страховые и иные публичные финансовые отношения. В указанной связи И.Б. Лагутин ставит денежное право (право денежного обращения) в начало Особенной части финансового права и относит к структуре такого института в том числе наличное и безналичное обращение национальной валюты, правовые основы национальной платежной системы, валютное регулирование и валютный контроль, а также контроль в системе денежного обращения[310]. Следовательно, в системе финансового права, предложенной И.Б. Лагутиным, цифровой рубль как форма национальной валюты, обращение которой организовано на платформе в рамках национальной платежной системы, относится к существующему институту денежного права, и выделять для цифрового рубля новый институт не требуется. Публично-правовое начало присутствует в правоотношениях по поводу цифрового рубля не в равной мере, поскольку эмиссионные, бюджетные, налоговые, валютные и контрольно-надзорные правоотношения публично-правовые по своей природе, тогда как в расчетных правоотношениях организация расчетов Банком России как оператором платформы сочетается с договорной конструкцией счета цифрового рубля[311], а в правоотношениях по защите нарушенных прав публично-правовые средства сочетаются с гражданско-правовыми.

Вопрос состоит не в том, где проходит граница применения гражданского законодательства (пункт 3 статьи 2 ГК РФ), а в том, как публично-правовое регулирование и частное право взаимодействуют там, где отрасли пересекаются. О.О. Чередниченко различает модели разделения, замещения и взаимного дополнения и описывает такие модели применительно к соотношению

[310] Лагутин И. Б. К вопросу о системе финансового права: классический и инновационный подходы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 7 (119). С. 31-32.
[311] Часть 2 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе; пункт 7 статьи 845 ГК РФ.

регулирования рынков в праве ЕС и национального частного права. При разделении, по описанию О.О. Чередниченко, публично-правовое регулирование и частное право в основном независимы друг от друга и при установлении требований, и при принудительном исполнении таких требований. При замещении публично-правовые требования фактически вытесняют нормы частного права, а публичное принуждение практически заменяет частноправовую защиту. При взаимном дополнении гражданский суд учитывает публично-правовые требования и связанные с такими требованиями решения надзорных органов, но вправе дать собственную оценку и возложить на поднадзорное лицо более строгую обязанность, а потерпевший может опираться на выводы надзорного органа в своем иске о возмещении вреда[312].

Названные модели, как представляется, применимы и к правоотношениям по поводу цифрового рубля, хотя в Российской Федерации публично-правовое регулирование и частное право не распределены, как в ЕС, между наднациональным и национальным уровнями. В отечественной литературе тот же вопрос Е.Л. Васянина и М.Д. Шапсугова рассматривают в категориях публично-правовых и частноправовых начал механизма регулирования денежной эмиссии[313].

Расширение предмета финансового права связано с конституционным закреплением единой системы публичной власти, понятие которой раскрыто в части 1 статьи 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»[314] (далее – ФЗ №394), и с цифровизацией финансовой сферы, в результате которой в предмет отрасли вошли отношения по поводу цифровых финансовых активов, цифровой валюты, цифровой валюты центрального банка и операций в распределенных реестрах. Вслед за таким закреплением в доктрине финансового права акцент сместился с финансовой деятельности государства на публичную финансовую деятельность,

[312] Cherednychenko O.O. Market Regulation and Private Law: The Quest for Reconciliation in European Private Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2026. (Cambridge Studies in European Law and Policy). P. 71-72, 237-238.
[313] Васянина Е. Л., Шапсугова М. Д. Публично-правовые и частноправовые начала в механизме регулирования денежной эмиссии // Банковское право. 2021. № 5. С. 28-37.
[314] Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039

которую осуществляет вся система органов публичной власти[315]. Банк России в определении единой системы публичной власти не назван, и отнесение Банка России к такой системе остается доктринальной квалификацией особого статуса Банка России, закрепленного частью 2 статьи 75 Конституции Российской Федерации. Так, И.О. Антропцева считает исключение Банка России из единой системы публичной власти необоснованным, поскольку Банк России осуществляет публичные полномочия, и предлагает изменить определение единой системы публичной власти в ФЗ №394[316].

Развитие цифрового рубля Банк России связывает и с задачей обеспечения финансового, в том числе платежного, суверенитета, указывая, что цифровой рубль «позволит обеспечить платежный суверенитет государства, станет новым механизмом трансграничных расчетов»[317]. Роль цифрового рубля как элемента устойчивости национальной платежной системы из такой оценки прямо не следует и, как представляется, нуждается в самостоятельном обосновании.

Цифровая валюта и цифровые валюты центральных банков как новые объекты финансовых правоотношений

Появление децентрализованной криптовалюты, а затем цифровой валюты центрального банка привело к формированию двух новых объектов финансовых правоотношений с разными правовыми режимами. Формирование новых объектов правового регулирования, таких как цифровые активы, М.В. Вожагов связывает с развитием цифровой экономики[318]. И.И. Кучеров относит криптовалюту к альтернативным платежным средствам и вместе с тем поддерживает создание цифрового рубля как цифровой формы законного платежного средства[319].

---

[315] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416; Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля. Гл. I, § 1.1.

[316] Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля. Гл. II, § 2.1.

[317] Основные направления развития финансовых технологий на период 2025-2027 годов / Банк России. 2024. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/166399/onfintech_2025-27.pdf (дата обращения: 04.02.2026). Подразделы 3.2 и 3.2.2.

[318] Вожагов М. В. Правовое регулирование финансового контроля за оборотом цифровых активов в России и зарубежных государствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 3.

[319] См.: Кучеров И. И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта. С. 3-8.

С введением цифровой валюты центрального банка меняются все три элемента финансового правоотношения (объект, субъектный состав и содержание), и прежде всего объект, который традиционно охватывал наличные деньги и безналичные денежные средства в национальной валюте, ценные бумаги и иные финансовые активы. Сохраняя преемственность с названным рядом объектов, цифровая валюта центрального банка как «дополнительная форма»[320] рубля имеет особенности, поскольку учитывается записью об остатке на счете цифрового рубля на платформе Банка России (часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе), тогда как безналичные денежные средства существуют преимущественно как обязательства кредитных организаций. Использованное в Концепции цифрового рубля понятие токена как уникального цифрового кода в конструкцию, принятую законодателем, не перенесено[321], а оператор платформы не вправе определять и контролировать направления использования цифровых рублей пользователем (часть 5 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). Вместе с тем, как обоснованно отмечает М.В. Вожагов, цифровой рубль наряду с платежной функцией «сможет выполнять и контролирующую функцию»[322], в связи с чем цифровая валюта центрального банка может стать не только объектом правоотношений, но и средством финансового контроля, что нетипично для прежних объектов финансово-правового регулирования.

В типологии объектов финансовых правоотношений первую группу образуют денежные средства в национальной валюте, то есть наличные деньги, безналичные денежные средства на счетах в кредитных организациях и цифровой рубль, который по статье 128 ГК РФ относится к безналичным денежным средствам, но по обязанному лицу выступает самостоятельным объектом финансовых правоотношений. Вторую группу составляют денежные средства в иностранной валюте, включая цифровые валюты центральных банков

[320] Цифровой рубль : доклад для общественных консультаций. Подразд. 1.1.
[321] Концепция цифрового рубля. Раздел IV.
[322] Вожагов М. В. Правовое регулирование финансового контроля за оборотом цифровых активов в России и зарубежных государствах. С. 45.

иностранных государств в трансграничных расчетах, а в третью группу входят цифровые финансовые активы (пункт 15 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах[323]). Четвертую группу образуют цифровые валюты, то есть имущество, в отношении которого отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем (пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах[324]), и иностранные цифровые инструменты, которые обращаются по правилам о цифровых валютах (части 4 и 5 статьи 1 Закона о цифровых валютах). К четвертой группе относятся, как представляется, и стейблкоины, поскольку стейблкоин, эмитент которого обязан выкупить токен у каждого обладателя, может подпадать под понятие иностранного цифрового инструмента (пункт 20 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах), а стейблкоин, эмитент которого обязан выкупить токен только у лиц, определенных условиями выпуска, отвечает признакам цифровой валюты. Пятую группу составляют электронные денежные средства как объект правоотношений в национальной платежной системе.

Самостоятельное место в классификации цифровая валюта занимает не в силу запрета принимать цифровые валюты в качестве средства платежа (часть 6 статьи 1 Закона о цифровых валютах), а в силу собственной имущественной природы, которую признал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении № 2-П и закрепил законодатель в определении цифровой валюты[325]. Цифровая валюта центрального банка входит в первую и вторую группы и выступает в финансовых правоотношениях как деньги, тогда как цифровая валюта и стейблкоины, отнесенные к четвертой группе, деньгами не являются, в денежную систему не входят и выступают объектом финансовых правоотношений как иное имущество.

Изменение субъектного состава финансовых правоотношений

Субъектный состав финансовых правоотношений по поводу цифровой валюты центрального банка отличается от классического состава правоотношений

[323] Пункт 15 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах, а до 1 сентября 2026 г. - часть 2 статьи 1 Закона о ЦФА.
[324] Пункт 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах. Закон о цифровых валютах вступил в силу с 1 сентября 2026 г. (часть 1 статьи 56 Закона о цифровых валютах), отдельные положения вступают в силу с 1 июля 2027 г. и с 1 сентября 2027 г. (части 2 и 3 той же статьи).
[325] Постановление № 2-П, пункты 2.1, 2.2, 3 и 5 мотивировочной части.

в сфере денежного обращения появлением оператора платформы цифрового рубля, статус которого нормативно совмещен со статусом Банка России. Оператор и участники платформы отнесены к субъектам национальной платежной системы (пункт 1 статьи 3 Закона о национальной платежной системе). А.А. Недров указывает, что Банк России одновременно выполняет функции регулятора, эмитента, оператора государственно значимой платформы и участника экономических отношений, и видит в такой концентрации разнородных полномочий потенциальный конфликт интересов и противоречие принципам прозрачности, недискриминации и равенства участников[326].

Подход Ю.М. Штерна, включающего Банк России в круг субъектов финансовой деятельности публично-правовых образований[327], применим, как представляется, и к правоотношениям по поводу цифровых валют центральных банков. К.Б. Раздорожный отмечает появление нового направления деятельности Банка России, к которому относит регулирование, контроль и надзор за некредитными финансовыми организациями, осуществляющими деятельность в сфере новых финансовых технологий[328]. На платформе цифрового рубля положение Банка России отличается тем, что Банк России осуществляет надзор за участниками платформы и одновременно как оператор платформы состоит с теми же участниками в договорных отношениях, по которым участники действуют за счет оператора (часть 18 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе).

В правоотношении по поводу перевода безналичных денежных средств обязанным лицом перед клиентом выступает кредитная организация, которая как оператор по переводу денежных средств осуществляет перевод по распоряжению клиента за счет денежных средств на банковском счете клиента (часть 1 статьи 4, части 1 и 2 статьи 5 Закона о национальной платежной системе).

---

[326] Недров А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков : дис. ... канд. юрид. наук. С. 13, 122-137.

[327] Штерн Ю. М. Правовое регулирование финансовой деятельности публично-правовых образований в условиях цифровизации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 11.

[328] Раздорожный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах. С. 12.

Безналичные денежные средства, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении № 2-П, представляют собой обязательственное требование обладателя к кредитной организации, в которой открыт счет[329]. С введением цифрового рубля меняются субъектный состав и содержание расчетного правоотношения, поскольку в переводе цифровых рублей участвуют три субъекта, из которых управомоченным лицом является пользователь платформы, обязанным лицом Банк России как оператор платформы, открывающий и ведущий счет цифрового рубля, а кредитная организация выступает участником платформы.

Кредитная организация из правоотношения по поводу цифрового рубля не выбывает, но положение кредитной организации меняется, поскольку перед пользователем и оператором платформы кредитная организация обязана предоставлять пользователю доступ к платформе и принимать распоряжения пользователя с последующим направлением распоряжений оператору (части 6 и 8 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе). Отказать пользователю в доступе к платформе участник платформы вправе только в случаях, предусмотренных федеральным законом (часть 12 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе). При приеме распоряжения к исполнению участник платформы обязан удостовериться в праве пользователя распоряжаться остатком цифровых рублей и проверить реквизиты распоряжения (часть 7 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе).

К обязанностям участника платформы относится также идентификация пользователя с направлением сведений оператору, которому до получения таких сведений запрещено заключать договор счета цифрового рубля (пункт 1 и подпункт 1 пункта 2 статьи 7.11, пункт 2 статьи 7.9 Федерального закона № 115-ФЗ). Участник платформы обязан, кроме того, противодействовать переводам без добровольного согласия клиента (часть 11 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе). Абзацем восьмым пункта 1.2 Положения Банка России

[329] Постановление № 2-П, пункт 2.1 мотивировочной части.

от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля»[330] (далее - Положение № 820-П) к функциям участника платформы отнесены прием и рассмотрение запросов и претензий пользователя.

Договор участника платформы с оператором платформы законодатель, как представляется, построил по агентской модели, воспроизведя в части 18 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе ту часть формулы пункта 1 статьи 1005 ГК РФ, которая определяет, от чьего имени и за чей счет действует агент, и указав, что участник действует от собственного имени либо от имени оператора, но в обоих случаях за счет оператора. Норм о поручении и о вознаграждении часть 18 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе не содержит. Размер вознаграждения, которое оператор платформы выплачивает участникам платформы, определяет Совет директоров Банка России (пункт 17.16 части 1 статьи 18 Закона о Банке России), и выплата вознаграждения также соответствует агентской модели, поскольку агент действует за вознаграждение (пункт 1 статьи 1005 ГК РФ).

Агентский характер такой связи отмечают А.С. Грызыхин[331], а также Т.Э. Рождественская и А.Г. Гузнов, которые указывают, что ответственность перед пользователями за сохранность средств и бесперебойность работы платформы несет Банк России[332]. Изменение правового положения кредитной организации состоит, как представляется, в том, что по цифровому рублю кредитная организация должником пользователя не является и остается посредником, действующим в агентском качестве по отношению к оператору платформы, а не к клиенту.

При подобной конструкции роль кредитных организаций в движении публичных финансовых ресурсов меняется. До принятия ФЗ №340 А.В. Габов предупреждал, что из-за неясности понятия платформы в докладе Банка России «Цифровой рубль» платформа может позиционироваться «как замена

[330] Вестник Банка России. 2023. № 58.
[331] Грызыхин А. С. О договоре счета цифрового рубля // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024. Т. 21. № 4. С. 65.
[332] См.: Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля. С. 48-55.

существующей банковской системы»[333]. Ассоциация российских банков в заключении по тому же докладу указала, что должны быть предусмотрены все детали построения и функционирования платежной платформы[334]. Статус уполномоченного банка как агента валютного контроля (часть 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании) связан с контролем за операциями клиента, а договор с оператором платформы определяет место кредитной организации в самих расчетах цифровыми рублями. Совет директоров Банка России определяет перечень операций с цифровыми рублями, суммы операций, порядок и сроки, в соответствии с которыми кредитные организации и филиалы иностранных банков обеспечивают своим клиентам возможность совершения таких операций (пункт 17.19 части 1 статьи 18 Закона о Банке России). Думается, что договор участника платформы с оператором платформы обладает признаками агентского договора в части действий участника от собственного имени либо от имени оператора, но за счет оператора, а также в части выплаты оператором вознаграждения, тогда как обязанности кредитной организации перед клиентами определяются не указаниями принципала, а Советом директоров Банка России в порядке осуществления публично-правовых полномочий (пункт 17.19 части 1 статьи 18 Закона о Банке России)

С финансово-правовой точки зрения функция участника платформы сопоставима с функцией банковского платежного агента, которого кредитная организация привлекает по договору для осуществления отдельных банковских операций и который действует от имени оператора по переводу денежных средств (пункт 4 статьи 3, часть 2 статьи 4, часть 1 и пункт 1 части 3 статьи 14 Закона о национальной платежной системе), в связи с чем обязанным перед клиентом остается оператор. Участник платформы выполняет для оператора платформы сходные действия, принимая распоряжения пользователей к исполнению

[333] Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 64.

[334] Заключение Ассоциации российских банков по докладу Банка России «Цифровой рубль» [Электронный ресурс] : приложение к письму Ассоциации российских банков Председателю Банка России Э. С. Набиуллиной от 30 декабря 2020 г. № А-02/5-455 // Ассоциация российских банков : офиц. сайт. URL: https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_na_zapros_banka_rossii_o_proekte-10443566/ (дата обращения: 11.08.2026).

и идентифицируя пользователей, и так же действует на основании договора с оператором (часть 18 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе) и под контролем оператора, поскольку оператор по переводу денежных средств контролирует соблюдение банковским платежным агентом условий привлечения агента, установленных статьями 14 и 14.1 Закона о национальной платежной системе (часть 8 статьи 14.2 Закона о национальной платежной системе), а оператор платформы контролирует соблюдение правил платформы (часть 1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе). Обязанным перед пользователем платформы является оператор платформы, поскольку запись об остатке цифровых рублей отражает размер обязательств оператора платформы перед пользователями (часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе). Сходство функций не означает совпадения правового положения, поскольку банковским платежным агентом кредитная организация быть не может, тогда как участником платформы является оператор по переводу денежных средств, за исключением Банка России, или иностранный банк (пункты 4 и 41 статьи 3 Закона о национальной платежной системе). Обязанность обеспечивать клиентам возможность совершения операций с цифровыми рублями, в отличие от права кредитной организации привлекать банковского платежного агента, возлагается на операторов по переводу денежных средств, являющихся кредитными организациями, законом и поэтапно (часть 18.1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе, части 3-5 статьи 4 ФЗ №248). Наконец, в сфере противодействия легализации преступных доходов участник платформы несет те же обязанности, что и кредитная организация при совершении клиентами операций по банковским счетам (пункт 1 статьи 7.11 Федерального закона № 115-ФЗ).

При построении связи участника платформы с оператором платформы по агентской модели обязательства по цифровым рублям перед пользователем сосредоточены у Банка России, который как оператор платформы обязан зачислять и списывать цифровые рубли и выполнять распоряжения пользователя (часть 1 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). При таком сосредоточении обязательств ведущая роль в защите прав обладателей цифровых

рублей, как представляется, принадлежит Банку России, который и выступает стороной споров о нарушении таких прав.

С учетом признаков цифрового рубля и субъектного состава складывающихся правоотношений можно отнести цифровой рубль к объектам эмиссионных правоотношений, в которых Банк России формирует остаток цифровых рублей, и расчетных правоотношений между Банком России как оператором платформы, участниками и пользователями платформы. Расчетные правоотношения относятся к финансовым, поскольку публичная финансовая деятельность охватывает организацию денежного обращения, а расчеты цифровыми рублями организует Банк России как оператор платформы, тогда как правоотношение по счету цифрового рубля сохраняет договорную природу и правоотношения пользователей между собой по поводу оплаты остаются гражданско-правовыми. Цифровой рубль выступает также объектом бюджетных правоотношений, поскольку БК РФ предусматривает счет цифрового рубля Федерального казначейства и переводы с такого счета и на такой счет[335]. Объектом налоговых правоотношений цифровой рубль становится, если служит средством исполнения налоговой обязанности, а объектом валютных правоотношений при операциях с цифровыми рублями с участием нерезидентов и с цифровыми валютами иностранных центральных банков.

Помимо названных регулятивных правоотношений цифровая валюта центрального банка выступает объектом контрольно-надзорных правоотношений, которые выделяются не по основанию возникновения, а по функции и складываются при осуществлении финансового контроля, надзора и наблюдения, в том числе надзора и наблюдения в национальной платежной системе (глава 5 Закона о национальной платежной системе). Цифровая валюта центрального банка выступает объектом и правоотношений по защите нарушенных прав, возникающих при несоблюдении установленного режима. В эмиссионных правоотношениях цифровой рубль выступает предметом полномочия Банка России

[335] Статья 6 и статья 242.11-1 БК РФ. Положения о счете цифрового рубля Федерального казначейства введены Федеральным законом № 303-ФЗ.

по формированию остатка цифровых рублей, в расчетных правоотношениях средством платежа, в контрольно-надзорных правоотношениях объектом контроля, а в правоотношениях по защите нарушенных прав может стать предметом принудительного взыскания.

Цифровой рубль и перераспределение функций в двухуровневой банковской системе

Законодательное определение банковской системы Российской Федерации, которое, как указывает А.Г. Гузнов, было введено в статью 2 Закона о банках и банковской деятельности в 1990 году, чтобы подчеркнуть принцип двухуровневости[336], в действующей редакции части первой названной статьи включает Банк России, кредитные организации, филиалы иностранных банков и представительства иностранных банков.

Двухуровневую конструкцию образуют только Банк России как первый уровень и кредитные организации как второй уровень[337], тогда как филиалы иностранных банков, включенные в перечень в 2024 году, самостоятельного уровня не образуют.

С введением цифрового рубля новых уровней банковской системы, как представляется, не возникает, поскольку оператором платформы является сам Банк России, однако распределение функций между уровнями меняется.

А.Г. Гузнов справедливо указывает, что понятие банковской системы, закрепленное в статье 2 Закона о банках и банковской деятельности, не отражает появления в экономике новых субъектов, деятельность которых связана с банковской деятельностью или с регулированием такой деятельности[338]. Т.Э. Рождественская по результатам исследования определений банковской системы в научной литературе и в Законе о банках и банковской деятельности

[336] Гузнов А. Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 47.
[337] Части третья и пятая статьи 1 Закона о банках и банковской деятельности. О банках с базовой лицензией см. статью 5.1 того же Закона.
[338] Гузнов А. Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации. С. 48.

предлагает взамен понимать банковскую систему как «структурированное единство взаимосвязанных элементов»[339].

Приведенные подходы следует дополнить с учетом Федерального закона № 340-ФЗ, которым в национальную платежную систему введен новый субъект, оператор платформы цифрового рубля, в связи с чем с 1 августа 2023 г. Банк России одновременно выступает эмитентом, оператором платформы и органом банковского надзора. Введение цифрового рубля в силу такого совмещения функций следует рассматривать не как частное техническое новшество, а как перераспределение функций в банковской системе, которое должно получить отражение в Законе о Банке России.

Функция эмитента цифровых рублей в Законе о Банке России самостоятельно не закреплена, поскольку ФЗ №340 дополнил статью 4 Закона о Банке России только пунктом 4.2 о функции по организации и обеспечению функционирования платформы цифрового рубля и не включил эмиссию цифрового рубля ни в пункт 2 статьи 4, ни в статью 29 Закона о Банке России. Выпуск цифровых рублей законодатель описывает как формирование остатка цифровых рублей, не используя термин «эмиссия». Такой выбор, как представляется, объясняется тем, что цифровой рубль введен как форма существующего рубля. Однако вопрос о функции такое объяснение не снимает, поскольку остаток цифровых рублей формирует и обязательство по цифровым рублям перед пользователями несет Банк России, то есть Банк России фактически выполняет функцию эмитента, которая в статье 4 Закона о Банке России не названа.

Законодатель не определил прямо, в каком качестве цифровой рубль является законным средством платежа, ограничившись включением расчетов цифровыми рублями в состав безналичных расчетов, тогда как обязанности кредитных организаций обеспечивать клиентам возможность совершения операций с цифровыми рублями и продавцов обеспечить потребителю возможность оплаты путем перевода цифровых рублей вводятся поэтапно с 1 сентября

[339] Рождественская Т. Э. Теоретико-правовые основы банковского надзора в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 9-10.

2026 г. и на каждом этапе охватывают только лиц, названных в статье 4 ФЗ №248[340]. Поправка к статье 75 Конституции Российской Федерации об эмиссии в цифровой форме, как представляется, не требуется, поскольку часть 1 названной статьи, закрепляя, что денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации, формы эмиссии не называет, а запрет введения и эмиссии других денег на цифровой рубль как форму рубля не распространяется. Однако на уровне федерального закона эмиссия в цифровой форме так и не урегулирована, хотя обращение цифрового рубля началось. Отсутствие в Законе о Банке России положения об эмиссии цифрового рубля значимо и в связи с тем, что в двухуровневой банковской системе деньги в экономическом смысле возникают из двух источников. Банк России осуществляет денежную эмиссию, а кредитные организации, предоставляя кредиты, увеличивают объем безналичных денежных средств.

В практике центральных банков различаются розничная модель цифровой валюты центрального банка, рассчитанная на физических и юридических лиц, и оптовая модель, рассчитанная на финансовые организации и предполагающая открытие кошельков только банкам для межбанковских расчетов. Банк России выбрал розничную модель, которая, как указано в докладе Банка России «Цифровой рубль», «предполагает существенные новации к текущим формам денежного обращения»[341]. Оптовую модель Банк России прорабатывать не стал, поскольку в такой модели граждане и организации доступа к цифровой валюте центрального банка не получают и преимуществ по сравнению с существующими платежными системами не приобретают[342]. В оптовой модели, думается, не возникает и новой формы национальной валюты. Кредитные организации держали денежные средства на корреспондентских счетах в центральном банке и до появления цифровых валют центральных банков, и в оптовой модели те же средства получают только иную техническую форму. Кроме того,

[340] Части 3-5 и 7-9 статьи 4 Федерального закона № 248-ФЗ.
[341] Цифровой рубль : доклад для общественных консультаций. Раздел 7 «Приложение».
[342] Цифровой рубль : доклад для общественных консультаций. Подразд. 4.1.

обладателями цифровой валюты в оптовой модели могут быть только банки, тогда как по предложенному определению обладателем цифровой валюты центрального банка может выступать неограниченный круг физических и юридических лиц. Следовательно, под предложенное определение цифровой валюты центрального банка подпадает только розничная модель.

По Концепции цифрового рубля Банк России выбрал розничную двухуровневую модель с ролью финансовых организаций как участников расчетов (модель D), в которой Банк России открывает кошельки финансовым организациям и Федеральному казначейству[343], а финансовые организации открывают кошельки клиентам и осуществляют расчеты по таким кошелькам. Модель, в которой Банк России ведет клиентские счета и проводит расчеты без участия финансовых организаций (модель B), широкой поддержки не получила, поскольку, как указано в Концепции, такая модель «по сути формирует одноуровневую финансовую систему»[344].

В Законе о национальной платежной системе функции распределены иначе, чем в Концепции, поскольку на оператора платформы возложена обязанность обеспечить открытие и ведение счетов цифрового рубля (пункт 1 части 11 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе), а предоставление пользователям доступа к платформе по общему правилу возложено на участников платформы (пункт 41 статьи 3, часть 12 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе), в связи с чем в действующую модель вошло ведение клиентских счетов Банком России, которое в Концепции отнесено к признакам одноуровневой системы. Названием «розничная двухуровневая модель», думается, обозначен порядок доступа пользователей к платформе, но не распределение обязательств и функций по ведению счетов и осуществлению переводов.

Банк России признает, что введение цифрового рубля повлияет на потребности банков в совершении операций с Банком России, которые необходимо учитывать при настройке операционной процедуры денежно-

[343] Концепция цифрового рубля. Раздел IV. С. 9.
[344] Концепция цифрового рубля. Раздел III «Выбор модели цифрового рубля».

кредитной политики, и со временем «может способствовать усилению трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики»[345], под которым Банк России понимает «комплекс причинно-следственных связей, с помощью которого обеспечивается влияние ключевой ставки на динамику цен»[346].

Теоретические подходы А.Г. Гузнова к банковской системе и системе финансового рынка, отражавшие нормативную базу 2016 г., сохраняют методологическое значение, однако в системной модели 2016 г. не отражено отмеченное Т.Э. Рождественской и А.Г. Гузновым в статье 2024 г. изменение, при котором клиенту после зачисления средств противостоит оператор платформы[347]. А.Г. Гузнов рассматривает систему финансового рынка как «структурированную целостность», которая сохраняется даже при утрате одного из элементов, поскольку устойчивость системе придает структура[348], и, думается, исходит из неизменности природы элементов при изменении количества или конфигурации элементов. С введением цифровой валюты центрального банка, напротив, меняется природа самого денежного обязательства как базового элемента системы, поскольку цифровой рубль является прямым обязательством Банка России перед пользователем платформы, тогда как безналичные денежные средства на банковских счетах представляют собой обязательства коммерческого банка.

Уточнения требует и проводимое А.Г. Гузновым разграничение банковской системы и национальной платежной системы как отдельных подсистем внутри системы финансового рынка. Национальную платежную систему А.Г. Гузнов вслед за Комитетом по платежным и расчетным системам Банка международных расчетов описывает через перевод денежных требований в форме обязательств центрального и коммерческих банков[349], из чего следует, что национальная

[345] Цифровой рубль : доклад для общественных консультаций. С. 21.
[346] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов (утв. Банком России) // СПС «КонсультантПлюс».
[347] Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля. С. 54-55.
[348] Гузнов А. Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации. С. 43-47.
[349] Гузнов А. Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации. С. 46-47, 55-65.

платежная система обеспечивает движение денежных средств, но собственные денежные обязательства в национальной платежной системе не возникают.

С введением цифрового рубля такая функциональная граница меняется, поскольку Банк России, который и до введения цифрового рубля был оператором собственной платежной системы и оператором по переводу денежных средств (статья 82.2 Закона о Банке России, часть 4 статьи 15, пункт 1 части 1 статьи 11 Закона о национальной платежной системе), на платформе цифрового рубля ведет счета граждан и организаций, является должником по каждому счету и одновременно формирует остаток цифровых рублей. При таком совмещении функций, которые в модели А.Г. Гузнова, думается, относятся к разным подсистемам, возникает риск структурного конфликта интересов, тогда как в рамках мегарегулятора конфликт интересов, как указывает А.Г. Гузнов, должен предотвращаться[350].

Представляется, что с введением цифровой валюты центрального банка в гражданский оборот может усилиться монополия центральных банков в финансовом секторе и измениться режимы денежно-кредитной политики в сторону большего влияния центральных банков. Ассоциация банков России отмечает также, что цифровая валюта центрального банка как обязательство самого центрального банка может стать инструментом прямого кредитования государства и нефинансового сектора экономики, при котором денежно-кредитная политика выходит за пределы классического понимания, а механизм предложения денег лишается рыночной основы[351].

По оценке Ассоциации банков России, даже при открытии кошельков в цифровой валюте центрального банка через коммерческие банки банковская система будет находиться под угрозой хронического дефицита ликвидности, а установление монополии цифровой валюты центрального банка может поставить

[350] Гузнов А. Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации. С. 176-177.
[351] Цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ): Россия в контексте мировой практики : аналитический доклад. М. : Ассоциация банков России, 2021. С. 43, 56, 58.

вопрос о переходе к одноуровневой банковской системе, в которой кредитные организации сохранятся только в роли платежных агентов[352].

Реализация такого сценария, как представляется, потребовала бы пересмотреть статьи 1 и 5 Закона о банках и банковской деятельности и уточнить соотношение банковских операций кредитных организаций с функциями Банка России, названными в статье 4 Закона о Банке России[353].

По оценке Ассоциации банков России, при поэтапном вытеснении других форм денег цифровой валютой центрального банка денежно-кредитная политика сведется к двум основным типам, которым соответствуют два варианта развития банковской системы. Первый вариант предполагает сохранение двухуровневой банковской системы и режимов денежно-кредитной политики при переходе к стопроцентному резервированию, когда создание денег коммерческими банками будет заметно ограничено, а второй предполагает реорганизацию банковской системы, при которой кредитование экономики осуществлял бы только центральный банк[354]. При действующем регулировании конкуренция цифрового рубля с депозитами ограничена заранее, поскольку прямо кредитовать граждан и организации, не являющиеся кредитными организациями, Банк России по общему правилу не вправе (пункт 1 статьи 49 Закона о Банке России), а кредитование счета цифрового рубля и начисление процентов на остаток запрещены (часть 4 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). Часть вкладчиков может тем не менее предпочесть цифровой рубль как обязательство центрального банка, что отразится на балансах банков и объемах кредитования экономики, притом массовый отток вкладов способен подорвать доверие к банковской системе.

Даже при названных ограничениях сохраняется риск перетока средств, поскольку по описанной в Концепции цифрового рубля схеме эмиссии Банк России списывает безналичные средства с корреспондентского счета кредитной

[352] Цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ): Россия в контексте мировой практики. С. 9, 59-69.
[353] Статьи 1 и 5 Закона о банках и банковской деятельности.
[354] Цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ): Россия в контексте мировой практики. С. 63-64.

организации и проводит эмиссию цифрового рубля в эквивалентном объеме[355]. В докладе для общественных консультаций «Цифровой рубль» и в Концепции цифрового рубля Банк России признал, что при пополнении кошелька с банковского счета «активы и пассивы банка в этот момент сократятся»[356], а замещение безналичных денег цифровым рублем уменьшит остатки на счетах клиентов и на корреспондентских счетах банков и повлияет на ликвидность банковского сектора[357]. Перевод средств клиента в цифровые рубли, следовательно, выводит такие средства из ресурсной базы кредитной организации, то есть из привлеченных средств, которые кредитная организация вправе размещать от своего имени и за свой счет (часть вторая статьи 1, пункты 1 и 2 части первой статьи 5 Закона о банках и банковской деятельности), и сокращает ликвидность кредитной организации. Риск утраты банками клиентских платформ и способности отслеживать заемщиков при переходе функции «знай своего клиента» к центральному банку в российской модели ослаблен, поскольку идентификацию пользователя проводит участник платформы, а оператор платформы использует полученные от участника сведения при заключении договора счета цифрового рубля (подпункт 3 пункта 1 статьи 7.9, подпункт 1 пункта 2 статьи 7.11 Федерального закона № 115-ФЗ).

Банк России как оператор платформы конкурирует с кредитными организациями не за клиента, который остается клиентом кредитной организации, предоставляющей доступ к платформе (часть 12 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе), а за остаток средств. Переток остатка со счета в банке на счет цифрового рубля законодатель сдержал двумя неравнозначными способами, запретом начислять проценты на остаток, установленным федеральным законом, и правом Совета директоров Банка России устанавливать предельные суммы операций и остатков (лимиты)[358]. Поскольку пополнение счета цифрового рубля

[355] Концепция цифрового рубля. Раздел V «Примеры операций с цифровым рублем».
[356] Цифровой рубль : доклад для общественных консультаций. Раздел 3.1, врезка 5.
[357] Концепция цифрового рубля. Раздел VIII «Влияние цифрового рубля на денежно-кредитную политику и финансовую стабильность».
[358] Часть 4 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе; пункт 17.18 части 1 статьи 18 Закона о Банке России.

путем перевода денежных средств с банковского счета или уменьшения остатка электронных денежных средств относится к операциям с цифровыми рублями (часть 2 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе), предельная сумма может быть установлена и для такого пополнения, однако размера лимитов и оснований изменения лимитов закон не называет, требуя только официально опубликовать решение Совета директоров Банка России (часть 2 статьи 18 Закона о Банке России). Тарифы на услуги оператора платформы и максимальный размер платы, взимаемой участниками платформы с пользователей, также определяет Совет директоров Банка России (пункты 17.16 и 17.17 части 1 статьи 18 Закона о Банке России). Для тарифов законодатель обеспечил предсказуемость изменений, поскольку информация об изменении тарифов размещается на официальном сайте Банка России не менее чем за 30 календарных дней, а тарифы для физических лиц по общему правилу можно менять не чаще двух раз в календарном году (части 8 и 9 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе). Для лимитов, которые определяет Совет директоров Банка России (пункт 17.18 части 1 статьи 18 Закона о Банке России), закон не устанавливает ни срока предварительного уведомления, ни ограничения частоты изменения. Тарифы и лимиты, думается, определяют масштаб оттока средств из банковского сектора, поскольку от платы за операции и от предельной суммы пополнения зависит, какую часть средств клиент переведет на счет цифрового рубля, и связь лимитов с оттоком признает Банк России, который в Концепции цифрового рубля указал, что в целях ограничения рисков ликвидности рассмотрит возможность использования банками лимитных механизмов при операциях с цифровым рублем[359]. Меры, сдерживающие отток, за исключением запрета начислять проценты, устанавливаются решениями Банка России и могут быть изменены по усмотрению Банка России.

В отличие от Ассоциации банков России, авторы аналитической записки, подготовленной в Банке России, полагают, что перераспределение денежных средств потребует от кредитных организаций поднять ставки по остаткам

[359] Концепция цифрового рубля. Раздел VIII «Влияние цифрового рубля на денежно-кредитную политику и финансовую стабильность».

на зарплатных, расчетных и текущих счетах[360], и не считают перераспределение части процентного дохода от банков к клиентам нарушением рыночного механизма, поскольку такое перераспределение «устраняет существующую неэффективность рынка»[361].

Второй вариант, как представляется, потребовал бы в обязательном порядке перевести всех участников оборота на расчеты цифровым рублем с принудительным открытием счетов цифрового рубля. По оценке Ассоциации банков России, прямое кредитование экономики центральным банком через цифровые кошельки, которые центральный банк открывает физическим и юридическим лицам и по которым проводит расчеты без участия банков, повлекло бы трансформацию денежно-кредитной политики в денежно-кредитное администрирование[362]. Действующая модель построена иначе, поскольку счет цифрового рубля открывается при заключении договора счета цифрового рубля, то есть по воле пользователя (часть 2 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). Для граждан открытие счета цифрового рубля остается добровольным, тогда как на продавцов, выручка которых превышает установленный размер, закон с 1 сентября 2026 г. поэтапно возлагает обязанность обеспечить потребителю возможность оплаты путем перевода цифровых рублей (части 7-9 статьи 4 ФЗ №248).

Введение цифровой валюты центрального банка способно изменить и денежно-кредитную политику, поскольку, становясь операторами платформ, на которых создаются и обращаются цифровые валюты центральных банков, центральные банки расширяют эмиссионную функцию до управления цифровыми денежными потоками, и фактически складывается новая форма государственного контроля за эмиссией, которую можно назвать цифровой эмиссионной политикой. Такая политика, как и выбор розничной модели, согласуется с конституционно значимыми целями реализации финансового суверенитета и финансовой

[360] Грищенко В., Морозов А., Петренева Е., Синяков А. Что изменится для банков и их клиентов с введением цифрового рубля [Электронный ресурс] : аналитическая записка. М. : Банк России, 2021. Январь. С. 8. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/118208/analytic_note_20210126_dip.pdf (дата обращения: 16.10.2025).
[361] Там же. С. 9.
[362] Цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ): Россия в контексте мировой практики. С. 64-66.

стабильности государства, императивными условиями которых Конституционный Суд Российской Федерации называет исключительный статус российского рубля, защиту и обеспечение устойчивости рубля и недопустимость эмиссии в Российской Федерации иных денег (части 1 и 2 статьи 75 Конституции Российской Федерации)[363]. Управление цифровыми денежными потоками по усмотрению оператора платформы не может, однако, быть целевым, поскольку оператор платформы не вправе определять и контролировать направления использования цифровых рублей пользователем (часть 5 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе).

Изложенное позволяет поставить три основных вопроса, которые требуют доктринального осмысления в финансовом праве. Может ли эмиссия цифровой валюты центрального банка стать механизмом снижения инфляции и контроля над денежной массой? Может ли государство через цифровой рубль сократить налично-денежный оборот и полностью контролировать инфляционные процессы? Не приведет ли это к ослаблению рыночных принципов и переходу к плановой и государственной экономике?

В юридической литературе отмечается, что «...усилия государства направлены на создание условий, позволяющих осуществлять полный контроль над формированием и исполнением эмиссионных финансовых обязательств в целях укрепления государственного суверенитета»[364]. Банк России подчеркивает, что введение цифрового рубля «может повлиять на ситуацию с банковской ликвидностью, но не приведет к значительному оттоку средств из банковского сектора»[365], а выпуск цифрового рубля «не приведет к увеличению количества денег в экономике», поскольку изменится только структура денежной массы,

[363] Постановление № 2-П, пункт 3 мотивировочной части.

[364] Васянина Е. Л., Шапсугова М. Д. Публично-правовые и частноправовые начала в механизме регулирования денежной эмиссии. С. 31.

[365] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов (утв. Банком России) // СПС «КонсультантПлюс». Раздел 4. Подробнее см. приложение 8 «Влияние цифрового рубля на денежно-кредитную политику» к Основным направлениям единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов (утв. Банком России) // СПС «КонсультантПлюс».

в которой часть наличных денег и безналичных денежных средств замещается цифровыми рублями[366].

В финансовом праве рассматриваются прежде всего денежные факторы инфляции, то есть избыточная эмиссия и неконтролируемый рост денежной массы[367]. По части 2 статьи 75 Конституции Российской Федерации основной функцией Банка России является «защита и обеспечение устойчивости рубля», которую Банк России осуществляет независимо от других органов государственной власти. Согласно статье 34.1 Закона о Банке России основной целью денежно-кредитной политики Банка России является защита и обеспечение устойчивости рубля посредством поддержания ценовой стабильности. Следовательно, поддержание Банком России ценовой стабильности опирается на конституционную норму.

Введение цифровых валют центральных банков в гражданский оборот позволит государству со временем закрепить предпочтительность безналичных и цифровых расчетов и постепенно сократить долю наличных денег в экономике не прямым запретом, а правовыми стимулами и режимами (налоговыми, платежными, административными). Замещение наличного оборота цифровой и безналичной формой рубля в перспективе позволит снизить издержки на обслуживание наличного оборота, устранить часть теневого денежного обращения, повысить прозрачность движения денежных потоков и эффективность налогового контроля[368].

---

[366] Карташева В. ЦБ: выпуск цифрового рубля не приведет к увеличению количества денег в экономике [Электронный ресурс] // Парламентская газета. 2024. 27 сент. URL: https://www.pnp.ru/economics/cb-vypusk-cifrovogo-rublya-ne-privedet-k-uvelicheniyu-kolichestva-deneg-v-ekonomike.html (дата обращения: 21.10.2025).

[367] Химичева Н. И. Финансовое право Российской Федерации : учебник. М. : Норма, 2018. С. 276-283. Кроме того, «включение денежных факторов инфляции в предмет финансового права основано на том, что в финансовое право входит не только эмиссионное право, а в целом правовое регулирование деятельности государства, направленной на формирование стабильной финансовой системы в государстве» (Назаров В. Н. Финансовое право и финансовый кризис // Финансовое право. 2010. № 3. С. 6).

[368] См.: Лебедева Н. Ю. Цифровая валюта центрального банка (перспективы и риски эмиссии) // Финансовое право и практика. 2020. № 5. С. 17-24; Матерова Е. С., Евсеев Е. В., Сафиуллин Б. Л., Захаров Э. Г. Цифровые валюты центральных банков: особенности эмиссии и их роль в трансформации финансовой системы на современном этапе [Электронный ресурс] // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 5. С. 1925-1936. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-valyuty-tsentralnyh-bankov-osobennosti-emissii-i-ih-rol-v-transformatsii-finansovoy-sistemy-na-sovremennom-etape (дата обращения: 21.10.2025).

Цифровая валюта центрального банка, как представляется, не является самостоятельным средством сдерживания инфляции, поскольку немонетарные источники инфляции, такие как резкое сокращение предложения товаров, удорожание импорта, структурные ограничения товарных рынков и инфляционные ожидания, правовым режимом цифрового рубля не затрагиваются. Такой вывод согласуется с позицией М.В. Вожагова, по мнению которого цифровой рубль сможет обеспечить «регулирование инфляции (за счет исключения децентрализованной эмиссии цифровых валют)»[369], то есть воздействовать на денежный фактор инфляции. И.О. Антропцева видит в цифровом рубле механизм контроля за движением денежных средств, в том числе за целевым использованием бюджетных средств и уплатой налогов, но влияние цифрового рубля на инфляцию в числе таких функций не называет[370].

Нежелание центральных банков допустить массовое использование криптовалют, стейблкоинов и других денежных суррогатов в литературе называют одной из причин интереса к выпуску цифровой валюты центрального банка[371], однако такое объяснение относится к общему направлению эволюции денег и не предрешает модель обращения цифровой валюты центрального банка. Особенность расчетов цифровыми рублями состоит в том, что конституционная монополия Банка России на денежную эмиссию становится в таких расчетах и экономической, тогда как до введения цифрового рубля такой характер монополия Банка России имела только в наличном обращении. Поскольку остаток цифровых рублей формируется непосредственно на платформе Банка России взамен списанных безналичных денежных средств, а кредитные организации, обеспечивая клиентам доступ к платформе, счета цифрового рубля не ведут, меняется не отдельный технический параметр денежного обращения, а сама конструкция создания денег, что затрагивает основы финансово-правового строя.

---

[369] Вожагов М. В. Правовое регулирование финансового контроля за оборотом цифровых активов в России и зарубежных государствах. С. 45.

[370] Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. С. 311; Антропцева И. О. Цифровизация публичного финансового контроля : монография. М. : Статут, 2024. Гл. I, § 1.1. С. 13.

[371] См.: Цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ): Россия в контексте мировой практики. С. 4, 7.

Во-первых, переток средств на счета цифрового рубля ведет к снижению денежного мультипликатора[372] и уменьшает объем высоколиквидных активов кредитных организаций, что может снизить финансовую устойчивость таких организаций и потребовать пересмотра требований Банка России к кредитным организациям, включая обязательные резервы (статья 38 Закона о Банке России) и показатель краткосрочной ликвидности.

Во-вторых, в условиях обращения цифрового рубля публичный интерес в банковской сфере становится внутренне противоречивым, поскольку при расчетах цифровыми рублями повышается доступность платежных услуг и снижаются издержки, тогда как массовый переход к расчетам цифровым рублем может вызвать отток депозитов и снижение кредитной активности банков и, как представляется, повысить риск кризиса в банковском секторе, предотвращение которого Т.Э. Рождественская называет важнейшей целью банковского надзора в современных условиях[373]. Интерес в расширении обращения цифрового рубля и интерес в устойчивости кредитных организаций являются публичными, поскольку вытекают из целей деятельности Банка России, названных в статье 3 Закона о Банке России. Расширение обращения цифрового рубля отвечает цели защиты и обеспечения устойчивости рубля, формой которого является цифровой рубль, тогда как устойчивость кредитных организаций отвечает цели развития и укрепления банковской системы, стабильность которой вместе с защитой интересов вкладчиков и кредиторов отнесена к главным целям банковского регулирования и банковского надзора (часть вторая статьи 56 Закона о Банке России). Столкновение названных интересов предлагается называть конфликтом публичных интересов Банка России. Устанавливая предельные суммы операций и остатков[374], Банк России смягчает такое противоречие, однако риска конфликта публичных интересов не устраняет, поскольку пределы устанавливает сам Банк России.

---

[372] Синельникова-Мурылева Е. В. Цифровой рубль: риски и выгоды // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 5. С. 39.

[373] Рождественская Т. Э. Теоретико-правовые основы банковского надзора в Российской Федерации. Введение (положения, выносимые на защиту).

[374] Пункт 17.18 части 1 статьи 18 Закона о Банке России.

В-третьих, прямого противоречия принципам экономической свободы и поддержки конкуренции, закрепленным в статье 8 Конституции Российской Федерации, режим цифрового рубля, как представляется, не содержит, поскольку конкуренция цифрового рубля с банками сдерживается запретом начислять проценты на остаток и предельными суммами операций и остатков, а счет цифрового рубля по общему правилу открывается по желанию пользователя. Обязанность продавцов обеспечить потребителю возможность оплаты цифровыми рублями (части 7-9 статьи 4 ФЗ №248) касается способа приема оплаты и не лишает продавца права хранить денежные средства на банковских счетах. Однако из отсутствия прямого противоречия статье 8 Конституции Российской Федерации не следует, что законом защищена конкуренция на рынке платежных услуг, где переводы цифровых рублей конкурируют с переводами денежных средств, которые кредитные организации осуществляют по банковским счетам клиентов.

Поскольку тарифы на услуги оператора платформы, размер вознаграждения участников платформы и максимальный размер платы, которую участники взимают с пользователей, определяет Совет директоров Банка России (пункты 17.16 и 17.17 части 1 статьи 18 Закона о Банке России), Банк России определяет цену собственной платежной услуги, которую по Концепции цифрового рубля предполагалось установить не выше тарифов Системы быстрых платежей[375], и одновременно пределы дохода кредитных организаций от операций с цифровыми рублями. Антимонопольный орган совместно с Банком России контролирует соблюдение кредитными организациями антимонопольного законодательства на рынке банковских услуг (часть вторая статьи 32 Закона о банках и банковской деятельности), тогда как специальных правил о конкуренции применительно к оператору платформы, которым является сам Банк России, закон не содержит. Ни Закон о Банке России, ни Закон о национальной платежной системе не обязывают Банк России учитывать состояние конкуренции и устойчивость кредитных организаций при установлении тарифов и предельных сумм.

[375] Концепция цифрового рубля. Раздел II «Ключевые преимущества цифрового рубля».

В связи со смещением функций к Банку России как оператору платформы обсуждается движение банковской системы к одноуровневой («монобанковской») модели, притом речь идет не об упразднении второго уровня, поскольку кредитные организации продолжают кредитовать, обслуживать клиентов и привлекать вклады, а о возникновении в расчетах цифровыми рублями единого эмиссионного центра, который исторически предшествовал двухуровневой системе. Согласно обзору круглого стола, подготовленному В.М. Кукушкиным, Л.Г. Ефимова предложила различать уровни банковской системы по кругу обслуживаемых банком лиц и указала, что внедрение модели D в том виде, в каком модель описана в Концепции цифрового рубля и пакете законопроектов, фактически приведет к стиранию различий между двумя уровнями банковской системы[376]. При разграничении уровней банковской системы по кругу обслуживаемых лиц Банк России в расчетах цифровыми рублями действительно обслуживает лиц, не являющихся кредитными организациями. Однако кредитование и привлечение вкладов по-прежнему осуществляют кредитные организации, поэтому различия между уровнями стираются только в расчетах цифровыми рублями, а не в банковской системе в целом. Центральный банк, цифровой валютой которого непосредственно пользуются физические и юридические лица, как представляется, перестает быть только «банком банков» и становится «банком всех», входящим в платежную и денежную инфраструктуру.

Тезис о движении к одноуровневой модели проверяется функциональным сравнением с Государственным банком СССР, который после денежной реформы 1922-1924 годов стал единым эмиссионным центром страны и сосредоточивал эмиссионную, кредитную и контрольную функции, включая по Уставу 1960 года контроль за выполнением производственных планов, кассовым исполнением бюджета и операциями с валютой[377]. При сосредоточении названных функций в одном институте государство получало возможность мобилизовать ресурсы

[376] Кукушкин В. М. «Цифровой рубль: дискуссии о будущем денежной единицы России»: обзор круглого стола // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 59-60.

[377] Банки и небанковские кредитные организации и их операции : учебник / под ред. Е. Ф. Жукова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Вузовский учебник, 2011. С. 65; Постановление Совета Министров СССР от 29 октября 1960 г. № 1146 «Об утверждении Устава Госбанка СССР» // СП СССР. 1960. № 18. Ст. 160.

и осуществлять сплошной контроль, однако банковская система утрачивала гибкость, а конкуренция в банковской сфере исключалась. Банк России, как представляется, вновь совмещает роли регулятора, оператора и эмитента, однако сходство с Государственным банком СССР, который советская доктрина применительно к расчетным правоотношениям рассматривала как орган государственного управления[378], ограничивается функциями и не затрагивает правового статуса, поскольку Банк России независим от других органов государственной власти, по общему правилу не вправе кредитовать Правительство Российской Федерации для финансирования дефицита федерального бюджета, функционирует в двухуровневой банковской системе и не вправе определять, как обладатель использует цифровые рубли.

Банк России как оператор платформы формирует остаток цифровых рублей и ведет счета цифрового рубля, оставаясь органом банковского регулирования и банковского надзора (часть первая статьи 56 Закона о Банке России), тогда как поднадзорные кредитные организации счета цифрового рубля не открывают и не ведут. В результате Банк России как орган банковского надзора одновременно соперничает с поднадзорными банками за средства клиентов, поскольку счет в кредитной организации и счет цифрового рубля выступают двумя формами хранения безналичных денежных средств и осуществления расчетов, между которыми выбирает клиент.

Интерес Банка России в таком соперничестве состоит не в прибыли (статья 3 Закона о Банке России) и не в использовании цифровых рублей пользователей (часть 3 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе), а в распространении собственного платежного инструмента, и поскольку такой интерес является публичным, как и интерес в устойчивости кредитных организаций, речь идет о конфликте публичных интересов. Поскольку цифровые рубли пользователей к привлеченным средствам кредитных организаций

[378] Советское финансовое право : учебник / под ред. Е. А. Ровинского. 3-е изд. М. : Юрид. лит., 1978. С. 304; Советское финансовое право : учебник / Л. К. Воронова, О. Н. Горбунова, Л. А. Давыдова и др. ; отв. ред. Л. К. Воронова, Н. И. Химичева. М. : Юрид. лит., 1987. С. 414. Цит. по: Дорошок Т. С. Кредитные организации как участники правоотношений в сфере государственного финансового контроля : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2025. С. 36.

не относятся, с расширением обращения цифрового рубля ресурсная база, ликвидность и кредитный потенциал поднадзорных банков сокращаются. Тот же риск отмечал Д.В. Винницкий, по мнению которого эмиссия цифровой валюты, регулируемой непосредственно центральным банком, ведет к монополизации расчетных отношений и увеличению зависимости частного лица от властных действий центрального банка, а развитие цифровой валюты не должно снижать экономический потенциал частного банковского сектора за счет перетекания ресурсов в инструменты, координируемые исключительно центральным банком[379].

Такая модель лишает Банк России нейтральности по отношению к кредитным организациям, под которой понимается положение, при котором субъект, осуществляющий регулирование общественных отношений в сфере денежного обращения и финансового рынка, сам не оказывает клиентам услуг, замещающих услуги поднадзорных кредитных организаций, притом в наличном обращении нейтральность сохраняется, поскольку обладателю наличных денег Банк России счетов не открывает и услуг не оказывает. Ассоциация российских банков называла «нейтральность по отношению к кредитным организациям» критически важным принципом цифрового рубля, понимая под нейтральностью возможность всех участников рынка и всех интерфейсов присоединиться к системе[380], тогда как, думается, нейтральность следует относить к положению самого Банка России.

Т.Э. Рождественская полагает, что признание Банка России юридическим лицом публичного права будет способствовать уточнению правового статуса Банка России[381], однако и при таком статусе совмещение функций эмитента денег, надзорного органа и оператора платежной инфраструктуры требует механизмов, предотвращающих злоупотребления. Специальных норм, разграничивающих надзорную функцию Банка России и функцию оператора платформы, ни Закон

[379] Кукушкин В. М. «Цифровой рубль: дискуссии о будущем денежной единицы России»: обзор круглого стола. С. 59-60.
[380] Заключение Ассоциации российских банков по докладу Банка России «Цифровой рубль». Ответ на вопрос 2.10.
[381] Рождественская Т. Э. Теоретико-правовые основы банковского надзора в Российской Федерации. С. 11.

о национальной платежной системе, ни Закон о Банке России не содержат. Разграничение функций оператора платформы и органа надзора проведено законодателем исключительно в сфере финансового мониторинга, где выполнение оператором платформы функций в сфере противодействия легализации преступных доходов контролирует главный аудитор Банка России (абзац пятый пункта 2 статьи 9.1 Федерального закона № 115-ФЗ), и притом не в полном объеме, поскольку надзор за участниками платформы, исполняющими те же обязанности, осуществляет сам Банк России.

Статья 4.1 Закона о Банке России обязывает Банк России разрабатывать и реализовывать политику по предотвращению, выявлению и управлению конфликтами интересов при осуществлении функций, предусмотренных федеральными законами, притом статья 83.1 того же Закона требует в тех же целях разделять полномочия заместителей Председателя Банка России и руководителей самостоятельных структурных подразделений, в том числе при осуществлении денежно-кредитной политики, банковского регулирования и надзора[382]. Функций оператора платформы цифрового рубля в названном перечне нет, в связи с чем общее требование статьи 83.1 Закона о Банке России о разделении полномочий применительно к платформе цифрового рубля конкретизации не получило, хотя именно на платформе Банк России одновременно выступает должником, оператором и регулятором.

Конфликт публичных интересов относится к конфликтам при осуществлении функций самого Банка России (статьи 4.1 и 83.1 Закона о Банке России), а не к конфликтам личных интересов Председателя и служащих Банка России (пункт 11 статьи 20, статья 90 того же Закона). Политику по предотвращению, выявлению и управлению такими конфликтами рассматривает Национальный финансовый совет, однако закон говорит только о рекомендациях по такой политике (пункт 10.1 статьи 13 Закона о Банке России). Должных правовых гарантий применительно к платформе цифрового рубля закон не содержит,

[382] Статья 83.1 Закона о Банке России.

поскольку тарифы оператора платформы, вознаграждение участников платформы и предельные суммы операций и остатков определяет тот же Совет директоров Банка России, который устанавливает обязательные нормативы для кредитных организаций (пункты 9, 17.16 и 17.18 части 1 статьи 18 Закона о Банке России), а соотношение таких решений закон не определяет. Кроме того, надзор за соблюдением кредитными организациями Закона о национальной платежной системе Банк России осуществляет по законодательству о банках и банковской деятельности (часть 3 статьи 31 Закона о национальной платежной системе), и за неустранение участником платформы нарушения правил платформы Банк России рассматривает вопрос о мерах банковского надзора по статье 74 Закона о Банке России (пункт 6.9 Положения № 820-П). Банк России как оператор платформы является, следовательно, стороной договора с кредитной организацией (часть 18 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе) и одновременно вправе применить к такой кредитной организации меры за нарушение правил платформы, установленных самим Банком России (статья 82.10 Закона о Банке России). При совмещении Банком России названных функций возрастает риск произвольного применения мер надзора к участникам платформы, поскольку основания применения мер, предусмотренных статьей 74 Закона о Банке России, сформулированы широко. По оценке В.М. Кукушкина, названная статья является «суперсоставом», который позволяет привлечь кредитную организацию к ответственности «за что угодно» в виде мер от предупреждения до отзыва лицензии[383].

Переход центрального банка от роли «банка банков» к роли «банка всех» выражен в российском праве не через расширение перечня операций Банка России, а через платформу цифрового рубля, на которой кредитная организация выполняет функцию, сходную с функцией филиала, через который пользователь получает услуги Банка России. Участник платформы принимает распоряжения пользователя к исполнению и направляет такие распоряжения оператору (части 6-8 статьи

[383] Кукушкин В. М. Размещение бюджетных средств на банковских депозитах: некоторые проблемы регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 5 (260). С. 83.

7.1 Закона о национальной платежной системе), действуя за счет оператора (часть 18 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе), и собственного обязательства по цифровым рублям не несет, подобно филиалу, который осуществляет банковские операции не от своего имени, а от имени кредитной организации (часть первая статьи 22 Закона о банках и банковской деятельности). Кредитная организация, однако, отличается от филиала тем, что является юридическим лицом (часть первая статьи 1 Закона о банках и банковской деятельности), тогда как филиал юридическим лицом не является (часть третья статьи 22 того же Закона). Сходство с филиалом касается, следовательно, функции кредитной организации в обслуживании пользователя и выводу об агентской модели договора участника платформы с оператором не противоречит, поскольку по агентской модели построена правовая связь кредитной организации с оператором платформы.

В расчетах цифровыми рублями, следовательно, воспроизводятся отдельные черты одноуровневой («монобанковской») модели, в которой центральный банк сам обслуживает клиентов, поскольку Банк России как оператор платформы цифрового рубля формирует остаток цифровых рублей и осуществляет все переводы цифровых рублей (статьи 82.10 и 82.11 Закона о Банке России, пункт 4 статьи 861 ГК РФ), в связи с чем контролирует не только формирование остатков, но и совершение операций. По Концепции цифрового рубля в розничной двухуровневой модели финансовые организации должны были открывать клиентам кошельки цифрового рубля на платформе и осуществлять по таким кошелькам расчеты[384]. По закону зачислять и списывать цифровые рубли и выполнять распоряжения пользователя обязан оператор платформы (часть 1 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе), а кредитная организация как участник платформы принимает распоряжения пользователя к исполнению и направляет такие распоряжения оператору (части 6-8 статьи 7.1 того же Закона). Роль участника расчетов, которую Концепция отводила финансовым

[384] Концепция цифрового рубля. Раздел III «Выбор модели цифрового рубля».

организациям, в законе, как представляется, не закреплена. Вместе с тем сходство с одноуровневой моделью касается распределения функций, а не устройства банковской системы, поскольку двухуровневая банковская система сохраняется, Банк России не вправе определять направления использования цифровых рублей (часть 5 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе), а решение о том, на что тратить средства, по-прежнему принимает пользователь.

Сведения платформы имеют значение и для банковского надзора, поскольку оператор платформы обязан обеспечить учет и хранение информации об остатке цифровых рублей и совершенных операциях с цифровыми рублями (пункт 3 части 11 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе), сам зачисляет цифровые рубли на счета цифрового рубля (часть 1 статьи 30.8 того же Закона) и, следовательно, в момент совершения операции располагает данными о том, какой объем средств клиенты каждой кредитной организации переводят на счета цифрового рубля. Правила о запросе Банком России информации у кредитных организаций и запрет требовать не предусмотренную федеральными законами информацию о клиентах (статьи 57 и 58 Закона о Банке России) к сведениям платформы не применяются, поскольку такие сведения находятся у самого Банка России и запрос в кредитную организацию не требуется. Банковская тайна, которую оператор платформы обязан гарантировать (статья 26 Закона о банках и банковской деятельности), использованию таких сведений в надзорных целях, думается, не препятствует, так как оператор платформы и орган банковского надзора являются одним лицом, однако закон не определяет, вправе ли подразделения Банка России, осуществляющие банковский надзор, использовать сведения платформы и в каком порядке.

А.А. Недров предлагает передать операционное управление платформой цифрового рубля специализированному юридическому лицу, например государственной корпорации, учрежденной Банком России и действующей автономно в рамках установленных правил, и полагает, что такая схема позволит

сохранить государственный контроль и обеспечить подотчетность, независимость решений и внешний надзор[385].

К.Б. Раздорожный предлагает закрепить за Банком России полномочия квалифицировать цифровые валюты, включая выпускаемые государственными органами, определять виды цифровых валют и допустимых операций с цифровыми валютами и устанавливать требования к эмитентам и организаторам обращения цифровых валют[386]. Для цифровых валют в значении Закона о цифровых валютах часть названных предложений с 1 сентября 2026 г., как представляется, реализована через реестры Банка России (пункт 2 части 1 статьи 54 Закона о цифровых валютах) и право Банка России ограничивать и запрещать финансовым организациям отдельные сделки с цифровыми валютами (пункт 17.23 части 1 статьи 18 Закона о Банке России в редакции Федерального закона № 283-ФЗ). Для цифрового рубля значительная часть таких полномочий закреплена в Законе о Банке России и Законе о национальной платежной системе в редакции ФЗ №340 (статья 82.10 Закона о Банке России, пункты 2 и 5 части 1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе), однако не системно и не как самостоятельное направление публично-финансовой компетенции регулятора.

В развитие предложений К.Б. Раздорожного о расширении компетенции Банка России представляется обоснованным дополнить статью 4 Закона о Банке России нормой о том, что Банк России осуществляет эмиссию цифровых рублей как самостоятельную функцию путем формирования остатка цифровых рублей. Такое дополнение призвано устранить расхождение между Концепцией цифрового рубля, в которой Банк России говорит об эмиссии и называет себя эмитентом цифрового рубля[387], и статьей 82.11 Закона о Банке России, которая относит формирование остатка цифровых рублей к действиям оператора платформы. Эмиссия цифровых рублей, следовательно, в законе не отделена от организации и обеспечения функционирования платформы (пункт 4.2 статьи 4 Закона о Банке

[385] Недров А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков : дис. ... канд. юрид. наук. С. 13, 141.
[386] Раздорожный К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах. С. 11, 153.
[387] Концепция цифрового рубля. Раздел IV «Модель D - двухуровневая розничная модель цифрового рубля».

России), тогда как эмиссию наличных денег закон называет прямо (пункт 2 статьи 4 Закона о Банке России). Прямое закрепление эмиссионной функции, думается, будет способствовать разграничению полномочий эмитента, оператора платформы и органа банковского надзора по правилу статьи 83.1 Закона о Банке России о разделении полномочий при осуществлении функций, предусмотренных федеральными законами, и снизит риск конфликта публичных интересов, а отмеченная А.А. Недровым незавершенность публично-правового режима выпуска и обращения цифрового рубля будет отчасти восполнена[388].

При сравнении с наличными деньгами обнаруживается и второй пробел, поскольку банкноты и монета Банка России прямо названы безусловными обязательствами Банка России, обеспеченными всеми активами Банка России (часть первая статьи 30 Закона о Банке России), тогда как о цифровом рубле такой нормы нет, хотя обязанное лицо по цифровому рублю то же. Обязательство Банка России перед обладателем цифровых рублей возникает из договора счета цифрового рубля, который оператор платформы вправе изменять в одностороннем порядке (часть 13 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе), и к безусловным обязательствам Банка России цифровые рубли закон прямо не относит. Ввиду такого пробела часть первую статьи 30 Закона о Банке России предлагается изложить в следующей редакции «Банкноты и монета Банка России, а также цифровые рубли являются безусловными обязательствами Банка России и обеспечиваются всеми его активами». Предлагаемая редакция, думается, уравняет гарантии по наличной и цифровой формам рубля и будет способствовать укреплению доверия к цифровому рублю, притом часть вторую статьи 30 Закона о Банке России об обязательности приема банкнот и монеты по нарицательной стоимости предложение не затрагивает, поскольку обязанности обеспечить возможность расчетов цифровыми рублями вводятся поэтапно нормами ФЗ №248.

При передаче операционного управления платформой специализированному юридическому лицу, которую предлагает А.А. Недров, роли разграничиваются,

[388] Недров А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков : дис. ... канд. юрид. наук. С. 12.

как представляется, только отчасти, поскольку и в таком случае обязанным лицом перед пользователем останется сам Банк России, который устанавливает правила платформы и вправе в одностороннем порядке изменять договор счета цифрового рубля (статья 82.10 Закона о Банке России, часть 13 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). Думается, что функции оператора платформы целесообразно поручить самостоятельному структурному подразделению Банка России, которое не участвует в банковском регулировании и банковском надзоре. Такое обособление является функциональным, и нового юридического лица не возникает, поскольку Банк России остается единой централизованной системой с вертикальной структурой управления и оператором платформы является сам Банк России (часть первая статьи 83, статья 82.10 Закона о Банке России). Функции Банка России в сфере банковского регулирования и банковского надзора осуществляются через Комитет банковского надзора (часть третья статьи 56 Закона о Банке России), и закон не запрещает включить в состав Комитета руководителя подразделения, выполняющего функции оператора платформы, хотя надзор за участниками платформы осуществляется в том же порядке, что и банковский надзор. По образцу запрета служащим Банка России занимать должности в кредитных, некредитных финансовых и иных организациях (пункт 2 части первой статьи 90 Закона о Банке России) предлагается запретить руководителю названного подразделения и заместителям руководителя совмещать должность с членством в Комитете банковского надзора и закрепить такой запрет в статье 83.1 Закона о Банке России.

Представляется обоснованным также дополнить статью 83.1 Закона о Банке России после слов «организации и ведения бухгалтерского учета Банком России» словами «, выполнении функций оператора платформы цифрового рубля, осуществлении надзора и наблюдения в национальной платежной системе», а названную статью дополнить частью второй в редакции «Проверку соблюдения Банком России как оператором платформы цифрового рубля правил платформы цифрового рубля проводит главный аудитор Банка России». При таком разграничении платформа остается в системе Банка России, обязанное лицо перед

пользователем не меняется и проверка не становится внешней, однако действия оператора будет проверять должностное лицо, независимое по закону от структурных подразделений Банка России (часть вторая статьи 95 Закона о Банке России), и результаты проверки пользователь сможет представить как доказательство в споре с оператором.

Разграничением полномочий внутри Банка России вопрос о сведениях платформы цифрового рубля не решается, и порядок использования таких сведений в надзорных целях, думается, целесообразно установить в главе XII.2 Закона о Банке России, определив цели использования, состав сведений и подразделения, которым сведения передаются. Для анализа деятельности кредитных организаций (статья 75 Закона о Банке России), как представляется, достаточно обобщенных данных о переводах клиентов кредитной организации на счета цифрового рубля, тогда как сведения об операциях конкретных пользователей целесообразно передавать в случаях, предусмотренных федеральным законом. Внутренним разграничением не решается и вопрос о принципах деятельности оператора платформы, поскольку требования к участникам платформы оператор устанавливает сам в правилах платформы (пункт 2 части 1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе), тогда как гарантии участников платежных систем на участников платформы цифрового рубля не распространены. К таким гарантиям относятся равноправный доступ участников одного вида, предварительное ознакомление с предлагаемыми изменениями правил и направление оператору мнения о таких изменениях, а также обоснование перед Банком России новых или повышенных тарифов (части 8 и 8.1 статьи 20, часть 10 статьи 21 Закона о национальной платежной системе). Об изменении правил платформы оператор платформы только уведомляет, размещая информацию на официальном сайте Банка России не менее чем за 60 календарных дней (часть 5 статьи 30.7 того же Закона). Для восполнения такого пробела в главе XII.2 Закона о Банке России предлагается закрепить принципы деятельности оператора платформы, к которым относятся равный доступ кредитных организаций к платформе, недопущение ограничения

конкуренции на рынке платежных услуг и учет влияния предельных сумм операций и остатков (лимитов) и тарифов на устойчивость кредитных организаций. Последний принцип означает учет Советом директоров Банка России последствий решений о тарифах, вознаграждении участников платформы и предельных суммах для устойчивости кредитных организаций.

Цифровизация денежного обращения, как представляется, сопровождается усилением публично-правового начала в эмиссионной деятельности Банка России и в организации расчетов на платформе цифрового рубля, тогда как правоотношение по счету цифрового рубля сохраняет договорную природу. Такое усиление имеет предел, поскольку оператор платформы, обязанный обеспечить учет и хранение информации о совершенных операциях с цифровыми рублями (пункт 3 части 11 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе), не вправе определять и контролировать направления использования цифровых рублей пользователем (часть 5 статьи 30.8 того же Закона). Названный предел платформы закреплен, однако, не полностью, так как ограничения права распоряжаться цифровыми рублями допускаются и договором счета цифрового рубля, который оператор вправе изменять в одностороннем порядке (части 5 и 13 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе).

Таким образом, цифровая валюта центрального банка выступает объектом пяти видов регулятивных правоотношений (эмиссионных, расчетных, бюджетных, налоговых и валютных), а также контрольно-надзорных правоотношений и правоотношений по защите нарушенных прав.

С появлением оператора платформы цифрового рубля как нового субъекта национальной платежной системы изменилось содержание расчетных правоотношений, поскольку обязанным лицом перед пользователем по цифровому рублю является Банк России, тогда как по безналичным денежным средствам перед клиентом обязана сама кредитная организация. В переводе цифровых рублей кредитная организация выступает участником платформы, который обеспечивает доступ к платформе, идентификацию и передачу распоряжений по договору с Банком России, построенному по модели агентского договора, и выполняет

функцию, сопоставимую с функцией банковского платежного агента. Поскольку обязательства по цифровым рублям сосредоточены у Банка России, Банку России принадлежит ведущая роль в защите прав обладателей цифровых рублей и Банк России выступает стороной споров о нарушении таких прав. Вместе с тем в отличие от банкнот и монеты к безусловным обязательствам Банка России закон цифровые рубли прямо не относит, в связи с чем на цифровые рубли предлагается распространить гарантии части первой статьи 30 Закона о Банке России. Банковская система Российской Федерации остается двухуровневой, и нового уровня не возникает, поскольку оператором платформы является сам Банк России, однако в расчетах цифровыми рублями воспроизводятся отдельные черты одноуровневой системы, в которой центральный банк сам обслуживает клиентов. Кредитная организация в модели, которую Банк России в Концепции цифрового рубля называет розничной двухуровневой, выполняет функцию, сходную с функцией филиала, через который пользователь получает услуги Банка России. Перевод средств клиентов в цифровые рубли выводит такие средства из ресурсной базы кредитных организаций, сокращает ликвидность и возможности кредитования таких организаций и приводит к конкуренции Банка России с поднадзорными кредитными организациями за средства клиентов, лишая Банк России нейтральности по отношению к кредитным организациям. Масштаб оттока зависит от тарифов и лимитов, которые устанавливает Совет директоров Банка России, причем лимиты могут быть изменены по усмотрению Банка России. Функции оператора платформы и органа надзора законодатель разграничил только в сфере финансового мониторинга и притом не полностью, поскольку Банк России исполняет обязанности субъекта первичного финансового мониторинга и одновременно осуществляет надзор за участниками платформы, исполняющими те же обязанности. При совмещении Банком России функций эмитента, оператора платформы и органа банковского надзора без должных правовых гарантий возникает риск конфликта публичных интересов Банка России, при котором интерес в расширении обращения цифрового рубля, связанный с защитой

и обеспечением устойчивости рубля, сталкивается с интересом в устойчивости кредитных организаций.

Для устранения такого риска Закон о Банке России предлагается дополнить нормой об эмиссии цифровых рублей как самостоятельной функции Банка России, нормами о функциональном обособлении подразделения, выполняющего функции оператора платформы, и о запрете руководителям такого подразделения совмещать должность с членством в Комитете банковского надзора. В Законе о Банке России предлагается, кроме того, закрепить правила использования сведений платформы в надзорных целях и принципы деятельности оператора платформы, к которым относятся равный доступ кредитных организаций к платформе, недопущение ограничения конкуренции на рынке платежных услуг и учет влияния предельных сумм и тарифов на устойчивость кредитных организаций.

§ 2. Цифровая валюта центрального банка в контрольно-надзорных финансовых правоотношениях

Квалификацию финансового контроля как подотрасли финансового права последовательно обосновала Е.Ю. Грачева в докторской диссертации[389], и применительно к публичному финансовому контролю позицию Е.Ю. Грачевой обоснованно поддерживает и развивает И.О. Антропцева[390]. Единства в доктрине при этом нет, поскольку Н.И. Химичева, О.Н. Горбунова и С.В. Запольский рассматривают финансовый контроль как самостоятельный институт общей части финансового права, Д.В. Винницкий как комплексный межотраслевой институт, тогда как О.А. Ногина отрицает возможность выделения подотрасли[391]. И.Б. Лагутин относит финансовый контроль к комплексным (смешанным) институтам Общей части финансового права, которые регулируются нормами не только финансового права, и подчеркивает, что контрольные отношения

[389] Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 242.

[390] Обзор доктринальных позиций Е. А. Ровинского, Н. И. Химичевой, О. Н. Горбуновой, С. В. Запольского, Д. В. Винницкого, О. А. Ногиной, А. А. Ялбулганова о месте финансового контроля в системе финансового права см.: Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации. С. 73-82; Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля. Гл. I, § 1.3.

[391] См.: Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации. С. 74, 79-80.

присутствуют также в денежном обращении, бюджетном и налоговом праве[392]. Для цифрового рубля такое наблюдение существенно, поскольку контроль за операциями с цифровым рублем осуществляется в том числе в сфере денежного обращения.

Е.Ю. Грачева характеризует контрольные правоотношения как властеотношения, в которых каждый субъект контроля обеспечивается властными полномочиями, необходимыми для выполнения целей контроля[393]. М.В. Вожагов приводит более подробную характеристику, данную Е.Ю. Грачевой, согласно которой финансово-контрольные правоотношения возникают и развиваются в рамках финансовой деятельности государства, являются публично-правовыми имущественными властеотношениями, и одной из сторон таких правоотношений всегда выступает государство в лице компетентных органов[394]. Применительно к цифровому рублю такие правоотношения целесообразно рассматривать с опорой на выработанное доктриной разграничение финансового контроля, который предполагает проверку и законности, и целесообразности деятельности подконтрольного субъекта, надзора, который ограничивается проверкой соблюдения установленных требований и не вмешивается в оперативную деятельность поднадзорного лица[395], и наблюдения. Наблюдение направлено на совершенствование деятельности субъектов национальной платежной системы и на развитие платежных систем, платежной инфраструктуры и платформы цифрового рубля на основе рекомендаций Банка России (часть 5 статьи 31 Закона о национальной платежной системе).

Цифровой рубль включается в систему контрольно-надзорных финансовых правоотношений в сфере денежного обращения, формы и методы контроля и надзора в которой раскрыты А.А. Ситником. Развивая в том числе положения

[392] Лагутин И. Б. К вопросу о системе финансового права: классический и инновационный подходы. С. 31.
[393] Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. Гл. 4, § 3.
[394] Вожагов М. В. Правовое регулирование финансового контроля за оборотом цифровых активов в России и зарубежных государствах. С. 73.
[395] См.: Ситник А. А. Государственный финансовый контроль и надзор: разграничение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 7. С. 3-7.

Е.Ю. Грачевой о контроле как стадии управления, А.А. Ситник относит операции с электронными денежными средствами и виртуальными валютами к особым объектам контроля[396].

Контрольно-надзорное финансовое правоотношение включает субъектов, объект и содержание, которое составляют права и обязанности субъектов публичного финансового контроля, реализуемые в установленных финансовым законодательством формах и видах и определенными методами. И.О. Антропцева раскрывает категории субъектов и объектов публичного финансового контроля и обращает внимание на расширение круга субъектов за счет уполномоченных лиц, не входящих в систему органов публичной власти[397].

В системе цифрового рубля Банк России совмещает статус оператора платформы и контрольно-надзорного органа. По оценке И.О. Антропцевой, «Центральный банк РФ является органом, обладающим особым статусом, за которым закреплен значительный объем контрольно-надзорных полномочий: банковский надзор, наблюдение и надзор в национальной платежной системе, надзор за деятельностью некредитных финансовых организаций, валютный контроль»[398]. С появлением цифрового рубля к названному перечню фактически добавляется проверка операций с цифровыми рублями, которая осуществляется через инфраструктуру платформы и, поскольку все операции с цифровыми рублями совершаются на платформе, является сплошной и непрерывной в пределах, установленных законом. Такую проверку представляется обоснованным называть контролем в сфере денежного обращения, связанным с операциями с цифровыми рублями, причем контроль понимается в широком значении, которое охватывает надзор и мониторинг. Проверка операций самим оператором платформы по содержанию является надзором за операциями с цифровыми рублями в доктринальном значении термина, поскольку в законодательстве такой вид надзора не назван.

---

[396] Ситник А. А. Финансовый контроль и надзор в сфере денежного обращения в Российской Федерации : монография. М. : Проспект, 2020.

[397] Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации. С. 160, 180.

[398] Там же. С. 252.

Надзор за операциями с цифровыми рублями основан на полномочиях оператора платформы, который устанавливает правила платформы цифрового рубля и осуществляет контроль за соблюдением таких правил (часть 1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе). При приеме распоряжения к исполнению оператор платформы удостоверяется в праве лица распоряжаться остатком цифровых рублей, проверяет реквизиты распоряжения и достаточность цифровых рублей (часть 10 статьи 7.1 того же Закона). Оператор платформы вправе отказать в совершении операции с признаками перевода без добровольного согласия клиента (часть 12 статьи 7.1 того же Закона). Процедуры в целях ПОД/ФТ оператор платформы обязан осуществлять на постоянной основе (подпункт 1 пункта 1 статьи 7.9 Федерального закона № 115-ФЗ). Проверка операций оператором платформы названа надзором, поскольку оператор платформы проверяет соответствие операции установленным требованиям, а определять и контролировать направления использования цифровых рублей не вправе (часть 5 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). Такой надзор не совпадает с банковским надзором, который Банк России осуществляет за кредитными организациями (статья 56 Закона о Банке России). Надзор за операциями с цифровыми рублями не совпадает и с надзором в национальной платежной системе, под которым закон понимает контроль за соблюдением требований операторами, перечисленными в законе (часть 2 статьи 31 Закона о национальной платежной системе). Вместе с тем среди агентов валютного контроля оператор платформы не назван (часть 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании), в связи с чем полномочиями агента валютного контроля в отношении операций пользователей оператор платформы не наделен.

В части объекта контрольно-надзорных правоотношений возникают новые категории, к которым относятся цифровая валюта (криптовалюта) и цифровой рубль, операции с цифровыми финансовыми активами, операции майнинга, переходные расчеты между цифровой и нецифровой формами валюты и операции

на инвестиционных платформах[399]. Применительно к каждому из названных объектов меняются способы получения сведений об операциях и проверки операций, поскольку такие операции в значительной части совершаются вне счетов в кредитных организациях, а сведения о таких операциях находятся, в частности, у операторов информационных систем, организаций, осуществляющих обмен цифровых валют, и оператора платформы цифрового рубля. В связи с названными особенностями такие объекты не всегда укладываются в доктринальные конструкции, выработанные для наличных и безналичных денежных средств.

Появление цифровой валюты и цифровой валюты центрального банка затрагивает различные виды финансового контроля и надзора, однако сильнее всего, как представляется, меняется валютно-правовой режим. Модель валютного регулирования складывалась вокруг расчетов через банковские счета в уполномоченных банках, и оборот новых денежных (цифровой рубль и иностранные цифровые валюты центральных банков) и неденежных (цифровые валюты) объектов в такую модель полностью не укладывается, хотя расчеты резидентов - юридических лиц по валютным операциям через счета цифрового рубля законом допускаются (часть 2 статьи 14 Закона о валютном регулировании), а цифровые валюты с 1 сентября 2026 г. отнесены к валютным ценностям (пункт 5 части 1 статьи 1 того же Закона).

Во-первых, для цифровой валюты установлен специальный режим, ограничивающий использование цифровой валюты как средства платежа, и такой режим сохранен Законом о цифровых валютах, однако запрет не распространяется, в частности, на расчеты по внешнеторговым договорам между резидентами и нерезидентами (часть 6 и пункт 1 части 7 статьи 1 Закона о цифровых валютах).

Во-вторых, с появлением иностранных цифровых валют центральных банков валютному регулятору требуется адаптировать понятие валютной операции к технологически новым объектам.

[399] См., напр.: пункт 1 части 1 статьи 2 и глава 2 Закона о цифровых валютах (вступил в силу с 1 сентября 2026 г., часть 1 статьи 56 того же Закона), статья 7.1 Закона о национальной платежной системе.

В-третьих, трансграничные расчеты с использованием цифровых валют центральных банков выходят за пределы традиционных полномочий агентов валютного контроля. Операции с цифровыми рублями как формой национальной валюты из валютного контроля не исключены, поскольку к валютным операциям отнесены не только операции с валютными ценностями, но и приобретение, отчуждение и использование в качестве средства платежа валюты Российской Федерации в отношениях между резидентом и нерезидентом и между нерезидентами (подпункты «б» и «в» пункта 9 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании).

О.Н. Горбунова обоснованно разграничивает денежные отношения в целом и финансовые правоотношения, поскольку финансовые отношения всегда являются денежными, однако «отнюдь не все отношения по поводу денег являются финансовыми»[400]. Отношение по поводу денег относится к финансовым постольку, поскольку в таком отношении участвует публичный субъект и само отношение складывается в процессе публичной финансовой деятельности[401]. Валютный контроль такому критерию отвечает, поскольку валютная деятельность государства связана с образованием и использованием валютных фондов страны, а сам контроль обеспечивает устойчивость национальной валюты и платежного баланса.

Для цифровой валюты центрального банка такое разграничение имеет определяющее значение, поскольку при единой платформе цифровой рубль в зависимости от характера правоотношений выступает объектом гражданского оборота при оплате товаров и услуг между частными лицами либо объектом эмиссионных, расчетных, бюджетных, налоговых и валютных финансовых правоотношений.

В доктрине финансового права подробно исследуются вопросы цифровизации финансового контроля[402], правовой режим цифрового рубля и иных

[400] Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. С. 73.
[401] Там же. С. 116.
[402] См.: Запольский С. В., Васянина Е. Л. Финансовый контроль в эпоху цифровизации // Финансовое право. 2022. № 7. С. 8-12.

цифровых валют центральных банков[403], а также проблемы включения цифровых активов в валютные правоотношения[404]. Однако комплексных исследований финансового контроля в условиях сосуществования цифровых валют центральных банков и криптовалют недостаточно.

В юридической литературе цифровизация публичного финансового контроля понимается не как внедрение информационных технологий в сложившуюся контрольную деятельность, а как изменение самой природы контроля, которое будет реализовываться в форме «непрерывного», встроенного и превентивного контроля[405]. И.О. Антропцева разграничивает цифровизацию публичного управления и автоматизацию, поскольку цифровизация шире, выделяет в цифровизации «изменение характера коммуникаций»[406], и обосновывает в докторской диссертации выделение самостоятельной категории «цифровой публичный финансовый контроль»[407]. Применительно к цифровому рублю автор обоснованно указывает на двойственную функцию нового объекта, который может использоваться «в качестве механизма контроля за движением денежных средств, в том числе целевым использованием бюджетных средств, уплатой налогов, подтверждением происхождения денежных средств»[408]. Следовательно, цифровая валюта центрального банка выступает и объектом контрольно-надзорных правоотношений, и инструментом финансового контроля, поскольку операции

---

[403] См.: Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля. С. 48-55.

[404] См.: Ситник А. А. Объекты валютных правоотношений в условиях противодействия ограничительным мерам, введенным со стороны недружественных государств // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 7 (164). С. 65-72.

[405] См.: Антропцева И. О. Цифровизация публичного финансового контроля. Гл. I, § 1.3; Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации. С. 16.

[406] Антропцева И. О. Цифровизация публичного финансового контроля. Гл. I, § 1.1. Автор опирается на зарубежные работы, указанные ниже. Под цифровым артефактом понимается нематериальный объект, созданный в цифровой среде (интернет, VR, блокчейн), на цифровом носителе информации (текст, NFT, 3D-модели). По вопросу создания новых правовых связей с цифровыми артефактами см. подробнее: Bloomberg J. Digitization, Digitalization and Digital Transformation: Confuse Them at Your Peril // Forbes. 2018. 29 April. URL: https://www.forbes.com/sites/jasonbloomberg/2018/04/29/digitization-digitalization-and-digital-transformation-confuse-them-at-your-peril/ (дата обращения: 27.01.2026); Verhoef P.C., Broekhuizen T., Bart Y., Bhattacharya A., Dong J.Q., Fabian N., Haenlein M. Digital Transformation: A Multidisciplinary Reflection and Research Agenda // Journal of Business Research. 2021. Vol. 122. P. 889-901. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296319305478 (дата обращения: 27.01.2026).

[407] Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации. С. 274-275 (вводная часть гл. IV «Цифровой публичный финансовый контроль как самостоятельный вид публичного финансового контроля»).

[408] Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации. С. 310-311.

с цифровыми рублями подлежат проверке и в то же время формируют на платформе сведения, которые используются для финансового контроля. В традиционных доктринальных конструкциях финансового контроля, как представляется, объект контроля и средства контроля разделены и такое совпадение не учитывается, в связи с чем применительно к цифровой валюте центрального банка объект и инструмент контроля необходимо рассматривать во взаимосвязи.

В развитие концепции валютного контроля, разработанной Н.М. Артемовым[409], валютный контроль с учетом возрастающей роли цифровой идентификации участников валютных операций может быть рассмотрен и как совокупность требований к участникам валютного рынка, то есть к физическим и юридическим лицам, идентифицируемым посредством цифровых идентификаторов. Такие требования направлены на обеспечение соблюдения валютного законодательства при проведении валютных операций.

По мнению С.В. Запольского и Е.Л. Васяниной, контроль, надзор, аудит и мониторинг[410] являются самостоятельными и одновременно взаимодополняемыми формами осуществления финансового контроля, порядок применения которых зависит от особенностей правового статуса подконтрольных субъектов, а введение цифровых технологий, позволяющих усовершенствовать сбор, обработку и хранение информации, «приводит к новым формам взаимодействия контрольных органов и контролируемых субъектов и, как следствие, к изменению объема прав и обязанностей участников финансового правоотношения»[411]. Такая оценка представляется обоснованной, поскольку единые массивы данных позволяют вести налоговый и валютный контроль и финансовый мониторинг одновременно, что усиливает превентивное начало и снижает роль последующих проверок.

---

[409] См.: Артемов Н. М., Шохин С. О., Ситник А. А. Финансово-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности : учебник для магистратуры / отв. ред. Е. Ю. Грачева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. С. 16-17.

[410] Интересно отметить точку зрения С. О. Шохина, согласно которой понятия «контроль», «надзор» и «аудит» схожи до степени смешения, поэтому являются взаимозаменяемыми. См.: Шохин С. О. Контроль, надзор и аудит в финансовой сфере // Финансовое право. 2018. № 12. С. 7.

[411] Запольский С. В., Васянина Е. Л. Финансовый контроль в эпоху цифровизации. С. 8.

Наиболее системно вопросы финансового контроля в сфере цифровых активов исследованы М.В. Вожаговым. Автор выделяет четыре вида контроля. Это налоговый контроль в отношении операций с цифровыми активами, валютный контроль в отношении операций с цифровыми активами, контроль за соблюдением требований законодательства о противодействии отмыванию денежных средств и финансированию терроризма при совершении операций с цифровыми активами (финансовый мониторинг) и контроль Банка России в отношении некредитных финансовых организаций, осуществляющих деятельность в сфере финансовых технологий[412].

Эту классификацию можно взять за основу и для контроля за оборотом цифрового рубля, но представляется необходимым ее адаптировать. Прежде всего, в классификацию нужно включить валютный контроль за операциями с цифровыми рублями. На это указывают как общие нормы о валютных операциях с участием нерезидента (подпункты «б» и «в» пункта 9 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании), так и специальные нормы о цифровом рубле. Счета цифрового рубля включены в перечень форм расчетов при валютных операциях резидентов (части 2 и 3 статьи 14 Закона о валютном регулировании), а операции с цифровыми рублями названы среди валютных операций между нерезидентами (часть 1 статьи 10 Закона о валютном регулировании), причем нерезиденты вправе без ограничений осуществлять операции с цифровыми рублями, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации (часть 4.1 статьи 13 Закона о валютном регулировании).

Следовательно, цифровой рубль включен в валютно-правовой механизм и как форма расчета, и как предмет валютной операции. Далее, место контроля Банка России в отношении некредитных финансовых организаций применительно к платформе занимает надзор в национальной платежной системе за участниками платформы. Участником платформы закон называет оператора по переводу денежных средств, за исключением Банка России, или иностранный банк, которые

[412] Вожагов М. В. Правовое регулирование финансового контроля за оборотом цифровых активов в России и зарубежных государствах. С. 11, 95-109.

предоставляют пользователям платформы доступ к платформе в целях совершения операций с цифровыми рублями (пункт 41 статьи 3 Закона о национальной платежной системе). Такой надзор получает особое содержание, поскольку Банк России совмещает функции регулятора и оператора платформы.

Наконец, помимо названных видов контроля возникает контроль за функционированием самой платформы как государственно значимой инфраструктуры. Закон называет платформу объектом наблюдения, а оператора платформы к поднадзорным организациям не относит (части 4 и 5 статьи 31 Закона о национальной платежной системе). Наблюдение же ведется на основе рекомендаций Банка России, и обязанностей оператора платформы перед контролирующим субъектом при наблюдении, как представляется, не возникает. Следовательно, завершенной правовой регламентации контроль за функционированием платформы в действующем законодательстве не получил.

На основе типологии М.В. Вожагова представляется обоснованным выделить для цифрового рубля самостоятельную систему контрольно-надзорных правоотношений. Такая система включает налоговый контроль за операциями в цифровых рублях, валютный контроль за операциями резидентов и нерезидентов, финансовый мониторинг операций с цифровыми рублями, надзор в национальной платежной системе за участниками платформы и контроль за функционированием платформы цифрового рубля как государственно значимой инфраструктуры.

Последний элемент представляет собой новое направление контрольно-надзорной деятельности, которое нуждается в самостоятельном нормативном закреплении. Оператором платформы и контролирующим субъектом здесь выступает Банк России. Следовательно, для контроля за функционированием платформы функции оператора и органа надзора нужно разграничить внутри Банка России путем функционального обособления подразделения, которое выполняет функции оператора платформы.

Из приведенного перечня элементов следует более общая закономерность. Включение нового объекта в отраслевой контрольный режим проходит, как представляется, четыре стадии (понятийную, операционную, контрольную

и стадию ответственности). На первых двух стадиях объект называется в дефинициях отрасли и допускается как форма расчета или предмет операции. На следующих стадиях лицо, которое ведет учет объекта или обеспечивает проведение операций с объектом, наделяется обязанностями перед контролирующим субъектом, а за неисполнение таких обязанностей устанавливаются санкция и процедура обжалования. Отсюда вытекает двойной критерий. Объект можно считать включенным в контрольный режим, если лицо, которое ведет учет объекта или обеспечивает проведение операций с объектом, является адресатом обязанности перед контролирующим субъектом. Включение можно считать завершенным, если такая обязанность обеспечена санкцией.

В налоговом контроле пройдены все четыре стадии[413]. В финансовом мониторинге пройдены первые три стадии[414], а стадию ответственности прошел применительно к участникам платформы (части первая и третья статьи 13 Федерального закона № 115-ФЗ), но не к оператору платформы. Для оператора платформы названный Закон прямо предусматривает только дисциплинарную ответственность должностных лиц оператора (часть пятая статьи 13 названного Закона). Применительно к надзору в национальной платежной системе пройдены три стадии за счет обязанностей участников платформы, которые обеспечивают проведение операций с цифровыми рублями. Стадия ответственности в таком надзоре, как и в финансовом мониторинге, пройдена применительно к участникам платформы, являющимся кредитными организациями (часть 3 статьи 31 Закона о национальной платежной системе, статья 74 Закона о Банке России), но не к оператору платформы, поскольку оператор платформы ведет счета цифрового рубля, однако поднадзорным лицом не является. В контроле за функционированием платформы как инфраструктуры пройдена только первая стадия, поскольку при наблюдении обязанностей оператора платформы перед контролирующим субъектом не возникает.

---

[413] Статья 11, статьи 46, 48 и 76, статья 86 и статья 135.2 НК РФ (соответственно понятийная, операционная, контрольная стадии и стадия ответственности).

[414] Статьи 2, 3 и глава II.1 (в том числе статья 7.9 об обязанностях оператора платформы цифрового рубля) Федерального закона № 115-ФЗ.

В валютном контроле цифровой рубль допущен как форма расчета при валютных операциях (части 2 и 3 статьи 14 Закона о валютном регулировании). Однако ни счета цифрового рубля, ни оператор платформы не названы ни в норме о репатриации, ни в статьях о составе органов и агентов валютного контроля и о правах органов и агентов (статьи 19, 22 и 23 того же Закона). Уполномоченные банки как участники платформы обеспечивают проведение операций с цифровыми рублями и сохраняют общие обязанности агентов валютного контроля (часть 7 статьи 23 того же Закона). Вместе с тем счета цифрового рубля уполномоченные банки не ведут и полными сведениями об операциях по таким счетам не располагают. Оператор платформы, напротив, ведет счета цифрового рубля, но адресатом обязанностей перед органами валютного контроля не является. Следовательно, контрольная стадия в валютном контроле пройдена только формально, без участия лица, которое располагает сведениями об операциях.

В отличие от иностранной цифровой валюты центрального банка, которая прямо названа в понятии иностранной валюты (подпункт «б» пункта 2 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании), цифровой рубль в понятии валюты Российской Федерации прямо не назван и охватывается таким понятием, как представляется, только постольку, поскольку счет цифрового рубля признан отдельным видом банковского счета (подпункт «б» пункта 1 части 1 статьи 1 того же Закона, часть 2 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). Следовательно, понятийная стадия включения цифрового рубля в валютный контроль пройдена не полностью. В бюджетном контроле, который в названную систему контрольно-надзорных правоотношений не входит, пройдены только первые две стадии, поскольку в БК РФ определены счет цифрового рубля Федерального казначейства и порядок переводов по такому счету (статьи 6 и 242.11-1 БК РФ), а обязанности оператора платформы перед органами государственного (муниципального) финансового контроля не установлены. Таким образом, цифровой рубль включается в отраслевые контрольные режимы, как представляется, поэтапно, а число пройденных стадий можно использовать

как измеримый показатель завершенности такого включения, в том числе для оценки других объектов.

В традиционной модели валютного контроля, закрепленной Законом о валютном регулировании, контроль осуществлялся через систему органов валютного контроля (часть 2 статьи 22 того же Закона) и агентов валютного контроля (часть 3 той же статьи), прежде всего уполномоченных банков, на основе отчетности и подтверждающих документов, и внедрение цифрового рубля такую конструкцию не изменило. В 2026 году законодатель расширил круг агентов валютного контроля за счет организаций, осуществляющих обмен цифровых валют, цифровых депозитариев и операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (часть 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании в редакции Федерального закона № 283-ФЗ), однако оператор платформы цифрового рубля в указанном перечне не назван.

Сохранение традиционной конструкции валютного контроля не исключает изменения роли агентов валютного контроля, и главным фактором такого изменения выступает внедрение цифрового рубля и создание платформы, оператором которой является Банк России, то есть централизованной цифровой инфраструктуры, в которой остаток цифровых рублей формируется, учитывается и контролируется. Лицам, круг которых определен статьей 82.12 Закона о Банке России, доступ к платформе предоставляет непосредственно оператор[415], тогда как прочие пользователи получают доступ через участника платформы.

Во-первых, с созданием такой платформы Банк России совмещает функции органа валютного регулирования и валютного контроля с функцией оператора цифровой платформы, и тем самым институциональное положение Банка России усиливается. Во-вторых, кредитные организации как участники платформы фактически утрачивают часть контрольных возможностей, которыми располагали в качестве агентов валютного контроля, хотя сам статус агента сохраняют. С.М. Миронова и К.А. Пономарева обращают внимание на то, что банки

[415] Часть 12 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе.

выполняют различные функции в разных видах финансовых правоотношений. В налоговых отношениях кредитная организация, по наблюдению авторов, выступает посредником между налогоплательщиком и налоговым органом и выполняет обязанности, связанные с осуществлением налогового контроля, кроме того, банки являются агентами валютного контроля и контролируют операции клиентов в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем[416]. В валютном контроле за операциями с цифровыми рублями роль кредитных организаций из контрольной становится преимущественно технической и посреднической. Такая роль связана с обеспечением доступа клиентов к платформе, идентификацией и проверкой правомочий на распоряжение средствами. Причина состоит в том, что счет цифрового рубля уполномоченный банк не ведет и перевод цифровых рублей не осуществляет. При валютной операции по счету, открытому в самом банке, уполномоченный банк вправе запрашивать и получать документы, связанные с проведением такой операции (часть 4 статьи 23 Закона о валютном регулировании). Если операция нарушает валютное законодательство или документы не представлены, уполномоченный банк отказывает в осуществлении операции (абзац четвертый части 5 той же статьи). Положение участника платформы не обеспечивает уполномоченному банку тех же возможностей непосредственного контроля за валютными операциями с цифровыми рублями. Если доступ нерезиденту предоставляет иностранный банк, являющийся участником платформы, агент валютного контроля на стороне нерезидента в расчетах не участвует (абзац второй части 1 статьи 13 и часть 3 статьи 22 того же Закона).

При совмещении Банком России функций органа валютного контроля и оператора платформы сведения об операциях и полномочия по контролю за такими операциями принадлежат, как представляется, разным субъектам либо одному субъекту в разных качествах, то есть информационная и властная составляющие контрольно-надзорного правоотношения разделены.

[416] См.: Миронова С. М., Пономарева К. А. Трансформация роли банков в условиях развития гиг-экономики // Банковское право. 2024. № 2. С. 32-39.

В традиционной модели валютного контроля сведения и компетенция также разделены между разными лицами, поскольку документы запрашивает и получает агент валютного контроля (часть 4 статьи 23 Закона о валютном регулировании), а меры ответственности применяет орган валютного контроля (пункт 2 части 2 той же статьи).

Особенность операций с цифровыми рублями состоит в том, что такое разделение возникает внутри одного лица, которое выступает в разных функциях. Как оператор платформы Банк России располагает полными сведениями об операциях по счетам цифрового рубля. Однако как орган валютного контроля Банк России не обладает компетенцией в отношении прочих лиц, которые совершают такие операции. К ведению Банка России отнесены кредитные и иные прямо названные организации. Контроль за операциями прочих резидентов и нерезидентов возложен на федеральные органы исполнительной власти и на агентов, которые счетов цифрового рубля не ведут и полными сведениями об операциях по таким счетам не располагают[417]. Следовательно, сведения и компетенция разделены внутри одного субъекта, между двумя правовыми состояниями Банка России, в связи с чем такое разделение нельзя устранить расширением ни перечня органов, ни перечня агентов. Устранить такое разделение, как представляется, можно, если возложить на оператора платформы обязанность представлять органам валютного контроля документы и информацию о валютных операциях с цифровыми рублями, то есть дополнить статью 23 Закона о валютном регулировании. Действующая часть 11 статьи 23 названного Закона обязывает органы и агентов валютного контроля, в том числе Банк России, представлять документы и информацию органу валютного контроля, уполномоченному Правительством Российской Федерации. Однако объем и порядок представления определяет Правительство Российской Федерации по согласованию с Банком России. Сведения об операциях по счетам цифрового рубля Банк России получает не как орган валютного контроля, а как оператор платформы. Закон

[417] Части 4 и 5 статьи 22 Закона о валютном регулировании.

не определяет, распространяется ли названная обязанность на такие сведения. Дополнить предлагается именно статью 23 Закона о валютном регулировании, поскольку частями 9-11 и 13 названной статьи урегулирована передача документов и информации органам валютного контроля, а частью 6 статьи 22 того же Закона урегулированы координация органов и агентов валютного контроля и передача информации уполномоченными банками как агентами, тогда как оператор платформы агентом валютного контроля не является. Необходимость такого дополнения подтверждается и положением федеральных органов исполнительной власти, которые осуществляют функции органов валютного контроля. Такими органами являются ФНС России и Федеральная таможенная служба (далее – ФТС России)[418]. Права получать от оператора платформы сведения об операциях с цифровыми рублями для целей валютного контроля закон таким органам прямо не предоставляет.

Органы валютного контроля вправе запрашивать документы и информацию, связанные с проведением валютных операций (пункт 3 части 1 статьи 23 Закона о валютном регулировании). Обязанность представлять такие документы и информацию закон возлагает на резидентов и нерезидентов, которые осуществляют валютные операции, и на агентов валютного контроля (пункт 1 части 2 статьи 24 и пункт 2 части 7 статьи 23 названного Закона). Копии документов таможенные и налоговые органы запрашивают у уполномоченных банков и государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» как агентов валютного контроля (часть 13 статьи 23 названного Закона). Оператора платформы в числе обязанных лиц Закон о валютном регулировании не называет. ФНС России получает от оператора платформы сведения о счетах цифрового рубля и выписки по таким счетам как налоговый орган и в случаях, которые перечислены в пункте 2 статьи 86 НК РФ. Валютного контроля среди таких случаев нет. Следовательно, для валютного контроля закреплена только общая обязанность органов и агентов

[418] См.: Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2024. Комментарий к статье 22.

валютного контроля представлять документы и информацию органу валютного контроля, уполномоченному Правительством Российской Федерации (часть 11 статьи 23 Закона о валютном регулировании). Специальной нормы, которая, подобно части 13 статьи 23 того же Закона, обязывала бы оператора платформы передавать ФНС России и ФТС России сведения об операциях с цифровыми рублями для целей валютного контроля, в законе нет.

Такой вывод подтверждается решением законодателя в отношении нерезидентов, которые открывают счет цифрового рубля в Российской Федерации. Счета нерезидентам открывает оператор платформы, а доступ нерезидентам предоставляют уполномоченные банки либо иностранные банки, являющиеся участниками платформы, и только в предусмотренных федеральным законом случаях сам оператор[419]. Тем самым счета нерезидентов ведет и расчеты по таким счетам проводит не уполномоченный банк как агент валютного контроля, а оператор платформы. Однако полномочий по валютному контролю за операциями пользователей оператор платформы не получил, и обязанности перед органами валютного контроля остались у уполномоченных банков, которые счетов цифрового рубля не ведут.

О.Н. Горбунова Интересен обосновала кибернетический подход, который строится на понятиях системного анализа, прямых и обратных связей, информации как связующего элемента системы[420]. Как обоснованно указывает автор, «через нормы финансового права и правоотношения создаются правовые коридоры для проявления в государственном управлении прямых и обратных связей, обеспечивающих всю реальную практическую деятельность государства и делающих эту деятельность прозрачной»[421]. Финансы выступают одновременно инструментом управления и источником управленческой информации. Применительно к цифровому рублю оба названных свойства финансов соединены на платформе, поскольку Банк России как оператор платформы устанавливает

[419] Абзац второй части 1 статьи 13 Закона о валютном регулировании; статья 82.12 Закона о Банке России.
[420] Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. С. 21-25.
[421] Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. С. 6.

правила платформы и осуществляет контроль за соблюдением таких правил (часть 1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе) и одновременно обеспечивает учет и хранение информации о совершенных операциях с цифровыми рублями (пункт 3 части 11 той же статьи).

Платформа цифрового рубля является информационной системой, оператор которой ведет учет всех операций с цифровыми рублями (пункт 3 части 11 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе) и располагает сведениями о каждой операции в момент совершения операции[422], и тем самым сведения, на которых основаны прямые и обратные связи в государственном управлении, формируются у оператора платформы в режиме реального времени. С такой точки зрения цифровую валюту центрального банка можно считать технической реализацией концепции прозрачной финансовой деятельности государства, обоснованной в отечественной финансово-правовой доктрине. Сведения оператора платформы об операциях с цифровыми рублями имеют то же назначение, что и сведения, которые кредитные организации накапливают об операциях клиентов по банковским счетам, и необходимы для налогового и валютного контроля, финансового мониторинга и иных видов финансового контроля, однако сведения об операциях по банковским счетам распределены между кредитными организациями. Такое различие законодатель учел для налогового контроля (пункты 1.1 и 2 статьи 86 НК РФ) и для финансового мониторинга (подпункт 15 пункта 1 статьи 7.9 и статья 7.12 Федерального закона № 115-ФЗ), тогда как для валютного контроля подобной нормы нет.

Изменение роли кредитных организаций как агентов публичного финансового контроля можно оценить с помощью концепции дополнительной правосубъектности кредитной организации, предложенной Т.С. Дорошок. По мнению автора, публично-контрольные полномочия кредитных организаций не входят в правовой статус таких организаций как коммерческих лиц и образуют дополнительную правосубъектность, которую федеральные законы определяют

[422] Пункты 3.6 и 5.17 Положения № 820-П.

в целях обеспечения финансовой безопасности государства в сферах бюджетного, валютного и налогового контроля, контроля в национальной платежной системе и противодействия легализации преступных доходов[423]. Т.С. Дорошок полемизирует с применением к кредитным организациям категории «юридическое лицо публичного права», которую используют С.В. Рыбакова и О.М. Олейник[424], поскольку основная часть признаков такого лица кредитным организациям не свойственна[425].

Для цифрового рубля такая концепция особенно важна, поскольку кредитные организации не ведут счета цифрового рубля клиентов (пункт 1 части 11 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе) и цифровые рубли клиентов в ресурсную базу кредитных организаций не входят, а участие кредитных организаций в обороте цифрового рубля образует обособленную группу правоотношений.

Другое положение концепции Т.С. Дорошок касается разграничения активной публично-контрольной правосубъектности кредитной организации, которая реализуется, когда кредитная организация сама осуществляет государственный финансовый контроль, и пассивной, когда кредитная организация обеспечивает контроль, исполняя обязанности по предоставлению информации уполномоченным органам[426]. За кредитными организациями в режиме цифрового рубля остаются идентификация пользователей платформы, первичный финансовый мониторинг операций с цифровым рублем в целях противодействия легализации преступных доходов, информирование Росфинмониторинга и Банка России, а также противодействие переводам без добровольного согласия клиента (часть 11 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе).

---

[423] Дорошок Т. С. Кредитные организации как участники правоотношений в сфере государственного финансового контроля. С. 19, 108-109.

[424] Рыбакова С. В. Теоретические основы регулирования деятельности кредитных организаций как субъектов современного финансового права : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 397; Олейник О. М. Основы банковского права : курс лекций. М. : Юристъ, 1997. С. 80. Цит. по: Дорошок Т. С. Кредитные организации как участники правоотношений в сфере государственного финансового контроля. С. 104, 109.

[425] Дорошок Т. С. Кредитные организации как участники правоотношений в сфере государственного финансового контроля. С. 101-106 (разд. 1.3 «Правовой статус кредитных организаций как участников государственного финансового контроля»).

[426] Там же. С. 97-98, 104.

По классификации Т.С. Дорошок финансовый мониторинг и противодействие таким переводам относятся к активной правосубъектности, а представление информации Банку России к пассивной[427]. Активная публично-контрольная правосубъектность кредитной организации в расчетах цифровыми рублями оказывается более узкой, чем в расчетах по банковским счетам. Операции с цифровыми рублями совершаются на платформе Банка России, технические возможности контроля сосредоточены у оператора платформы, и «пресекательно-обеспечительные меры финансово-правового принуждения»[428] кредитная организация может применять самостоятельно только в той мере, в какой обеспечивает клиенту доступ к платформе.

Сведениями обо всех операциях с цифровыми рублями в момент совершения операций располагает оператор платформы, и, думается, именно наличием у оператора таких сведений объясняется решение законодателя наделить обязанностями субъекта первичного финансового мониторинга и Банк России. Оператор платформы оценивает степень (уровень) риска совершения пользователями подозрительных операций, относит каждого пользователя, кроме кредитных организаций, к одной из трех групп риска, применяет меры по замораживанию (блокированию) цифровых рублей и по запросу Росфинмониторинга как уполномоченного органа представляет информацию об операциях с цифровыми рублями (подпункты 4, 8, 9 и 15 пункта 1 статьи 7.9 Федерального закона № 115-ФЗ). Сведения об операциях, подлежащих обязательному контролю, оператор платформы направляет в Росфинмониторинг, если пользователь передал распоряжение непосредственно оператору, а доступ к платформе такому пользователю предоставляет участник платформы (подпункт 1 пункта 1 статьи 7.10 названного Закона). Участник платформы, который предоставляет пользователю доступ к платформе, несет обязанности, установленные для кредитных организаций при совершении клиентами операций

[427] Дорошок Т. С. Кредитные организации как участники правоотношений в сфере государственного финансового контроля. С. 98-99.
[428] Там же. С. 114, 119.

по банковским счетам (пункт 1 статьи 7.11 названного Закона). Контроль (надзор) за исполнением требований Федерального закона № 115-ФЗ кредитными организациями осуществляет Банк России (абзац первый пункта 2 и абзац третий пункта 5 статьи 9.1 названного Закона). Следовательно, Банк России совмещает положение субъекта первичного финансового мониторинга и органа надзора за участниками платформы, исполняющими те же обязанности. Контроль за самим оператором платформы законодатель поручил главному аудитору Банка России (абзац пятый пункта 2 статьи 9.1 Федерального закона № 115-ФЗ), однако функции оператора платформы и органа надзора за участниками платформы закон не разграничил.

Федеральное казначейство на дату настоящего исследования не отнесено ни к органам, ни к агентам валютного контроля, поскольку часть 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании не называет Федеральное казначейство среди агентов валютного контроля, а органами валютного контроля по части 2 той же статьи наряду с Банком России являются федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные Правительством Российской Федерации, тогда как Федеральное казначейство такого полномочия не получило. Изменения, которыми часть 3 названной статьи дополняется указанием на федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление бюджетных полномочий по казначейскому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, вступают в силу с 1 января 2028 г.[429] Вместе с тем БК РФ предусмотрен счет цифрового рубля Федерального казначейства, который исключен из состава единого казначейского счета, а переводы по такому

[429] Подпункт «а» пункта 9 статьи 1 и часть 1 статьи 4 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» и признании утратившей силу части 3 статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О валютном регулировании и валютном контроле”»» (в редакции Федерального закона от 27 октября 2025 г. № 394-ФЗ) // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5320; подпункт «а» пункта 1 Изменений, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2022 г. № 2078 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 10 ноября 2025 г. № 1772) // СЗ РФ. 2022. № 47. Ст. 8237; пункт 1 Положения о Федеральном казначействе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 703 // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4908.

счету осуществляет оператор платформы[430]. Тем самым бюджетные расчеты цифровыми рублями проводятся вне единого казначейского счета, однако агент валютного контроля, который осуществлял бы контроль за такими расчетами, не определен, поскольку ни Федеральное казначейство до 1 января 2028 г., ни оператор платформы к агентам валютного контроля не отнесены.

Таким образом, с цифровизацией финансового контроля и внедрением цифровых валют центральных банков складываются предпосылки для перестройки системы агентов валютного контроля. Традиционная модель, в которой агентами выступают прежде всего уполномоченные банки, как представляется, постепенно дополняется участием лиц, через информационные системы которых проходят операции, что подтверждается включением в 2026 г. в число агентов валютного контроля организаций, работающих с цифровыми валютами и цифровыми финансовыми активами (часть 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании в редакции Федерального закона № 283-ФЗ). Центральным элементом контрольного механизма может стать сама цифровая платформа, на которой совершается каждая операция, если на оператора платформы будет возложена обязанность представлять сведения органам валютного контроля.

Предлагаемое дополнение статьи 23 Закона о валютном регулировании не может ограничиваться указанием на обязанность оператора платформы, поскольку действующая часть 11 названной статьи состава и сроков представления сведений не определяет, а объем и порядок представления устанавливает Правительство Российской Федерации по согласованию с Банком России. Для финансового мониторинга законодатель прямо назвал оператора платформы обязанным лицом и предусмотрел, что перечень, состав и сроки направления информации определяются соглашением Банка России с Росфинмониторингом (подпункт 15 пункта 1 статьи 7.9 и статья 7.12 Федерального закона № 115-ФЗ).

Думается, что для валютного контроля состав, порядок и сроки представления сведений целесообразно определить в самой норме. Сведения

[430] Статья 6 и статья 242.11-1 БК РФ.

платформы охватывают все операции пользователей, а органы валютного контроля вправе требовать только те документы, которые непосредственно относятся к проводимой валютной операции (часть 5 статьи 23 Закона о валютном регулировании). Образцом могут служить части 13 и 14 той же статьи о запросах таможенных и налоговых органов уполномоченным банкам.

Статью 23 Закона о валютном регулировании предлагается дополнить частью 19 в редакции «19. Оператор платформы цифрового рубля представляет федеральным органам исполнительной власти, являющимся органами валютного контроля, по запросам таких органов документы и информацию о валютных операциях с цифровыми рублями, включая сведения об участниках, дате и сумме операции. Запрос должен включать сведения, достаточные для идентификации валютной операции или лица, совершившего операцию, и срок исполнения запроса, который не может составлять менее семи рабочих дней со дня, следующего за днем получения запроса. Документы и информация представляются в электронной форме.»

Цифровой рубль как обязательство Банка России функционирует в рамках централизованной цифровой платформы, и при таком построении финансовый контроль, как представляется, осуществляется по платформенной модели, поскольку значительная часть контрольных функций реализуется на уровне самой инфраструктуры. И.О. Антропцева называет цифровой рубль, расчеты которым могут осуществляться на единой платформе Банка России, инструментом, который может использоваться в качестве механизма контроля за движением денежных средств[431].

Проверка осуществляется в момент совершения операции, при приеме распоряжения к исполнению, поскольку без приема распоряжения к исполнению участником платформы и Банком России операция с цифровыми рублями не совершается (пункт 5.7 Положения № 820-П). Однако пределы проверки установлены законом. Например, оператор платформы не вправе определять

[431] Антропцева И. О. Цифровизация публичного финансового контроля. С. 16-17.

и контролировать направления использования цифровых рублей пользователем и устанавливать не предусмотренные федеральными законами или договором счета ограничения права распоряжаться цифровыми рублями по своему усмотрению[432]. Следовательно, по усмотрению оператора надзор за операциями не может быть целевым. Запрет не исключает целевых ограничений, предусмотренных федеральным законом. Надзор за операциями с цифровыми рублями сопоставим с традиционной моделью валютного контроля. В такой модели расчеты при осуществлении валютных операций резиденты по общему правилу производят через банковские счета в уполномоченных банках, а с 1 августа 2023 г. также через счета цифрового рубля, открытые оператором платформы цифрового рубля (части 2 и 3 статьи 14 Закона о валютном регулировании), а уполномоченные банки как агенты валютного контроля вправе запрашивать и получать документы, связанные с проведением валютных операций (часть 4 статьи 23 Закона о валютном регулировании). Валютная операция, следовательно, по общему правилу совершается через лицо, которое осуществляет контроль за такой операцией. В расчетах цифровыми рублями все операции совершаются через оператора платформы, поскольку переводы цифровых рублей осуществляются исключительно в рамках платформы цифрового рубля (статья 82.11 Закона о Банке России), однако к агентам валютного контроля оператор платформы не отнесен (часть 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании).

Поскольку все операции совершаются в рамках платформы цифрового рубля, контроль в сфере денежного обращения, связанный с операциями с цифровыми рублями, носит непрерывный характер и осуществляется в режиме реального времени, в момент совершения каждой операции и в отношении всех операций. Различие состоит в том, как закон ограничивает контроль. Для валютного контроля Закон о валютном регулировании установил принципы, в числе которых исключение неоправданного вмешательства государства в валютные операции резидентов и нерезидентов и обеспечение государством защиты прав

[432] Часть 5 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе.

и экономических интересов резидентов и нерезидентов при осуществлении валютных операций (пункты 2 и 5 статьи 3 Закона о валютном регулировании). Органы и агенты валютного контроля вправе требовать только те документы, которые непосредственно относятся к проводимой валютной операции (часть 5 статьи 23 того же Закона). Для операций с цифровыми рублями закон установил отдельные запреты, адресованные оператору платформы (части 3 и 5 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе), однако принципов, на которых основан надзор за такими операциями, закон не называет. Думается, что принципы, установленные Законом о валютном регулировании для контроля за валютными операциями, целесообразно распространить на надзор за всеми операциями с цифровыми рублями. Речь идет о принципах, которые ограничивают контроль, а не о распространении валютных ограничений на расчеты между резидентами. Такие принципы целесообразно закрепить в статье 30.8 Закона о национальной платежной системе, поскольку часть 5 названной статьи устанавливает запреты для оператора платформы в отношениях с пользователем.

Сама логика контроля за трансграничными операциями также может измениться, поскольку операции с цифровыми рублями фиксируются на платформе Банка России и у оператора платформы появляются технические предпосылки для автоматизированного учета и анализа операций нерезидентов, а затем и резидентов. Нерезиденты вправе без ограничений совершать операции с цифровыми рублями, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации, а счета цифрового рубля нерезидентам открывает оператор платформы, однако обязанность представлять сведения о таких операциях органам валютного контроля на оператора платформы прямо не возложена[433].

С учетом экономических санкций в отношении России[434] проект BRICS Pay разрабатывается как система передачи финансовых сообщений,

[433] Часть 4.1 и абзац второй части 1 статьи 13, часть 1 статьи 10 Закона о валютном регулировании. Изъятия по части 4 статьи 10 и части 4.2 статьи 5 названного Закона (в редакции Федерального закона № 283-ФЗ) касаются только валютных операций с цифровыми валютами и цифровыми правами и к операциям с цифровыми рублями неприменимы.

[434] Под санкционное давление западных стран подпадает не только Россия (первичные санкции), но и другие страны и международные юридические лица (вторичные санкции). Под вторичными санкциями следует понимать блокирующие санкции против иностранных лиц за транзакции с ранее заблокированными лицами или иные

альтернативная системе SWIFT[435], и цель проекта состоит не в единой валюте объединения, а в системе расчетов, не зависящей от резервных валют недружественных государств. Шагом к такой системе расчетов могло стать предложение связать цифровые валюты центральных банков государств БРИКС, которое, по сообщению агентства Reuters от 19 января 2026 г. со ссылкой на источники, Резервный банк Индии рекомендовал правительству Индии включить в повестку саммита БРИКС 2026 года[436]. В Декларацию Нью-Дели, принятую на XVIII саммите БРИКС 12 сентября 2026 г., предложение не вошло. Цифровые валюты центральных банков в декларации не упоминаются, а в пункте 90 декларации отмечена работа по изучению трансграничной совместимости платежных каналов и каналов обмена финансовой информацией в рамках Инициативы БРИКС по трансграничным платежам[437]. Решения БРИКС об интеграции платформ цифровых валют центральных банков, следовательно, нет. О.Н. Скоробогатова допускает трансграничное взаимодействие цифровых валют центральных банков по двум сценариям, то есть путем интеграции двух национальных платформ либо путем взаимодействия национальных платформ через общую систему[438]. При обоих сценариях открытыми остаются вопросы о применимом праве, о статусе субъекта, обеспечивающего трансграничный перевод, и о том, кто и в каком порядке выполняет при трансграничных расчетах функции валютного контроля.

Следовательно, для практического трансграничного использования цифрового рубля нужна нормативная база, которая отвечает трем условиям.

нарушения режима санкций, используемые без привязки к юрисдикции страны-инициатора. См.: Политика санкций: понятие, институты, практика : учебно-методические материалы / И. Н. Тимофеев, О. С. Рождественская, Т. С. Соколова, П. И. Чуприянова ; под ред. И. Н. Тимофеева, С. М. Гавриловой, П. И. Чуприяновой, Д. О. Растегаева. № 11. М., 2024. С. 9.

[435] Хромченко М. Д. Платежные системы как объект публично-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 15, 170-171.

[436] India’s central bank proposes linking BRICS’ digital currencies, sources say // Reuters. 2026. 19 January. URL: https://www.reuters.com/world/india/indias-central-bank-proposes-linking-brics-digital-currencies-sources-say-2026-01-19/ (дата обращения: 04.02.2026).

[437] Декларация Нью-Дели «Укрепление устойчивости, инновации, сотрудничество и стабильность» : принята на XVIII саммите БРИКС (г. Нью-Дели, 12 сентября 2026 г.). П. 90 // Президент России : офиц. сайт. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/xf6HNdjxIAJJ6djtCvTaeb5xlUxCdFcP.pdf (дата обращения: 29.09.2026).

[438] Интеграция цифровых валют реально может заменить SWIFT : интервью с первым заместителем председателя Центрального банка Российской Федерации О. Н. Скоробогатовой. 6 июля 2023 г. // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=l6893 (дата обращения: 04.02.2026).

Во-первых, такая база должна допускать операции нерезидентов с цифровым рублем в установленных пределах. Во-вторых, база должна обеспечивать взаимодействие платформы цифрового рубля с платформами цифровых валют центральных банков иностранных государств. В-третьих, нормативная база должна устанавливать специальный режим валютного контроля для трансграничных операций. Первые два условия отчасти выполнены. Указанием Банка России от 7 апреля 2026 г. № 7342-У Положение № 820-П дополнено условиями обмена электронными сообщениями с оператором иностранной информационной системы при трансграничных переводах. Способ обмена сообщениями определяется договором Банка России с таким оператором, заключенным в соответствии с частью 16 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе, а взаимодействие при спорах, связанных с трансграничными переводами, осуществляется в порядке и способом, согласованными Банком России с таким оператором (пункт 1.8 Положения № 820-П). Тем самым организационно-техническая сторона трансграничных расчетов урегулирована частично[439].

Третье условие не выполнено. Законодатель допустил взаимодействие оператора платформы с оператором информационной системы национальной денежной единицы иностранного государства (группы иностранных государств) в цифровой форме на основании договора (часть 16 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе), однако не определил, какие последствия трансграничный перевод имеет для валютного контроля. Акт Банка России, который регулирует порядок такого взаимодействия, построен без учета валютного контроля. В тексте Положения № 820-П слово «валютный» не встречается ни разу. Для взаимодействия платформ нескольких государств через общую организацию не решен и вопрос о субъекте, уполномоченном на трансграничный перевод. Г.Ф. Ручкина и Е.Л. Венгеровский обращают внимание на то, что оператором по переводу денежных средств признается организация, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе осуществлять перевод

[439] Указание Банка России от 7 апреля 2026 г. № 7342-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 3 августа 2023 года № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Официальный сайт Банка России. 2026. 20 июня.

денежных средств. По мнению авторов, в целях реализации концепции платежной системы БРИКС законодательством должна быть предусмотрена возможность выполнения услуг оператора организациями, уполномоченными в том числе национальными правопорядками государств БРИКС, а соответствующая норма должна быть закреплена договором в рамках БРИКС и включена в пункт 2 статьи 3 Закона о национальной платежной системе[440]. Круг операторов по переводу денежных средств исчерпывающе определен законом (часть 1 статьи 11 названного Закона). После публикации названной работы перечень операторов по переводу денежных средств дополнен филиалами иностранных банков (пункт 4 части 1 статьи 11 Закона о национальной платежной системе), однако остался закрытым. В развитие предложения Г.Ф. Ручкиной и Е.Л. Венгеровского представляется обоснованным дополнить перечень операторов по переводу денежных средств в части 1 статьи 11 Закона о национальной платежной системе организациями, осуществляющими трансграничный перевод денежных средств на основании международного договора Российской Федерации. Организация, включенная в такой перечень, получит и возможность стать участником платформы цифрового рубля, поскольку участником платформы может быть оператор по переводу денежных средств (за исключением Банка России) или иностранный банк (пункт 41 статьи 3 того же Закона).

Иностранный банк может стать участником платформы и без статуса оператора по переводу денежных средств, поэтому предлагаемое дополнение имеет значение прежде всего для организаций, которые банками не являются. Обязанность такой организации представлять органам валютного контроля сведения об операциях должна следовать из статуса агента валютного контроля. С такой целью организацию нужно включить в часть 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании по примеру организаций, осуществляющих обмен цифровых валют. При таком решении контрольные полномочия сохраняются за национальным

[440] Ручкина Г. Ф., Венгеровский Е. Л. Правовое регулирование экономического сотрудничества стран - членов БРИКС в сфере оптимизации процессов разработки инновационных цифровых и мобильных технологий // Международное публичное и частное право. 2020. № 1. С. 7-8.

правопорядком, и тогда для трансграничных расчетов достаточно согласованной адаптации законодательства государств-участников.

Часть 1 статьи 11 Закона о национальной платежной системе предлагается дополнить пунктом 5 в редакции «5) организации, которые на основании международного договора Российской Федерации имеют право на осуществление трансграничного перевода денежных средств и соответствуют установленным таким договором требованиям к финансовой устойчивости и информационной безопасности». Часть 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании предлагается после слов «государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ»,» дополнить словами «организации, осуществляющие трансграничный перевод денежных средств на основании международного договора Российской Федерации,». Отдельной нормы о правовой основе деятельности таких организаций не требуется, поскольку законодательство о национальной платежной системе основывается в том числе на международных договорах Российской Федерации (часть 1 статьи 2 Закона о национальной платежной системе).

Вывод Г.Ф. Ручкиной и Е.Л. Венгеровского нужно развить с учетом современных моделей трансграничных платежей на базе цифровых валют центральных банков, поскольку в опубликованном Банком международных расчетов отчете по проекту Icebreaker показана техническая возможность создания модели, при которой национальные платежные системы остаются самостоятельными. Трансграничные переводы в такой модели осуществляются через общую платформу, которая только координирует переводы, а наднациональный эмитент или клиринговый центр не создается[441].

Из такой модели следует, что для трансграничных расчетов цифровыми валютами центральных банков не требуется унифицировать валютное законодательство государств-участников. Международный договор о взаимодействии национальных платформ должен, как представляется,

[441] Project Icebreaker: Breaking new paths in cross-border retail CBDC payments / Bank of Israel, Norges Bank, Sveriges Riksbank, BIS Innovation Hub Nordic Centre. Basel : Bank for International Settlements, 2023. P. 11-14. URL: https://www.bis.org/publ/othp61.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

определить порядок обмена данными между платформами (интероперабельность), правовой статус оператора общей платформы и распределение контрольных полномочий, при котором операцию резидента контролируют органы и агенты валютного контроля государства, резидентом которого является участник операции. Для Российской Федерации таким агентом может стать организация, осуществляющая трансграничный перевод денежных средств на основании международного договора Российской Федерации, если включить такую организацию в часть 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании.

Взаимодействие национальных платформ цифровых валют центральных банков Банк России допускает и в Основных направлениях развития финансовых технологий на период 2025-2027 годов[442]. Банк России уточнил, что рассматривает «потенциальную интеграцию платформ цифровых валют центральных банков»[443], в том числе через разработку подходов к созданию Трансграничной платежной инициативы БРИКС, предполагающей, в частности, интеграцию национальных платформ цифровых валют центральных банков государств объединения. Положения об Инициативе БРИКС по трансграничным платежам, которую Банк России называет Трансграничной платежной инициативой БРИКС, содержатся в Казанской декларации, принятой на XVI саммите БРИКС 23 октября 2024 г., и в Декларации Рио-де-Жанейро, принятой на XVII саммите БРИКС 6 июля 2025 г.[444]

В проекте Icebreaker расчеты между разными цифровыми валютами центральных банков проводятся через механизмы PvP (payment-versus-payment) и PvPvP (payment-versus-payment-versus-payment)[445], при которых валютный

---

[442] Основные направления развития финансовых технологий на период 2025-2027 годов / Банк России. М., 2024. Раздел 3.5. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/166399/onfintech_2025-27.pdf (дата обращения: 04.02.2026).

[443] Основные направления развития финансовых технологий. С. 64 (раздел 3.5).

[444] Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» : принята на XVI саммите БРИКС (г. Казань, 23 октября 2024 г.) // Президент России : офиц. сайт. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDgOQRs3xfMUiCAmF3LEhO2OL3Hk.pdf (дата обращения: 11.10.2025); Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления» : принята на XVII саммите БРИКС (г. Рио-де-Жанейро, 6 июля 2025 г.) // Президент России : офиц. сайт. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 11.10.2025).

[445] Project Icebreaker: Breaking new paths in cross-border retail CBDC payments. P. 11-14; Cross-Border Payments with Retail Central Bank Digital Currencies : FinTech Notes No. 2024/002 / International Monetary Fund. Washington : IMF,

и расчетный риск снижается без создания общего расчетного пространства[446]. Думается, что юридической точки зрения при таком способе расчетов означает, что обязательства сторон возникают и прекращаются в рамках национальных правопорядков, а платформа только координирует расчеты. Такая модель представляется вполне совместимой с предложениями Г.Ф. Ручкиной и Е.Л. Венгеровского о расширении круга операторов по переводу денежных средств при сохранении национального регулирования.

При развитии цифровых валют центральных банков в условиях несогласованного международного регулирования возникает риск раздробления мировой платежной системы, однако из зарубежных моделей видно, что национальные платформы могут взаимодействовать без унификации валютного законодательства. Для реализации проекта BRICS Pay, следовательно, требуется не унификация национальных правопорядков, а согласованная адаптация таких правопорядков, для которой нужно расширить круг операторов по переводу денежных средств, закрепить правила взаимодействия национальных платформ и установить международным договором требования к финансовой устойчивости и информационной безопасности. Вопрос о распределении функций валютного контроля между национальными правопорядками в зарубежных моделях остается открытым, а для цифрового рубля законодатель такой вопрос не решил.

Кроме того, в доктрине финансового права выделялись три режима валютного регулирования, к которым относятся режим валютной монополии государства без конвертации национальной денежной единицы, режим валютных ограничений при ограниченно конвертируемой валюте и режим без валютных ограничений со свободной конвертируемостью.

Как верно отметил Н.М. Артемов, три названных режима не могут рассматриваться как «окончательное и застывшее явление» и перетекают один

2024. URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/ftn063/2024/english/ftnea2024002.pdf (дата обращения: 13.05.2026); Options for access to and interoperability of CBDCs for cross-border payments : Report to the G20 / Committee on Payments and Market Infrastructures, BIS Innovation Hub, International Monetary Fund, World Bank. Basel : Bank for International Settlements, 2022. URL: https://www.bis.org/publ/othp52.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

[446] Project Icebreaker: Breaking new paths in cross-border retail CBDC payments. P. 21-23.

в другой в зависимости от экономической, политической и иной ситуации в стране[447]. Однако при обращении цифровых валют центральных банков складывается ситуация, которая не укладывается ни в один из трех режимов, хотя формально валютное законодательство для операций с цифровым рублем ограничений не устанавливает.

Технически возможности контроля при обращении цифровых валют центральных банков, как представляется, сопоставимы с возможностями государства в режиме валютной монополии. За счет программируемости могут вводиться целевые ограничения использования средств, на основе учета всех операций на платформе может вестись мониторинг в момент совершения операций, а распоряжение цифровыми рублями может ограничиваться непосредственно на счетах цифрового рубля. На уровне платформы федеральные законы допускают количественные ограничения в виде максимальных сумм операций с цифровыми рублями и остатков цифровых рублей на счетах цифрового рубля (пункт 17.18 части 1 статьи 18 Закона о Банке России), приостановление доступа к платформе в порядке, установленном правилами платформы (пункт 4 части 1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе), и отказ оператора платформы в совершении операции с признаками перевода без добровольного согласия клиента (часть 12 статьи 7.1 того же Закона).

Федеральные законы предусматривают также арест цифровых рублей (части 1 и 5.1 статьи 81 Закона об исполнительном производстве) и приостановление операций по счету цифрового рубля (статья 76 НК РФ), которые сохраняются и при прекращении договора счета цифрового рубля (часть 9 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе), а оператор платформы обязан применять и меры по замораживанию (блокированию) цифровых рублей (подпункты 8 и 9 пункта 1 статьи 7.9 Федерального закона № 115-ФЗ). С 1 сентября 2028 г. к названным ограничениям добавится ограничение по получателю, в силу которого участник платформы не вправе будет предоставлять доступ к платформе

[447] Артемов Н. М. Валютное регулирование в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 25.

неуполномоченным получателям, выявленным в соответствии со статьей 21 Закона о цифровых валютах, то есть получателям денежных средств, осуществляющим деятельность по организации обращения цифровых валют, не являясь лицами, организующими обращение цифровых валют, и иностранным поставщикам платежных услуг, осуществляющим переводы в пользу неуполномоченных получателей, а также принимать к исполнению распоряжения о переводе цифровых рублей в пользу таких лиц[448].

С учетом названных ограничений представляется возможным сформулировать концепцию «четвертого режима» валютного регулирования, которая дополняет классификацию Н.М. Артемова по другому основанию. Три названных режима выделены по объему валютных ограничений и степени конвертируемости. Предлагаемый режим выделяется по типу нормативного оформления ограничения, то есть по носителю ограничения. По такому основанию складывается режим цифрового контроля, при котором ограничения операций с цифровым рублем не закреплены в валютном законодательстве. Режим цифрового контроля не следует смешивать с четвертым из режимов регулирования виртуальных валют, выделенных А.А. Ситником. Ограничения операций с цифровым рублем установлены не Законом о валютном регулировании, а признаками перевода без добровольного согласия клиента, которые размещаются на официальном сайте Банка России, решениями о предельных суммах, правилами платформы и альбомом распоряжений для платформы цифрового рубля, то есть определенными оператором перечнем и реквизитами распоряжений, а также договором счета цифрового рубля, который оператор изменяет в одностороннем порядке[449]. Валютными такие ограничения являются в части операций с участием нерезидентов. По части 4.1 статьи 13 Закона о валютном регулировании нерезиденты имеют право без ограничений осуществлять операции с цифровыми

[448] Части 15.1-15.4 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе (введены Федеральным законом № 283-ФЗ, вступают в силу с 1 сентября 2028 г.). Лиц, указанных в названных частях, участник платформы выявляет в соответствии со статьей 21 Закона о цифровых валютах, а договоры счета цифрового рубля с выявленными лицами расторгает оператор платформы.

[449] Часть 3.3 статьи 8, части 1, 4 и 6 статьи 30.7, часть 13 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе; пункт 17.18 части 1 и часть 2 статьи 18 Закона о Банке России; пункты 4.14, 5.7.4 и 5.7.5 Положения № 820-П.

рублями, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. Однако исключения из такого права, как представляется, фактически устанавливают не только федеральные законы, предусматривающие арест и замораживание (блокирование) цифровых рублей и приостановление операций по счету цифрового рубля, но и решения о предельных суммах, правила платформы и иные названные носители ограничений, то есть акты Банка России и договор счета цифрового рубля. Для расчетов между резидентами те же ограничения действуют как ограничения платежной инфраструктуры. Эти носители неоднородны по нормативному оформлению. Правила платформы прямо названы нормативными актами Банка России в пункте 39 статьи 3 Закона о национальной платежной системе, и утверждены такие правила Положением № 820-П, зарегистрированным в установленном порядке. Остальные носители нормативной формы не имеют. Решения о предельных суммах, признаки перевода без добровольного согласия клиента и альбом распоряжений не издаются в форме указания, положения или инструкции и государственной регистрации не проходят, а договор счета цифрового рубля актом не является. Ограничение, следовательно, сохраняет правовые последствия, но только частично облекается в форму, которую закон о Банке России предусматривает для нормативных актов Банка России, и только в такой части может быть оспорено в суде в порядке, установленном для оспаривания нормативных актов.

Можно возразить, что пользователь вправе оспорить и остальные носители, поскольку дела об оспаривании актов Банка России, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, отнесены к подсудности Верховного Суда Российской Федерации и для таких дел установлен особый порядок рассмотрения[450]. Пункт 1 статьи 21 КАС РФ, который относит к подсудности Верховного Суда дела об оспаривании нормативных актов Банка России, применим только к правилам платформы, поскольку остальные

[450] Пункт 1.1 статьи 21 и статья 217.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391 (далее - КАС РФ).

носители ограничения, как отмечено выше, нормативной формы не имеют[451]. Остальные носители можно оспорить в том же порядке, только если суд признает носитель нормативным актом по содержанию. В таком случае суд проверяет соблюдение требований к форме акта и к государственной регистрации (подпункты «б» и «г» пункта 2 части 8 статьи 213 КАС РФ), и нарушение таких требований служит основанием признать акт недействующим. Однако порядок, установленный статьей 217.1 КАС РФ, к названным носителям, как представляется, не подходит, поскольку по части 1 названной статьи такой порядок рассчитан на акты, содержащие разъяснения законодательства. Суд выясняет, обладает ли акт нормативными свойствами и соответствует ли акт действительному смыслу разъясняемых нормативных положений, и отказывает в удовлетворении требований, если акт таких свойств не имеет и при этом соответствует содержанию разъясняемых положений. Признаки перевода без добровольного согласия клиента, решения о предельных суммах, правила платформы и альбом распоряжений ничего не разъясняют. Названные носители содержат самостоятельные правила, и разъясняемых нормативных положений при таких носителях нет.

Следовательно, второе условие проверить нельзя, и проверка по статье 217.1 КАС РФ к таким носителям неприменима. Не меняет положения и то, что правила платформы имеют форму нормативного акта. При оспаривании правил платформы в порядке, установленном для оспаривания нормативных актов, суд проверяет соответствие правил закону, а статья 30.8 Закона о национальной платежной системе не устанавливает ни состава оснований приостановления доступа, ни предельного срока, ни порядка применения такой меры. Закон относит порядок приостановления доступа к содержанию правил платформы (пункт 4 части 1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе). Вместе с тем закон запрещает оператору устанавливать не предусмотренные федеральными законами или договором счета цифрового рубля ограничения права пользователя

[451] Пункт 1 статьи 21 КАС РФ; части первая и четвертая статьи 7 Закона о Банке России.

распоряжаться цифровыми рублями по своему усмотрению (часть 5 статьи 30.8 того же Закона). Из норм Закона о национальной платежной системе суд, следовательно, может сопоставить правила платформы в части приостановления доступа только с пунктом 4 части 1 статьи 30.7 и частью 5 статьи 30.8 названного Закона. Оценить, обоснованы ли основания приостановления доступа и допустим ли срок приостановления, суд не может, поскольку закон не устанавливает ни оснований, ни срока, с которыми можно было бы сравнить правила платформы. Отсутствие таких норм в законе и составляет пробел законодательного регулирования. Пробелом здесь и далее называется отсутствие необходимого законодательного регулирования независимо от того, сознательно ли законодатель такое регулирование не ввел. Устранить этот пробел представляется возможным, если закрепить в статье 30.8 Закона о национальной платежной системе исчерпывающие основания и предельный срок приостановления доступа, обязанность оператора мотивировать решение и указывать порядок обжалования решения. В таком случае за нормативным актом Банка России останется порядок приостановления и возобновления доступа.

Концепция Н.М. Артемова, который рассматривает валютное регулирование как подсистему финансов и элемент государственного управления, а «предметом оперирования» считает иностранную валюту, ценные бумаги, выраженные в иностранной валюте, и валютные ценности[452], основана на классическом понимании объекта финансово-правового регулирования как денежных средств в наличной и безналичной формах, обращающихся на валютном рынке.

С появлением цифровых валют центральных банков и криптовалют «предмет оперирования» значительно расширяется, и такие объекты не охватываются категориями, разработанными Н.М. Артемовым, поскольку цифровой рубль, учитываемый оператором платформы на счете цифрового рубля как отдельном виде банковского счета[453], не является ни наличными деньгами, ни средствами на счетах в кредитных организациях, а криптовалюты, охватываемые

[452] Артемов Н. М. Валютное регулирование в Российской Федерации. С. 26.
[453] Часть 1 статьи 7.1 и часть 2 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе.

законодательным понятием цифровой валюты, денежными средствами не являются[454]. Понятийный аппарат валютного права («валютные ценности», «валютные операции», «валютный рынок») нуждается, следовательно, в уточнении, которое законодатель начал, включив с 1 сентября 2026 г. цифровые валюты в состав валютных ценностей (пункт 5 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании). Криптовалюта тем самым стала объектом валютных правоотношений, но деньгами не стала.

При обращении цифровых валют центральных банков возникают условия для перехода к автоматизированному валютному контролю, который для цифрового рубля может осуществляться по сведениям платформы цифрового рубля, если на оператора платформы будет возложена обязанность представлять такие сведения органам валютного контроля. Для цифровых валют, которые не являются законным средством платежа и такой опоры лишены, валютное регулирование сохраняется, но может действовать с изъятиями из общего режима, которые устанавливаются программой экспериментального правового режима (часть 3 статьи 2 Закона о валютном регулировании)[455]. С 1 сентября 2026 г. Банк России по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации, вправе также запрещать отдельные виды валютных операций с цифровыми валютами и цифровыми правами, разрешать совершение между резидентами отдельных видов таких операций, запрещенных Законом о валютном регулировании, и устанавливать условия совершения таких операций (часть 4.2 статьи 5 Закона о валютном регулировании).

В условиях цифровизации публичных финансов могут измениться не только инструменты валютного контроля, но и правовая модель такого контроля, поскольку в цифровой среде контроль перестает быть преимущественно последующим и классическая модель, при которой агенты валютного контроля

[454] Пункт 1 части 1 статьи 2, части 6 и 7 статьи 1 Закона о цифровых валютах.
[455] Часть 3 статьи 2 Закона о валютном регулировании введена пунктом 2 статьи 2 Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4919.

проверяют документы о валютной операции после или во время совершения операции, может смениться платформенно-алгоритмической.

В платформенно-алгоритмической модели контроль будет осуществляться с помощью алгоритмов платформы, и, поскольку цифровая валюта центрального банка изначально функционирует на централизованной цифровой платформе, контроль может вестись в режиме реального времени. Для валютного контроля такая модель законом не закреплена, хотя законодатель, изменив статьи 1, 10, 13 и 14 Закона о валютном регулировании, включил цифровые валюты центральных банков в систему валютного регулирования.

Вместе с тем данные об операциях с цифровыми рублями могут стать общим источником сведений для валютного контроля (учет трансграничных операций, контроль за операциями нерезидентов), а также бюджетного и налогового контроля (контроль за осуществлением бюджетных и обязательных платежей, а применительно к бюджетным средствам и за целевым использованием таких средств). Для налогового контроля такой источник закреплен в законе, поскольку оператор платформы в случаях, установленных пунктом 2 статьи 86 НК РФ, обязан по мотивированному запросу налогового органа выдавать справки о счетах цифрового рубля и остатках на счетах, а также выписки по счетам цифрового рубля. Сам оператор платформы определять и контролировать направления использования цифровых рублей пользователем не вправе (часть 5 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе). Традиционная граница между валютным контролем, с одной стороны, и бюджетным и налоговым контролем, с другой, размывается, и может сложиться единый публичный финансовый контроль, основанный на цифровых данных и платформенных решениях.

Для разрешения противоречий, которые возникают при контроле за операциями с цифровыми валютами центральных банков, нужен доктринальный подход, при котором валютный, бюджетный и налоговый контроль рассматриваются не как обособленные институциональные системы, а как функциональные проявления единого публичного финансового контроля, осуществляемого в условия цифровой экономики. Правовые режимы названных

видов контроля при таком подходе остаются разными. Валютный контроль осуществляют Правительство Российской Федерации, органы и агенты валютного контроля (часть 1 статьи 22 Закона о валютном регулировании), бюджетный контроль ведут органы внешнего и внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля (статья 265 БК РФ), а налоговый контроль осуществляют уполномоченные органы в порядке, установленном пунктом 1 статьи 82 НК РФ.

Вместе с тем ограничивать права, связанные с обладанием цифровой валютой, законодатель, по позиции Конституционного Суда Российской Федерации, может только в той мере, в какой ограничение необходимо в целях, названных в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации[456]. До 1 сентября 2026 г. судебная защита требований, связанных с обладанием цифровой валютой, зависела от информирования налоговых органов о фактах обладания цифровой валютой и совершения сделок с цифровой валютой (часть 6 статьи 14 Закона о ЦФА). Такое условие Конституционный Суд Российской Федерации признал объективно обоснованным, поскольку традиционные методы государственного финансового контроля над оборотом цифровых валют, как и регулирующее воздействие на оператора и узлы информационной системы, могут оказаться неэффективными или невозможными, и не счел условие избыточным обременением, которое подрывало бы существо права на судебную защиту. Однако порядок информирования налоговых органов был установлен только для майнинга, а реализация права на судебную защиту, по позиции Суда, предполагает четкое, недвусмысленное и согласованное нормативное регулирование не только условий доступа к суду, но и порядка выполнения таких условий. Часть 6 статьи 14 Закона о ЦФА Суд признал не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой норма препятствовала судебной защите лиц, получивших цифровую валюту не в результате майнинга[457].

[456] Постановление № 2-П, пункт 3 мотивировочной части.
[457] Постановление № 2-П, пункт 5 мотивировочной части, пункт 2 резолютивной части.

С 1 сентября 2026 г. часть 6 статьи 14 Закона о ЦФА утратила силу (пункт 1 части 1 статьи 22 Федерального закона № 283-ФЗ), и судебная защита прав на цифровую валюту от информирования налоговых органов не зависит. Информацию о клиентах, сделках и операциях с цифровыми валютами обязаны хранить брокеры, цифровые депозитарии, доверительные управляющие и организации, осуществляющие обмен цифровых валют (часть 2 статьи 39 Закона о цифровых валютах), а сведения о депонентах, контрагентах, цифровых счетах и операциях цифровые депозитарии и организации, осуществляющие обмен цифровых валют, предоставляют налоговым органам по требованию или запросу в случаях, предусмотренных законодательными актами Российской Федерации о деятельности таких органов, если сведения необходимы для осуществления функций налоговых органов (пункт 4 части 6 статьи 29 и пункт 4 части 2 статьи 38 Закона о цифровых валютах). Думается, что законодатель тем самым перенес сбор сведений об обороте цифровых валют преимущественно с пользователей на профессиональных участников рынка и закрепил обязанности таких участников непосредственно в законе. Обязанность самих пользователей сообщать сведения налоговым органам сохранена для лиц, осуществляющих майнинг цифровых валют (часть 11 статьи 3 Закона о цифровых валютах), а с 2 мая 2027 г. возникнет и у резидентов, за отдельными исключениями, совершающих операции с цифровыми валютами с использованием адресов-идентификаторов, не администрируемых цифровыми депозитариями (части 2 и 3 статьи 12.1 Закона о валютном регулировании).

Представляется, что для цифрового рубля из приведенной позиции следует требование четко определять в законе обязанности лиц, которые участвуют в контроле, и ограничения прав пользователей. Завершенность контроля за операциями с цифровым рублем зависит, следовательно, не от технических возможностей платформы, а от того, отвечают ли по закону лица, которые ведут учет цифровых рублей или обеспечивают операции с цифровыми рублями, за неисполнение обязанностей перед контролирующими органами. Полностью такая ответственность установлена только в налоговом контроле. В финансовом

мониторинге Федеральный закон № 115-ФЗ предусматривает ответственность участников платформы, а для оператора платформы только дисциплинарную ответственность должностных лиц оператора (часть пятая статьи 13 названного Закона). В валютном и бюджетном контроле оператор платформы обязанностей перед контролирующими органами не несет, и вопрос об ответственности оператора не возникает.

Таким образом, контроль в сфере денежного обращения, связанный с операциями с цифровыми рублями, носит непрерывный характер и осуществляется в режиме реального времени. Все операции совершаются на единой централизованной платформе цифрового рубля, и оператор платформы располагает сведениями о каждой операции в момент совершения операции. Такие сведения, как и сведения кредитных организаций об операциях клиентов, необходимы для налогового и валютного контроля, финансового мониторинга и иных видов финансового контроля. Банк России наделен обязанностями субъекта первичного финансового мониторинга и совмещает такое положение с положением органа надзора за участниками платформы, исполняющими те же обязанности. Операции с цифровыми рублями являются валютными операциями в том случае, если одним из участников выступает нерезидент. Уполномоченные банки при расчетах цифровыми рублями сохраняют статус агентов валютного контроля. Однако положение участника платформы не обеспечивает уполномоченным банкам тех возможностей непосредственного контроля, которыми такие банки располагают в отношении денежных средств на счетах, открытых в самих банках. ФНС России и ФТС России как органы валютного контроля прямо не наделены правом получать от оператора платформы сведения об операциях для целей валютного контроля. В связи с этим статью 23 Закона о валютном регулировании предлагается дополнить частью 19, которая обязывает оператора платформы по запросам ФНС России и ФТС России как органов валютного контроля представлять документы и информацию о валютных операциях с цифровыми рублями и определяет состав сведений, требования к запросу и срок исполнения запроса.

§ 3. Цифровая валюта центрального банка в финансовых правоотношениях по защите нарушенных прав

В общей теории права регулятивные правоотношения, которые складываются при правомерном поведении участников, принято отличать от охранительных правоотношений, которые возникают в связи с правонарушением[458]. Финансовые правоотношения, которые возникают при нарушении финансово-правовой нормы и направлены на восстановление нарушенного права или на привлечение нарушителя к финансово-правовой ответственности, далее называются правоотношениями по защите нарушенных прав.

Защитная функция финансового права институционально выражается в финансовом контроле и финансово-правовой ответственности. В Энциклопедии российского финансового права финансовый контроль определяется как «деятельность уполномоченных публичной властью органов, организаций и субъектов за соблюдение законности в процессе собирания, распределения (перераспределения) и использования фондов денежных средств в целях эффективной финансовой политики для достижения стоящих перед обществом целей и задач»[459].

И.И. Кучеров подчеркивает защитную сторону этой деятельности и рассматривает финансовый контроль как «целенаправленную деятельность уполномоченных лиц, которые обязаны выявлять в финансовой сфере в рамках проводимых проверочных мероприятий, предупреждать и пресекать нарушения финансового законодательства, привлекать виновных к ответственности посредством применения финансовых и иных санкций, возмещать финансовый ущерб в целях создания эффективного финансового механизма и построения стабильной финансовой системы»[460]. Сравнение этих определений показывает, что механизм защиты в финансовом праве состоит из двух частей. Материальная

---

[458] Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1982. С. 107.
[459] Энциклопедия российского финансового права. С. 793.
[460] Контроль в финансово-бюджетной сфере : науч.-практ. пособие / И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина, Н. Е. Абрамова и др. ; отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. М.: ИЗиСП : Контракт, 2016.

часть охватывает основания, виды и меры финансово-правовой ответственности, а процессуальная включает порядок выявления правонарушения и применения мер реагирования, в том числе обращения за судебной защитой.

И.О. Антропцева включает «основания и меры финансово-публичной ответственности»[461] в публичный финансовый контроль и по видам контроля выделяет, в частности, бюджетные, налоговые, банковские и валютные правоотношения, правоотношения в национальной платежной системе и в сфере денежного обращения[462]. Применительно к цифровой валюте центрального банка правоотношения по защите нарушенных прав возникают прежде всего в налоговой сфере, в национальной платежной системе и в сфере денежного обращения (финансовый мониторинг в целях противодействия легализации преступных доходов), тогда как в бюджетной сфере мер принуждения применительно к цифровому рублю нет. И.О. Антропцева справедливо предостерегает от сведения публичного финансового контроля только к «правоохранительной функции»[463], однако выделение правоотношений по защите нарушенных прав в самостоятельную разновидность методологически оправдано, поскольку юридическим фактом в таких правоотношениях является правонарушение, а основное содержание составляет применение мер государственного принуждения.

Структура правоотношений по защите нарушенных прав значительно меняется в связи с тремя особенностями цифрового рубля, первая из которых состоит в том, что оператором платформы является сам Банк России[464], который в силу статьи 75 Конституции Российской Федерации и пункта 4.1 статьи 4 Закона о Банке России одновременно выступает эмитентом национальной денежной

[461] Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации. С. 76.
[462] Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации. С. 92-93.
[463] Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации. С. 34-35, 42; подробнее см.: Антропцева И. О. К вопросу о месте публичного финансового контроля в системе финансового права // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17. № 2. С. 234-240.
[464] Статьи 30.7 и 30.8 Закона о национальной платежной системе; пункт 4.2 статьи 4, статьи 82.10 и 82.11 Закона о Банке России.

единицы и контрольно-надзорным субъектом в национальной платежной системе. Вторая особенность заключается в том, что оператор платформы ведет сплошной учет всех изменений остатка на счете цифрового рубля, обеспечивающий прослеживаемость движения денежных средств. Третья особенность связана с технической возможностью маркирования цифровых рублей (целевого окрашивания) и применения смарт-контрактов, которые позволяют программно ограничить допустимые цели расходования средств, однако правовой реализации такая возможность не получила, поскольку определять направления использования цифровых рублей оператору платформы запрещено, а в БК РФ идея маркирования не введена[465].

Первое изменение правоотношений по защите нарушенных прав, которое вытекает из этих особенностей, состоит в усилении превентивной стороны. Значительную часть нарушений, для пресечения которых в традиционной модели требовалось включать механизм защиты (нецелевое расходование бюджетных средств, операции без экономического основания, использование счетов для легализации преступных доходов), на платформе цифрового рубля можно было бы выявлять по данным, которые оператор платформы фиксирует сразу. По оценке И.О. Антропцевой, с внедрением цифровых технологий в публичный финансовый контроль «саморегулирование позволяет обеспечить предупреждение, выявление и пресечение совершения финансовых нарушений, при этом предупреждение обеспечивается... непосредственно применяемым программным обеспечением, платформенными решениями, в которых заложен на программном уровне механизм, обеспечивающий правомерное поведение объектов контроля и не допускающий совершение транзакций в нарушение норм финансового права»[466]. Для цифровой валюты центрального банка это означает, что граница между регулятивными правоотношениями и правоотношениями по защите нарушенных прав становится подвижной. Меры, которые традиционно относят

[465] См.: Концепция цифрового рубля. Раздел V «Примеры операций с цифровым рублем»; Вожагов М. В. Правовое регулирование финансового контроля за оборотом цифровых активов в России и зарубежных государствах. С. 90; часть 5 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе.

[466] Антропцева И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации. С. 16.

к мерам защиты (запрет операции, блокирование средств), могут встраиваться в саму платежную инфраструктуру и применяться автоматически, без формального возбуждения производства по применению мер принуждения. В действующем регулировании к таким мерам относится отказ оператора платформы в совершении операции с признаками перевода без добровольного согласия клиента (часть 12 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе).

Второе изменение касается субъектного состава правоотношений по защите нарушенных прав, к традиционным субъектам которых в денежно-кредитной сфере, описанным в доктрине (Банку России как органу банковского надзора и надзора в национальной платежной системе, Росфинмониторингу, ФНС России и кредитным организациям как агентам публичного финансового контроля)[467], добавляется Банк России в качестве оператора платформы цифрового рубля. В результате Банк России одновременно осуществляет внешний публичный финансовый контроль и является оператором инфраструктуры, в которой совершаются контролируемые операции. Полномочия по приостановлению доступа к платформе и аннулированию распоряжений формально являются полномочиями оператора, установленными правилами платформы (пункты 4 и 5 части 1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе, главы 4 и 5 Положения № 820-П), и к мерам принуждения в отношении поднадзорных организаций (статья 34 того же Закона) не относятся. Фактически же такие полномочия могут выполнять функцию защиты, в связи с чем для применения таких полномочий нужен надлежащий механизм обжалования.

Третье изменение касается содержания правоотношений по защите нарушенных прав. М.В. Вожагов со ссылкой на Е.Ю. Грачеву приводит четыре признака финансово-контрольного правоотношения, из которых для правоотношений по защите нарушенных прав значимы три. К таким признакам относятся публично-правовой характер, властная природа с обязательным участием государства в лице компетентного органа и имущественный характер,

[467] См.: Дорошок Т. С. Кредитные организации как участники правоотношений в сфере государственного финансового контроля. С. 101-121.

связанный «с процессом перехода денежных средств от одних субъектов к другим»[468]. В правоотношениях по защите нарушенных прав, возникающих в связи с обращением цифрового рубля, эти признаки сохраняются, но выражаются по-новому. Имущественный элемент в значительной мере становится цифровым. Объектом имущественного элемента являются не материальные носители и не записи на банковских счетах в классическом смысле, а записи об остатке цифровых рублей на счете цифрового рубля, которые ведутся непосредственно на платформе Банка России. В правоотношении по защите нарушенного права принудительное восстановление нарушенного имущественного положения пользователя платформы, например возврат необоснованно списанных средств, означает восстановление остатка цифровых рублей на счете цифрового рубля такого пользователя. Меры принуждения по счету цифрового рубля исполняет сам Банк России, а не поднадзорный банк, однако акты налогового органа и судебного пристава-исполнителя Банк России исполняет как обязанное лицо, а не как субъект принуждения. Иначе обстоит дело с ограничительными мерами, установленными правилами платформы, например с приостановлением доступа к платформе и аннулированием распоряжений пользователя. Такие меры оператор платформы применяет по собственному решению, поэтому властная природа правоотношения выражена в таких мерах сильнее всего и риск произвольного ограничения прав пользователя при применении таких мер наиболее высок.

Для судебной формы защиты в правоотношениях, объектом которых выступает цифровая валюта центрального банка, особенно уместна, как представляется, обязательственная модель, которая получила развернутое доктринальное обоснование и для публично-финансовой сферы в работах Е.Ю. Грачевой, С.В. Запольского, Е.Л. Васяниной и Н.В. Омелехиной[469]. Понятие финансовых обязательств государства использует и Конституционный

[468] Вожагов М. В. Правовое регулирование финансового контроля за оборотом цифровых активов в России и зарубежных государствах. С. 73.

[469] Грачева Е. Ю. К вопросу о финансовых обязательствах государства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 6 (22). С. 10-20; Запольский С. В. Дискуссионные вопросы финансового права : монография. М. : РАП : Эксмо, 2008. С. 124-138; Васянина Е. Л. Обязательства в финансовом праве : монография. М. : Русайнс, 2020; Омелехина Н. В. Финансовые обязательства в системе российского права. Ч. 1. Межотраслевая природа финансовых обязательств // Финансовое право. 2016. № 3. С. 10-17.

Суд Российской Федерации, говоря о федеральных законах, «предусматривающих финансовые обязательства государства, т.е. предполагающих предоставление каких-либо средств и материальных гарантий и необходимость соответствующих расходов»[470], а А.В. Чуряев обосновывает понимание расходного обязательства как двустороннего правоотношения, в котором обязанности публично-правового образования выделить денежные средства корреспондирует право адресата бюджетного финансирования потребовать исполнения такой обязанности[471]. Применительно к правоотношениям по защите нарушенных прав такой подход позволяет видеть в содержании правоотношения не только обязанность лица, допустившего нарушение, но и корреспондирующее такой обязанности право требования лица, права которого нарушены, и такое право может быть защищено в суде. Пользователь платформы цифрового рубля состоит с Банком России в относительном правоотношении, которое возникает из договора счета цифрового рубля (часть 1 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе), и при нарушении такого правоотношения (необоснованное списание цифровых рублей, необоснованное приостановление доступа к платформе, неисполнение распоряжения пользователя) у пользователя возникает субъективное право требовать в судебном порядке восстановления нарушенного права.

Счет цифрового рубля определен в НК РФ отдельно от счета в банке. До 1 января 2027 г. задолженность организации или индивидуального предпринимателя может быть взыскана за счет цифровых рублей при недостаточности или отсутствии денежных средств на счетах в банке и электронных денежных средств, а с 1 января 2027 г. такое условие из НК РФ исключается. Задолженность физического лица взыскивается за счет цифровых рублей в первую очередь наряду с денежными средствами на счетах в банке и электронными денежными средствами. Для обеспечения исполнения

[470] Пункт 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского» // СЗ РФ.2004. № 19 (ч. II). Ст. 1923.

[471] Чуряев А. В. Понуждение к исполнению расходного обязательства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 7. С. 97-119.

решения о взыскании могут быть приостановлены операции по счету цифрового рубля. Поручение налогового органа исполняет и при приостановлении операций блокирует средства оператор платформы, то есть не поднадзорный банк, а сам Банк России, который ежедневно определяет размер ограничения[472]. Закон об исполнительном производстве называет цифровые рубли объектом взыскания и ареста, притом взыскание на цифровые рубли обращается при отсутствии или недостаточности у должника находящихся на счетах и во вкладах в банках или иных кредитных организациях денежных средств в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлов (часть 3 статьи 69 названного Закона). Постановление судебного пристава-исполнителя исполняет оператор платформы цифрового рубля (части 5.4-5.6 статьи 70, части 1 и 5.1 статьи 81 того же Закона).

При взыскании налоговой задолженности за счет денежных средств физического лица не допускается обращение взыскания на доходы, в отношении которых статьями 99 и 101 Закона об исполнительном производстве установлены ограничения размера удержания или запрет обращения взыскания, а должник вправе обратиться с заявлением о сохранении заработной платы и иных доходов в размере прожиточного минимума (подпункты 1 и 2 пункта 4 статьи 48 НК РФ). Однако обе гарантии адресованы банку, поскольку речь идет об исполнении поручения налогового органа банком и о заявлении, которое должник подает в банк. Оператор платформы цифрового рубля в названных подпунктах не упомянут, хотя в первом абзаце того же пункта оператор прямо назван исполнителем поручения в отношении цифровых рублей. Следовательно, при взыскании налоговой задолженности за счет цифровых рублей гражданина названные гарантии законом не обеспечены. Отсутствие гарантий нельзя объяснить дефектом юридической техники. Даже если распространить подпункты 1 и 2 пункта 4 статьи 48 НК РФ на оператора платформы, содержание гарантий

[472] См.: статья 11, пункт 10.1 статьи 46, пункт 3 статьи 48, статья 76 (в редакции Федерального закона от 19 декабря 2023 г. № 610-ФЗ), пункт 3 статьи 77 НК РФ. Пункт 10.1 статьи 46 НК РФ утрачивает силу с 1 января 2027 г. (Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 48 (ч. I). Ст. 7236 (далее - Федеральный закон № 425-ФЗ)).

должника определяется статьями 8, 99 и 101 Закона об исполнительном производстве. Закон об исполнительном производстве прямо исключает применение к цифровым рублям правил, которые обеспечивают сохранение дохода в размере прожиточного минимума и соблюдение ограничений, установленных статьями 99 и 101 названного Закона. Исключения установлены тем же Федеральным законом № 340-ФЗ, которым введен цифровой рубль. Гарантия остается необеспеченной до изменения закона[473].

В бюджетной сфере цифровой рубль присутствует только как платежный инструмент. БК РФ определяет счет цифрового рубля Федерального казначейства и прямо исключает такой счет из состава единого казначейского счета (статья 6 БК РФ). Порядок переводов, установленный статьей 242.11-1 БК РФ, носит, как представляется, транзитный характер, поскольку остаток формируется под конкретную операцию и обнуляется после совершения операции. Иммунитет бюджетов (статья 239 БК РФ) связан со средствами бюджетов, а не со счетом, на котором такие средства учтены, поэтому исключение счета цифрового рубля из единого казначейского счета режим обращения взыскания на бюджетные средства не меняет. В главах 29 и 30 БК РФ о бюджетных нарушениях и бюджетных мерах принуждения (статья 306.2 БК РФ) цифровой рубль не упоминается. Не получила отражения в Кодексе и идея маркирования бюджетных средств. Собственного режима, который определял бы порядок открытия и ведения счета цифрового рубля казначейства, учет операций по такому счету и последствия нарушений, Кодекс не устанавливает. Счет назван и определен, но правовой режим счета не раскрыт[474].

Кроме того, в налоговых правоотношениях по применению мер принуждения, связанных с цифровым рублем, Банк России выступает

---

[473] Подпункты 1 и 2 пункта 4 статьи 48 НК РФ. Ограничения, установленные статьями 99 и 101 Закона об исполнительном производстве, и право должника на сохранение дохода в размере прожиточного минимума (статья 8 названного Закона) адресованы в названных подпунктах банку. Оператор платформы цифрового рубля в подпунктах 1 и 2 не назван, хотя абзацем первым пункта 4 статьи 48 НК РФ оператор прямо указан как исполнитель поручения налогового органа. См. также часть 11 статьи 69, часть 15 статьи 70 и часть 5.1 статьи 81 Закона об исполнительном производстве (введены Федеральным законом № 340-ФЗ).

[474] Статьи 6, 242.11-1 и пункт 5 статьи 242.12 БК РФ. Правовой режим счета цифрового рубля Федерального казначейства Кодексом не раскрыт, нормы о казначейском обслуживании и о бюджетных мерах принуждения такой счет не упоминают.

не субъектом принуждения, а обязанным лицом. Кодекс возлагает на оператора платформы обязанности сообщать об открытии и закрытии счетов цифрового рубля, выдавать налоговым органам справки об остатках и выписки по операциям, представлять копии документов. За неисполнение этих обязанностей оператор отвечает наравне с банками. Составы правонарушений прямо называют оператора субъектом ответственности, а порядок взыскания штрафов с оператора установлен отдельной статьей (статья 136 НК РФ). Тем самым в правоотношении по защите нарушенного права, объектом которого выступает цифровой рубль, Банк России занимает сразу две позиции. По требованиям к пользователю платформы Банк России исполняет чужой акт принуждения, а по собственным обязанностям сам является лицом, к которому принуждение применяется. Привычная для финансового права конструкция, в которой публичный субъект применяет меру, а обязанное лицо претерпевает эту меру, здесь не воспроизводится. Напротив, эмитент национальной валюты оказывается в положении, сопоставимом с положением кредитной организации[475].

Поскольку Банк России совмещает функции эмитента, оператора платформы и органа надзора и сам устанавливает правила платформы, для пользователя необходимы специальные процедурные гарантии. Такие гарантии Федеральный закон № 115-ФЗ устанавливает для расторжения оператором договора счета цифрового рубля и для отказа в совершении операции с цифровыми рублями. О расторжении договора оператор в день принятия решения сообщает пользователю с указанием даты и причин решения (подпункт 11 пункта 1 статьи 7.9 Федерального закона № 115-ФЗ). При отказе в совершении операции, распоряжение о которой передано непосредственно оператору, пользователь не позднее пяти рабочих дней получает сведения о дате и причинах отказа, вправе представить оператору заявление об отсутствии оснований для отказа, на которое оператор отвечает не позднее семи рабочих дней, а затем обратиться в межведомственную комиссию, решение которой может быть оспорено в суде

[475] См.: статьи 86, 132, 134, 135.1, 135.2 и 136 НК РФ.

(подпункт 12 пункта 1 статьи 7.9 и статья 7.14 названного Закона). Для приостановления доступа к платформе по правилам платформы подобные гарантии не установлены.

Доступ пользователя приостанавливается, в частности, при выявлении операции с признаками перевода без добровольного согласия клиента и при нарушении целостности приложения клиента (пункт 4.12 Положения № 820-П), а Указанием Банка России от 8 октября 2025 г. № 7203-У к основаниям приостановления доступа добавлены нарушение пользователем правил платформы и случаи, предусмотренные договором счета цифрового рубля (пункт 4.14 того же Положения). Два последних основания бланкетны, поскольку состав нарушения не описан, а договор счета цифрового рубля оператор вправе изменять в одностороннем порядке[476].

Следовательно, новое основание приостановления доступа оператор может ввести сам, изменив в одностороннем порядке договор счета цифрового рубля. Чтобы исключить такую возможность, часть 5 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе предлагается дополнить предложением в редакции «Ограничения права пользователя платформы цифрового рубля распоряжаться цифровыми рублями не могут устанавливаться изменениями договора счета цифрового рубля, вносимыми оператором платформы цифрового рубля в одностороннем порядке в соответствии с частью 13 настоящей статьи.»

Положение № 820-П не обязывает оператора мотивировать решение о приостановлении доступа и не определяет предельный срок ограничения. Порядок уведомления пользователя фактически тоже не определен. Пункт 3.12 Положения № 820-П обязывает Банк России сообщать пользователю об изменении статуса счета цифрового рубля, к которому пункт 3.11 Положения № 820-П относит и приостановление доступа к платформе. Однако такое сообщение направляется

[476] Положение № 820-П (в редакции Указания Банка России от 7 апреля 2026 г. № 7342-У). См.: пункты 3.16, 4.12, 4.14, главу 6 и приложение 1. Абзацы пункта 4.14 о нарушении правил платформы и о случаях, предусмотренных договором счета цифрового рубля, введены Указанием Банка России от 8 октября 2025 г. № 7203-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 3 августа 2023 года № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Вестник Банка России. 2026. № 4. О праве оператора изменять договор в одностороннем порядке см.: часть 13 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе.

в виде извещения в порядке пунктов 5.15 и 5.16 Положения № 820-П, а названные пункты регулируют только извещения об исполнении распоряжений и не упоминают о приостановлении доступа. Ни срока, ни содержания такого уведомления Положение № 820-П не устанавливает. Слова «обжалование», «оспаривание», «жалоба» и «суд» в тексте Положения № 820-П не встречаются ни разу, равно как не встречается и слово «ответственность». Следовательно, норм об ответственности оператора платформы перед пользователем акт не содержит. Порядок урегулирования споров, установленный приложением 1 к Положению № 820-П, доступен только участникам платформы. Претензию по такому порядку направляет участник платформы, и претензия должна содержать сведения об организации, в том числе банковский идентификационный код и номер счета цифрового рубля участника, а по результатам рассмотрения Банк России не позднее десяти рабочих дней удовлетворяет претензию, отказывает в признании претензии или создает согласительную комиссию (пункты 1 и 3 приложения 1 к Положению № 820-П).

Пользователь платформы, независимо от гражданства и налогового статуса, по такому порядку претензию подать не может. Запросы и претензии пользователя, связанные с использованием счета цифрового рубля, с предоставлением информации о счете и о совершенных операциях, направляются участнику платформы. Участник рассматривает такие запросы и претензии самостоятельно либо передает в Банк России. Кроме того, пользователь может направить запрос или претензию, связанные с обслуживанием по договору счета цифрового рубля, непосредственно в Банк России через каналы обслуживания клиентов (абзац пятый пункта 3.16 Положения № 820-П). Претензию, направленную напрямую, рассматривает сам оператор, то есть сторона спора. Срок рассмотрения составляет тридцать дней (календарных, поскольку иного Положение не устанавливает) и при необходимости получения дополнительных документов или сведений может быть продлен Банком России не более чем на тридцать календарных дней (абзац четвертый пункта 3.16 того же Положения), а требований к содержанию ответа нет.

Счет цифрового рубля закон относит к отдельному виду банковского счета, а к правоотношениям по такому счету применяются правила главы 45 ГК РФ, если иное не установлено законодательством о национальной платежной системе. Следовательно, в случаях несвоевременного зачисления или необоснованного списания цифровых рублей, а также невыполнения или несвоевременного выполнения указаний пользователя оператор платформы на основании статьи 856 ГК РФ обязан уплатить на соответствующую сумму проценты в порядке и в размере, предусмотренных статьей 395 ГК РФ[477]. Запрет начислять проценты на остаток цифровых рублей (часть 4 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе) такому выводу, как представляется, не препятствует, поскольку исключает проценты как плату за пользование средствами, тогда как статья 395 ГК РФ предусматривает проценты как меру ответственности.

Более серьезная проблема в том, что по пункту 1 статьи 395 ГК РФ иной размер процентов может быть установлен договором, а договор счета цифрового рубля оператор вправе изменять в одностороннем порядке. Впрочем, для разных пользователей эта возможность различается. Условие договора присоединения или иного договора с гражданином-потребителем, которое заранее уменьшает размер ответственности должника, ничтожно, если размер ответственности за данное нарушение определен законом (пункт 2 статьи 400 ГК РФ). Размер процентов определен ключевой ставкой Банка России (пункт 1 статьи 395 ГК РФ), а условия договора счета цифрового рубля согласуются до нарушения, поэтому снизить договором ставку процентов или ограничить проценты предельной суммой в отношениях с гражданином, как представляется, нельзя. В отношениях с юридическими лицами такого запрета нет, поскольку пункт 2 статьи 400 ГК РФ относится только к договорам, в которых кредитором является гражданин, выступающий в качестве потребителя. Формально по закону счет цифрового рубля открывается на условиях, согласованных сторонами. Но право одностороннего изменения договора принадлежит оператору,

[477] Часть 2 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе; пункт 7 статьи 845, статья 856, пункт 1 статьи 860 ГК РФ.

и присоединившемуся пользователю остается требовать изменения договора как договора присоединения[478]. Ситуацию усугубляет то, что содержание обязанностей оператора определяют правила платформы, которые закон прямо называет нормативными актами Банка России. Таким образом, должник сам определяет нормативным актом, что считается надлежащим исполнением, а договором, который вправе изменять в одностороннем порядке, может определить размер ответственности[479].

Банк России не только устанавливает правила платформы, но и ведет учет цифровых рублей на платформе, оставаясь одновременно должником перед пользователем. Пользователь, оспаривающий списание или отказ в совершении операции, вынужден, следовательно, доказывать обстоятельства спора по данным системы, которую ведет другая сторона спора.

Общее правило распределения бремени доказывания сохраняется в таком споре только отчасти. Отсутствие вины доказывает сам оператор. По спорам об операциях без добровольного согласия клиента закон прямо возлагает бремя доказывания на оператора по переводу денежных средств, а на оператора платформы такое правило прямо не распространено. Пользователю не с чем сверить сведения платформы, так как оператор платформы не отнесен к числу поднадзорных Банку России организаций, а сама платформа названа объектом наблюдения, то есть деятельности, которая ведется на основе рекомендаций Банка России][480].

При нарушении правил платформы участником платформы Банк России направляет участнику уведомление о нарушении не позднее тридцати календарных дней со дня выявления нарушения (пункт 6.6 Положения № 820-П). Срок ответа на уведомление указывается в самом уведомлении и не может составлять менее пяти рабочих дней после дня получения уведомления. Участник вправе направить мотивированное обращение о переносе такого срока, а отказ в переносе

[478] Пункт 2 статьи 400, пункт 4 статьи 401, пункт 2 статьи 428 ГК РФ; части 2 и 13 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе.
[479] Пункт 39 статьи 3 Закона о национальной платежной системе.
[480] Пункт 2 статьи 401 ГК РФ; части 13-15 статьи 9, часть 11 статьи 7.1, части 4 и 5 статьи 31 Закона о национальной платежной системе.

Банк России направляет участнику письмом (пункты 6.7 и 6.8 того же Положения). Пользователю же за нарушение тех же правил доступ к платформе приостанавливается без мотивированного уведомления, без срока и без права возражать (пункт 4.14 того же Положения). Иначе урегулировано исключение сведений из базы данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без добровольного согласия клиента, поскольку заявление об исключении сведений рассматривается с вынесением мотивированного решения в срок не более пятнадцати рабочих дней, а решение об отказе может быть обжаловано в суд (часть 11.10 статьи 9 Закона о национальной платежной системе). По части 11 статьи 7.1 того же Закона участник платформы обязан реализовать мероприятия по противодействию осуществлению переводов денежных средств без добровольного согласия клиента, в том числе в соответствии с частями 11.8-11.10 статьи 9 названного Закона.

Порядок обжалования решений оператора платформы закон предусматривает для отказа в совершении операции по подпункту 1 пункта 3 статьи 7.10 Федерального закона № 115-ФЗ (подпункт 12 пункта 1 статьи 7.9 и статья 7.14 названного Закона), но на приостановление доступа по правилам платформы такой порядок не распространяется[481]. Закон о цифровых валютах прямо устанавливает ответственность оператора информационной системы перед обладателями цифровых прав, в том числе за утрату информации, хранящейся в информационной системе оператора, и за нарушение оператором правил работы информационной системы (пункты 1 и 4 части 1 статьи 12 названного Закона), а также ответственность цифрового депозитария за полноту и правильность записей по цифровым счетам (часть 2 статьи 20 того же Закона). Ответственность же оператора платформы цифрового рубля перед пользователем специальными нормами не установлена. По пункту 4 статьи 7.9 Федерального закона № 115-ФЗ, напротив, реализация оператором платформы прав и обязанностей,

[481] Пункты 4.14 и 6.6-6.8 Положения № 820-П; части 11 и 12 статьи 7.1, часть 11.10 статьи 9, части 5 и 13 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе; статьи 7.9 и 7.14 Федерального закона № 115-ФЗ.

предусмотренных статьями 7.9 и 7.10 названного Закона, не является основанием для возникновения гражданско-правовой ответственности оператора.

Кредитные организации обязаны организовать взаимодействие с финансовым уполномоченным, поэтому требование гражданина к банку о взыскании денежных сумм может быть рассмотрено без обращения в суд (пункт 5 части 1 статьи 28 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»[482], далее - Закон о финансовом уполномоченном). Банк России среди организаций, обязанных взаимодействовать с финансовым уполномоченным, не назван. Финансовый уполномоченный рассматривает обращения только в отношении финансовых организаций, включенных в реестр или перечень, предусмотренные статьями 29 и 30 Закона о финансовом уполномоченном (часть 1 статьи 15 того же Закона). Следовательно, спор пользователя с оператором платформы цифрового рубля к финансовому уполномоченному не попадает. Есть и другое препятствие. Финансовый уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим, в том числе от Банка России (часть 4 статьи 2 того же Закона). Однако реестр организаций, обязанных взаимодействовать с финансовым уполномоченным, ведет Банк России (часть 1 статьи 29 Закона о финансовом уполномоченном). Главного финансового уполномоченного назначает Совет директоров Банка России (часть 1 статьи 4 того же Закона), а в Совет Службы финансового уполномоченного входят пять представителей Банка России (часть 1 статьи 7 того же Закона). Даже если включить оператора платформы в такой механизм, спор с Банком России рассматривался бы в системе, в формировании которой участвует сам Банк России. По той же причине проверку действий оператора должностным лицом, независимым по закону от структурных подразделений Банка России, нельзя считать заменой судебной защиты, поскольку такое лицо остается в системе Банка России. Результаты такой проверки пользователь может представить суду как доказательство в споре с оператором. При обращении в Банк России

[482] СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

независимое рассмотрение спора также не обеспечивается. Клиент кредитной организации обращается в Банк России как в орган надзора. Порядок рассмотрения таких обращений установлен главой XI.2 Закона о Банке России. В статье 79.3 названного Закона речь идет об обращении физического лица о нарушении прав кредитной организацией, некредитной финансовой организацией или бюро кредитных историй, а оператор платформы цифрового рубля не назван. Претензию пользователя, направленную в Банк России, рассматривает сам оператор платформы (пункт 3.16 Положения № 820-П). Контроль за соблюдением правил платформы закон также возлагает на оператора (часть 1 статьи 30.7 Закона о национальной платежной системе). Банк России, следовательно, проверяет собственные действия. Межведомственная комиссия, в которую обжалуется отказ оператора в совершении операции по подпункту 1 пункта 3 статьи 7.10 Федерального закона № 115-ФЗ (пункты 4 и 7 статьи 7.14 названного Закона), создана при Банке России, и в состав комиссии входят представители Банка России и уполномоченного органа, которым является Росфинмониторинг (абзацы первый и второй пункта 13.5 статьи 7 названного Закона). Иные решения оператора платформы названная комиссия не рассматривает. Механизма, который обеспечивал бы независимое внесудебное рассмотрение спора между пользователем и оператором платформы, действующее законодательство не устанавливает. В споре с оператором платформы эффективным способом защиты нарушенных прав для пользователя остается обращение в суд. Следовательно, гарантии прав пользователя должны быть установлены федеральным законом, а не нормативными актами Банка России. Приостановление доступа ограничивает право пользователя распоряжаться цифровыми рублями, а по части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом. Такие гарантии предлагается закрепить непосредственно в главе 4.2 Закона о национальной платежной системе, которая посвящена платформе цифрового рубля.

Правила платформы, которыми установлены основания приостановления доступа, могут быть оспорены в Верховном Суде Российской Федерации в порядке, установленном для оспаривания нормативных правовых актов[483], тогда как для индивидуального решения оператора о приостановлении доступа по конкретному счету специальной нормы о порядке обжалования, подобной статье 7.14 Федерального закона № 115-ФЗ, нет. Договорная природа правоотношений по счету является доводом в пользу искового порядка, однако статья 218 КАС РФ и статья 197 АПК РФ допускают оспаривание решений организаций, наделенных отдельными публичными полномочиями, и вопрос о том, охватывается ли решение оператора названными нормами, остается открытым. Разграничивать решения, которые Банк России принимает как регулятор и как оператор платформы, необходимо, следовательно, и для выбора надлежащей формы защиты, тем более что статья 4 Закона о Банке России называет организацию и обеспечение функционирования платформы цифрового рубля в одном перечне функций Банка России с установлением правил осуществления расчетов и надзором и наблюдением в национальной платежной системе (пункты 4, 4.1 и 4.2).

Чтобы закрепить в законе основания и срок приостановления доступа к платформе, обязанность оператора мотивировать такое решение, порядок обжалования решения и ответственность оператора перед пользователем, статью 30.8 Закона о национальной платежной системе предлагается дополнить частями 14-17 в следующей редакции

«14. Оператор платформы цифрового рубля вправе приостановить доступ пользователя платформы цифрового рубля к платформе цифрового рубля в случае нарушения пользователем правил платформы цифрового рубля, создающего угрозу бесперебойности функционирования платформы цифрового рубля или безопасности операций с цифровыми рублями, а также в иных случаях,

[483] Статья 7 Закона о Банке России; глава 21 и пункт 1 статьи 21 КАС РФ.

предусмотренных федеральными законами. Порядок приостановления и возобновления доступа устанавливается нормативным актом Банка России.

15. Не позднее одного рабочего дня со дня приостановления доступа оператор платформы цифрового рубля направляет пользователю платформы цифрового рубля, в том числе через участника платформы цифрового рубля, мотивированное уведомление с указанием даты, основания и срока приостановления, а также порядка обжалования решения о приостановлении. Срок приостановления доступа по основаниям, предусмотренным частью 14 настоящей статьи, не может превышать тридцати календарных дней. Указанный срок не применяется, если доступ приостановлен по заявлению пользователя либо во исполнение решения суда или иного уполномоченного органа.

16. Пользователь платформы цифрового рубля вправе представить оператору платформы цифрового рубля заявление об отсутствии оснований для приостановления доступа с приложением подтверждающих документов. Оператор платформы цифрового рубля не позднее семи рабочих дней со дня получения заявления возобновляет доступ либо направляет пользователю мотивированный отказ, который может быть обжалован в суд.

17. Нарушение оператором платформы цифрового рубля правил платформы цифрового рубля влечет последствия, предусмотренные договором счета цифрового рубля, независимо от результатов оспаривания правил платформы цифрового рубля в судебном порядке. Соблюдение правил платформы цифрового рубля само по себе не освобождает оператора платформы цифрового рубля от ответственности перед пользователем за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору счета цифрового рубля, в том числе за утрату учтенных на счете цифровых рублей. Утрата записи об остатке цифровых рублей не прекращает обязательства оператора платформы цифрового рубля перед пользователем платформы цифрового рубля. Оператор платформы цифрового рубля обязан восстановить остаток цифровых рублей на счете цифрового рубля пользователя. От ответственности за убытки, причиненные утратой записи, оператор платформы цифрового рубля освобождается, только если докажет,

что утрата произошла вследствие непреодолимой силы. Вред, причиненный пользователю, в том числе правомерными действиями оператора при приостановлении доступа, возмещается в соответствии с гражданским законодательством, если иное не предусмотрено федеральным законом. Результаты проверки соблюдения оператором платформы цифрового рубля правил платформы цифрового рубля, проведенной в соответствии с частью второй статьи 83.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», могут использоваться пользователем в качестве доказательства в споре с оператором.»

По предлагаемой части 14 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе оператор, как и по действующему регулированию, вправе приостановить доступ пользователя к платформе за нарушение правил платформы, но только если такое нарушение создает угрозу бесперебойности функционирования платформы или безопасности операций. Иные основания приостановления доступа может установить только федеральный закон, а договором счета цифрового рубля такие основания установить нельзя, поэтому перечень оснований становится закрытым. Основаниями приостановления доступа, установленными федеральными законами, остаются арест цифровых рублей (статья 81 Закона об исполнительном производстве), приостановление операций по счету цифрового рубля (статья 76 НК РФ) и замораживание (блокирование) цифровых рублей (подпункты 8 и 9 пункта 1 статьи 7.9 Федерального закона № 115-ФЗ). Приостановление доступа по заявлению самого пользователя не ограничивает права пользователя, в связи с чем на такое приостановление часть 14 не распространяется. Для приостановления доступа часть 14 действует как специальная норма по отношению к части 5 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе, которая допускает ограничения, предусмотренные договором. Порядок приостановления и возобновления доступа, как и сейчас, устанавливается нормативным актом Банка России, тогда как основания и предельный срок приостановления, обязанность оператора мотивировать решение и порядок обжалования такого решения предлагается закрепить в законе.

Порядок обжалования в предлагаемой части 16 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе заимствован из статьи 7.14 Федерального закона № 115-ФЗ, по которой пользователь вправе подать оператору заявление об отсутствии оснований для отказа в совершении операции с приложением подтверждающих документов, а оператор обязан ответить не позднее семи рабочих дней. В отличие от названной статьи часть 16 не предусматривает обращения в межведомственную комиссию, и мотивированный отказ оператора может быть сразу обжалован в суд.

По предлагаемой части 17 статьи 30.8 Закона о национальной платежной системе гражданско-правовые и финансово-правовые средства защиты не исключают друг друга, поскольку нарушение оператором правил платформы влечет последствия по договору счета цифрового рубля независимо от результатов оспаривания правил платформы в суде, а соблюдение правил платформы само по себе не освобождает оператора от ответственности перед пользователем. Той же частью для оператора платформы устанавливается ответственность за утрату учтенных цифровых рублей по образцу ответственности оператора информационной системы за утрату информации, хранящейся в информационной системе оператора (пункт 1 части 1 статьи 12 Закона о цифровых валютах), цифрового депозитария за полноту и правильность записей по цифровым счетам (часть 2 статьи 20 названного Закона) и оператора инфраструктуры на основе распределенного реестра (статья 7(6) Регламента (ЕС) 2022/858). Оператор информационной системы и цифровой депозитарий учитывают имущество обладателей, тогда как оператор платформы учитывает собственные обязательства, поскольку запись на платформе отражает размер обязательств оператора перед пользователями (часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе). Утрата такой записи не прекращает долга оператора, поэтому по части 17 оператор обязан восстановить остаток цифровых рублей, а размер ответственности оператора не ограничен. Оговорка «если иное не предусмотрено федеральным законом» в той же части сохраняет действие пункта 4 статьи 7.9 Федерального закона № 115-ФЗ, по которому реализация оператором платформы прав

и обязанностей, предусмотренных статьями 7.9 и 7.10 названного Закона, не является основанием для возникновения гражданско-правовой ответственности оператора. Части второй статьи 83.1 Закона о Банке России, названной в части 17, в действующей редакции нет, в связи с чем статью 83.1 названного Закона предлагается дополнить частью второй, по которой соблюдение оператором платформы правил платформы проверяет должностное лицо, независимое по закону от структурных подразделений Банка России. Предлагаемые гарантии значимы не только для отдельного пользователя, но и для устойчивости цифрового рубля как формы национальной валюты, поскольку ценность денег, не имеющих собственной товарной стоимости, основана на доверии к государству-эмитенту, а для цифрового рубля такое доверие зависит и от того, насколько защищен пользователь в правоотношении с Банком России как оператором платформы. Если основания и срок приостановления доступа определяет сам оператор, пользователь не может заранее знать, при каких условиях утратит возможность распоряжаться цифровыми рублями. Думается, что закрепление названных гарантий федеральным законом усилит защиту прав и законных интересов пользователей платформы цифрового рубля и тем самым укрепит такое доверие.

Главная особенность правоотношений по защите нарушенных прав, объектом которых выступает цифровая валюта центрального банка, состоит в том, что обязанность обеспечить устойчивость цифровой формы национальной валюты и защиту имущественных интересов пользователей платформы цифрового рубля лежит на Банке России, который одновременно является эмитентом, оператором платформы и органом надзора, а также сам устанавливает правила платформы. Хотя цифровые рубли отнесены к объектам гражданских прав (статья 128 ГК РФ), частноправовыми такие правоотношения не становятся, поскольку условия доступа к платформе устанавливаются правилами платформы, которые являются нормативными актами Банка России (пункт 39 статьи 3 Закона о национальной платежной системе). Механизм защиты цифровой валюты центрального банка принципиально отличается от складывающегося в практике российских судов подхода к защите цифровой валюты в значении пункта 1 части 1 статьи 2 Закона

о цифровых валютах, поскольку у цифровой валюты центрального банка есть публичный эмитент, обязанный перед каждым обладателем.

Цифровая валюта и цифровой рубль могут совпадать по признаку контроля в понимании Принципов УНИДРУА о цифровых активах и частном праве[484], но различаются по способу учета, по субъекту эмиссии и по наличию лица, обязанного перед каждым обладателем. Цифровой рубль учитывается записью об остатке на централизованной платформе, тогда как цифровая валюта, как правило, учитывается в распределенном реестре, а юридически лица, обязанного перед каждым обладателем, у цифровой валюты нет. Различие между режимами защиты названных объектов вызвано, как представляется, не технологией учета, а прежде всего субъектом эмиссии и наличием обязанного лица.

До 31 августа 2026 г. включительно судебная защита связанных с обладанием цифровой валютой требований лиц, указанных в части 5 статьи 14 Закона о ЦФА, зависела от того, информировали ли такие лица о фактах обладания цифровой валютой и совершения с цифровой валютой гражданско-правовых сделок и (или) операций в порядке, установленном законодательством о налогах и сборах (часть 6 статьи 14 Закона о ЦФА). Постановлением № 2-П названная норма признана не противоречащей Конституции Российской Федерации только применительно к цифровой валюте, полученной в результате майнинга, притом федеральному законодателю предписано внести необходимые изменения в правовое регулирование. Порядок информирования налоговых органов был установлен только для лиц, занимавшихся майнингом[485], а отказ в судебной защите иным обладателям цифровой валюты при отсутствии такого порядка, по оценке Конституционного Суда Российской Федерации, не согласуется с правом

[484] Principles on Digital Assets and Private Law / UNIDROIT. Principle 6. Commentary to Principle 2. Paras 2.11-2.13.
[485] Часть 10 статьи 14.2 Закона о ЦФА (в редакции Федерального закона от 25 октября 2024 г. № 349-ФЗ, утратила силу с 1 сентября 2026 г. на основании пункта 1 части 1 статьи 22 Федерального закона № 283-ФЗ), в настоящее время часть 11 статьи 3 Закона о цифровых валютах. Часть 6 статьи 14 Закона о ЦФА предусматривала информирование налогового органа о фактах обладания цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

на судебную защиту, гарантированным частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации (пункт 5 мотивировочной части Постановления № 2-П).

До вступления в силу Закона о цифровых валютах выпуск и обращение криптовалюты не были полностью урегулированы специальными нормами российского законодательства. Правила о контроле, рассчитанные на электронные денежные средства, платежные системы и иностранную валюту, к обороту криптовалюты не применялись, поскольку криптовалюта не подпадает ни под определение электронных денежных средств (пункт 18 статьи 3 Закона о национальной платежной системе), ни под определение платежной системы (пункт 20 статьи 3 того же Закона) и не признается иностранной валютой (пункт 2 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании).

Кроме того, операции с криптовалютой, как правило, анонимны. По оценке Банка России, в связи с анонимным характером выпуска и использования «виртуальных валют» граждане и юридические лица могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма. Операции с криптовалютой могут также привести к финансовым потерям граждан и к невозможности защитить права потребителей финансовых услуг в случае нарушения таких прав[486].

Следовательно, из-за анонимности операций с цифровыми валютами законодатель, как представляется, установил особое публично-правовое условие доступа к судебной защите. Тем самым законодатель связал доступ к суду с получением налоговыми органами сведений об обороте цифровой валюты, и целью такого решения, думается, была защита публичного порядка и финансового суверенитета Российской Федерации. На раннем этапе суды отказывали в судебной защите прав на криптовалюту, указывая, что «при отсутствии специального нормативно-правового регулирования криптовалюты

[486] См.: Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн : информация Банка России от 27 января 2014 г. ; Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют) : информация Банка России от 4 сентября 2017 г. // Вестник Банка России. 2017. № 80.

в Российской Федерации указанные правоотношения находятся за рамками правового поля и не подлежат судебной защите»[487]. В 2023-2024 годах суды общей юрисдикции стали отказывать в защите по другому основанию, ссылаясь на то, что истец не проинформировал налоговые органы об обладании цифровой валютой и о сделках с цифровой валютой[488].

Условие об информировании не означало, что криптовалюта, об обладании которой налоговые органы не были проинформированы, не признается иным имуществом применительно к статье 128 ГК РФ[489] и имуществом для целей налогообложения[490], и ограничивало только доступ к судебной защите.

Как отмечается в литературе, имущественные декларации наиболее часто применяются в налоговом праве «в качестве элемента, обеспечивающего возможность осуществления мер налогового контроля, а значит, и исполнение одной из основных конституционных обязанностей»[491]. Тот же вывод применим к информированию налоговых органов об обладании цифровой валютой, без которого до 1 сентября 2026 г. не подлежали судебной защите требования лиц, указанных в части 5 статьи 14 Закона о ЦФА (часть 6 названной статьи). Такое информирование имело публично-правовое, а не гражданско-правовое назначение. Следовательно, целью такого информирования было не ограничение доступа

---

[487] Апелляционное определение Московского городского суда от 06.08.2020 по делу № 33-27880/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[488] Апелляционное определение Московского городского суда от 06.06.2024 по делу № 33-19434/2024 и определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2024 по делу № 88-23350/2024 по тому же спору; решение Волоколамского городского суда Московской области от 16.12.2024 по делу № 2-19310/2024; решение Савеловского районного суда города Москвы от 13.11.2023 по делу № 2-9249/2023; решение Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга от 11.11.2024 по делу № 2-6180/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[489] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017; апелляционное определение Московского городского суда от 20.10.2022 по делу № 33-41465/2022 // СПС «КонсультантПлюс». Московский городской суд квалифицировал переданную в доверительное управление криптовалюту как иное имущество по статье 128 ГК РФ и отказал в иске ввиду избрания ненадлежащего способа защиты. Конституционный Суд Российской Федерации привел то же определение как пример отказа, основанного и на неисполнении условия части 6 статьи 14 Закона о ЦФА (Постановление № 2-П, пункт 4.2 мотивировочной части). См. также: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7 // СПС «КонсультантПлюс» (Верховный Суд Российской Федерации потребовал оценить, в силу какой нормы перевод денежных средств в оплату криптовалюты является неосновательным обогащением).

[490] См.: Федеральный закон № 418-ФЗ. Цифровая валюта признавалась имуществом в абзаце третьем пункта 2 статьи 38 НК РФ. Пункт 2 статьи 38 НК РФ утратил силу с 1 января 2026 г. (Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ), и в настоящее время правило о признании цифровой валюты имуществом содержится в абзаце тридцать третьем пункта 2 статьи 11 НК РФ.

[491] Журавлева О. О. Правовая природа налоговой декларации // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 3.

физических и юридических лиц к судебной защите, а обеспечение прозрачности финансовых потоков, контроль за доходами и соблюдение налоговых обязательств. Уведомление ФНС России об обладании цифровой валютой выступало прежде всего инструментом публичного надзора. Такое уведомление было направлено на предотвращение правонарушений, включая легализацию преступных доходов и уклонение от уплаты налогов и иных обязательных платежей, на защиту бюджета и финансовой стабильности государства и на реализацию принципа финансового суверенитета.

Во-первых, до января 2026 года законодатель и суды придерживались формально-правового подхода, и правообладателям криптовалюты, которые не информировали налоговые органы, суды, как правило, отказывали в судебной защите. Порядок информирования был установлен только для лиц, осуществляющих майнинг. Ранее автором предлагалось предоставить право на судебную защиту всем правообладателям криптовалюты и автоматически признавать права правообладателей на такие цифровые объекты за весь период владения до обращения в суд[492]. Тогда физические и юридические лица не лишались бы права на судебную защиту, а фискальный интерес государства обеспечивался бы последующим уведомлением ФНС России. Впоследствии от условия об информировании отказались, хотя и иным способом. Сначала Конституционный Суд Российской Федерации сузил сферу действия условия, а затем законодатель отменил условие полностью. Во-вторых, цифровые рубли прямо названы в статье 128 ГК РФ среди безналичных денежных средств, то есть отнесены к имущественным правам, тогда как цифровая валюта в статье 128 ГК РФ не названа, до 1 сентября 2026 г. квалифицировалась судами как иное имущество, а с 1 сентября 2026 г. определена как имущество в пункте 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах, в обоих случаях без указания на вид такого имущества.

[492] См.: Горбунов Е. А. Способы защиты прав на цифровые валюты // Финансовое право. 2026. № 3. С. 35-40.

Последний вывод подтверждается прежде всего законом, поскольку оператор платформы учитывает цифровые рубли записью, отражающей размер обязательств оператора перед пользователями платформы (часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе). Тот же вывод встречается и в правовой литературе[493]. В Концепции цифрового рубля цифровой рубль также назван обязательством Банка России[494].

Криптовалюта и цифровой рубль имеют разную правовую природу, поэтому и защищаются по-разному. Цифровой рубль защищается как обязательственное требование к Банку России, поскольку цифровые рубли отнесены к безналичным денежным средствам (статья 128 ГК РФ), а обязанным перед пользователем лицом выступает Банк России как оператор платформы (часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе, статья 82.10 Закона о Банке России). Криптовалюта защищается обязательственными способами, направленными против контрагента по сделке, а не против эмитента (например, иск о возврате неосновательного обогащения[495], возмещении убытков, взыскании стоимости)[496].

До принятия Закона о цифровых валютах одни суды восполняли отсутствие специальных норм аналогией закона и аналогией права (статья 6 ГК РФ)[497], а в случае, отмеченном Конституционным Судом Российской Федерации, несоблюдение условия об информировании не помешало удовлетворить гражданский иск в уголовном деле[498]. Другие суды отказывали в удовлетворении требований, связанных с криптовалютой, ссылаясь на отсутствие правового

---

[493] См., напр.: Затулина Т. Н. Цифровой рубль и цифровая валюта как инновационные инструменты современной финансовой политики // Финансовое право. 2023. № 8. С. 3: «цифровой рубль не имеет в себе материального носителя в буквальном понимании этого слова, а следовательно, тяготеет к безналичным денежным средствам, которые признаны имущественными правами».

[494] Концепция цифрового рубля. С. 9-10. Термин «обязательство Банка России» в Концепции использован в экономическом контексте.

[495] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.04.2024 № 69-КГ24-3-К7 // СПС «КонсультантПлюс». Иск был заявлен о взыскании неосновательного обогащения в связи с перечислением криптовалюты USDT, и Верховный Суд Российской Федерации, указав, что нормы о неосновательном обогащении применяются субсидиарно по отношению к нормам о договоре, направил дело на новое рассмотрение.

[496] См.: Горбунов Е. А. Способы защиты прав на цифровые валюты. С. 35.

[497] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс». Суд указал, что имущество должника, имеющее экономическую ценность для кредиторов, включая криптовалюту, не может быть произвольно исключено из конкурсной массы, и сослался на статью 6 ГК РФ об аналогии закона и аналогии права.

[498] Постановление № 2-П, пункт 4.2 мотивировочной части (со ссылкой на кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.07.2024 № 77-2735/2024).

регулирования на момент спорных правоотношений[499] и доказательств наличия нарушенного права[500].

Запрет части 5 статьи 14 Закона о ЦФА, касавшийся только приема цифровой валюты в качестве встречного предоставления за товары, работы, услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг), передачу цифровой валюты на условиях возвратности не охватывал[501]. Тем не менее Арбитражный суд Дальневосточного округа постановлением от 17 октября 2024 г. № Ф03-4600/2024 по делу № А51-21353/2021 отказал во включении в реестр требований кредиторов должника денежной суммы в размере предоставленной на условиях займа и не возвращенной криптовалюты. Суд сослался на то, что источник и момент приобретения криптовалюты кредитором не подтверждены, получатель достоверно не идентифицирован, документов об информировании налоговых органов не представлено, а иной подход фактически допускал бы легализацию сомнительных операций вопреки Федеральному закону № 115-ФЗ. По логике суда, достоверно установить поступление криптовалюты в распоряжение должника в таком случае нельзя, и поэтому лицо лишается права на судебную защиту.

Предписание внести в правовое регулирование необходимые изменения (пункт 3 резолютивной части Постановления № 2-П) федеральный законодатель исполнил не изменением части 6 статьи 14 Закона о ЦФА, а отказом от условия, при котором судебная защита требований, связанных с обладанием цифровой валютой, зависела от информирования налоговых органов. Условие об информировании, которое воспроизводила часть 4 проектируемой статьи 16 внесенного Правительством Российской Федерации проекта федерального

---

[499] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.10.2024 № Ф03-4600/2024 по делу № А51-21353/2021; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.10.2021 № Ф06-9272/2021 по делу № А57-15876/2020 // СПС «КонсультантПлюс». В первом деле суд указал, что законодательством не регламентирован государственный контроль за оборотом цифровой валюты, источник выпуска которой неизвестен. Во втором деле рассматривалось требование о взыскании упущенной выгоды в связи с порчей оборудования для майнинга.

[500] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.06.2020 № Ф05-7176/2020 по делу № А40-164942/2019; определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.08.2021 № 305-ЭС21-14094 по делу № А41-4212/2020 // СПС «КонсультантПлюс». См. также: решение Савеловского районного суда города Москвы от 09.11.2021 по делу № 2-2888/2021 (отказано в истребовании криптовалюты, переданной в доверительное управление, так как истец не доказал заключение договора доверительного управления).

[501] Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования. С. 8-9.

закона № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах»[502], при подготовке ко второму чтению было исключено. В Законе о цифровых валютах судебная защита с информированием налоговых органов не связана.

Федеральным законом № 283-ФЗ статья 14 Закона о ЦФА, включая часть 6 названной статьи, признана утратившей силу с 1 сентября 2026 г.[503] Сохраненные обязанности лиц, осуществляющих майнинг, и операторов майнинговой инфраструктуры сообщать налоговым органам сведения о майнинге (часть 11 статьи 3 Закона о цифровых валютах, статья 86.5 НК РФ) и обязанность резидентов с 2 мая 2027 г. представлять отчеты об операциях с цифровыми валютами (части 2 и 3 статьи 12.1 Закона о валютном регулировании) условием судебной защиты не являются. Фискальный интерес обеспечивается средствами самого налогового права, в том числе обеспеченной налоговыми санкциями обязанностью декларировать доход от реализации цифровой валюты.

Представитель Банка России А.Г. Гузнов, выступая в Конституционном Суде Российской Федерации по делу Д.И. Тимченко, в котором вынесено Постановление № 2-П и предметом требования был стейблкоин USDT, со ссылкой на труды Л.А. Лунца квалифицировал такие стейблкоины как денежный суррогат, притом исходил из того, что USDT относится к иностранным цифровым правам. Иностранным цифровым правам в терминологии Закона о цифровых валютах соответствует иностранный цифровой инструмент, и при такой квалификации часть 6 статьи 14 Закона о ЦФА к требованию из обладания USDT не применялась бы, однако суды применили названную норму, поскольку стороны называли предмет договоров цифровой валютой. Конституционный Суд Российской Федерации вопрос о том, отвечает ли USDT признакам цифровой валюты, не предрешил и указал, что квалификация стейблкоинов определяется законом, а не позицией сторон по конкретному спору. Для стейблкоинов предлагаются также квалификации в качестве цифрового права по статье 141.1

[502] См.: часть 4 статьи 16 проекта федерального закона № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах» (редакция, внесенная Правительством Российской Федерации) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1194918-8 (дата обращения: 03.08.2026).
[503] См.: пункт 1 части 1 и пункт 1 части 3 статьи 22 Федерального закона № 283-ФЗ (утрата силы статьи 14 Закона о ЦФА с 1 сентября 2026 г., Закона о ЦФА в целом - с 1 сентября 2028 г.).

ГК РФ и в качестве цифровой валюты. Признание стейблкоина денежным суррогатом характеризует экономическую функцию токена, но правового режима обладания токеном не определяет, поскольку часть вторая статьи 27 Закона о Банке России запрещает выпуск денежных суррогатов и не касается обладания такими объектами и защиты прав обладателей. Квалификация в качестве цифрового права неприменима de lege lata, поскольку цифровыми правами признаются только права, названные в таком качестве в законе, а стейблкоины так не названы, и после введения понятия иностранного цифрового инструмента такая квалификация утратила смысл и de lege ferenda. Представляется, что на основании действующих определений Закона о цифровых валютах стейблкоин следует квалифицировать в зависимости от условий выпуска токена либо как иностранный цифровой инструмент, либо как цифровую валюту.

Во-первых, в финансовых правоотношениях по защите нарушенных прав выделяются два правовых режима защиты, различие между которыми обусловлено критериями разграничения, прежде всего субъектом эмиссии и наличием лица, обязанного перед каждым обладателем. У цифрового рубля есть публичный эмитент, обязанный перед каждым обладателем, а у цифровой валюты такого лица нет. Только при защите прав на цифровой рубль обязанным лицом выступает публичный субъект, наделенный функцией в области финансов, а сам цифровой рубль как обязательство Банка России перед каждым обладателем входит в денежную систему и связан с единством денежной системы. Особенность защиты прав на цифровой рубль обусловлена не отраслевой природой средств защиты, а статусом обязанного лица.

Во-вторых, специфика правоотношений по защите нарушенных прав по поводу цифрового рубля состоит в том, что защита прав пользователя строится прежде всего на правоотношении с Банком России, а кредитная организация участвует в таких правоотношениях как участник платформы, но не как должник.

Представляется, что участник платформы может выступать стороной спора, связанного с собственными обязанностями участника по предоставлению доступа к платформе и приему распоряжений к исполнению (часть 12 статьи 30.7, части

6-8 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе). Банк России сам определяет условия, на которых отвечает перед пользователем, поскольку одновременно является лицом, обязанным по цифровым рублям, оператором платформы цифрового рубля и регулятором, который устанавливает правила платформы. В связи с таким совмещением функций для уравновешивания положения сторон нужны процедурные гарантии обжалования действий Банка России как оператора, прозрачные основания ограничения операций с цифровым рублем и четко определенные пределы автоматизированного контроля операций. Такие гарантии предлагается закрепить федеральным законом, дополнив статью 30.8 Закона о национальной платежной системе частями 14-17.

В-третьих, средства защиты прав пользователя платформы цифрового рубля разнородны и применяются в разных правоотношениях. Права пользователя платформы, как и права клиента банка, защищаются средствами трех групп.

Гражданско-правовые средства у пользователя и клиента общие. К таким средствам относятся правила главы 45 ГК РФ, ответственность за необоснованное списание по статье 856 ГК РФ, проценты по статье 395 ГК РФ и иск в суд.

Финансово-правовые средства клиента банка состоят в надзоре Банка России за кредитной организацией, жалобе в Банк России и обращении к финансовому уполномоченному. Для пользователя платформы таким средствам соответствуют оспаривание правил платформы в судебном порядке и меры Банка России к участникам платформы (глава 6 Положения № 820-П). Пользователь платформы вправе также обжаловать отказ оператора в совершении операции в межведомственную комиссию при Банке России (статья 7.14 Федерального закона № 115-ФЗ).

Технологические средства в обоих случаях связаны с идентификацией клиента и выявлением операций с признаками перевода денежных средств без добровольного согласия клиента (части 3.3 и 3.4 статьи 8, часть 12 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе). Различие проявляется в финансово-правовых средствах, поскольку клиент при споре с кредитной организацией вправе обратиться с жалобой в Банк России как орган надзора

за кредитными организациями, а гражданин как потребитель финансовых услуг также к финансовому уполномоченному, если размер требований о взыскании денежных сумм не превышает 500 тысяч рублей (часть 1 статьи 15 Закона о финансовом уполномоченном), тогда как обязанным лицом у пользователя выступает сам Банк России, который как оператор платформы поднадзорным лицом не является, а спор с оператором платформы финансовый уполномоченный не рассматривает. Претензии пользователя рассматривает участник платформы либо сам Банк России, который в таком случае проверяет собственные действия. Поскольку ни один из названных порядков не обеспечивает рассмотрения спора лицом, независимым от Банка России, эффективным способом защиты нарушенных прав для пользователя остается обращение в суд. Особенность защиты состоит, следовательно, не в гражданско-правовых средствах, общих для пользователя и клиента, а в положении Банка России, совмещающего функции эмитента, оператора платформы и органа надзора и устанавливающего правила платформы.

Гражданско-правовая защита пользователя ограничена не природой договора счета цифрового рубля, а тем, что условия такого договора и правила исполнения договора устанавливает Банк России, то есть сама обязанная сторона. Пункт 7 статьи 3 ГК РФ допускает издание актов, содержащих нормы гражданского права, только в случаях и в пределах, предусмотренных Кодексом, законами и иными правовыми актами, однако адресован министерствам и иным федеральным органам исполнительной власти, к которым Банк России не относится. Нормативные акты Банк России издает только по вопросам своей компетенции (статья 7 Закона о Банке России). Однако в каких случаях и в каких пределах такие акты могут ограничивать права пользователя платформы, законом не определено, и в отсутствии такого определения, как представляется, состоит пробел. С учетом выявленных пробелов законодательного регулирования пределы ограничения прав пользователя необходимо закрепить на уровне федерального закона. Критерий применения гражданского законодательства установлен пунктом 3 статьи 2 ГК РФ, по которому к имущественным отношениям, основанным

на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством, а применять такой критерий в конкретном споре должен суд. Чтобы ограничить возможность Банка России самому определять условия правоотношения, пересматривать названный критерий не требуется. Достаточно, чтобы гражданско-правовые и финансово-правовые средства защиты не исключали друг друга, для чего статью 30.8 Закона о национальной платежной системе предлагается дополнить частью 17.

Предлагаемое решение согласуется с подходом, который складывается в отношении автоматизированных решений в целом. В разработанном в США рамочном документе о правах в условиях автоматизированных систем сформулирован минимальный стандарт, согласно которому лицо должно иметь доступ к своевременному рассмотрению вопроса человеком и к исправлению через резервную процедуру и процедуру эскалации, если система дала сбой, допустила ошибку или если лицо хочет оспорить последствия применения системы[504]. Законодатель штата Колорадо предоставил лицу, которое выявило и устранило нарушение и в остальном соблюдает признанные рамочные требования управления рисками, возражение против иска генерального прокурора штата, но прямо оговорил, что такое возражение не затрагивает прав, требований и средств защиты по общему праву и праву справедливости[505]. Вместе с тем частный иск из нарушения самого закона не предусмотрен ни законодательством штата Колорадо, ни законодательством штата Техас[506]. Для платформы цифрового рубля отказ от частного иска неприемлем, поскольку при исключении гражданско-

[504] Blueprint for an AI Bill of Rights : Making Automated Systems Work for the American People [Электронный ресурс] / White House Office of Science and Technology Policy. Washington, 2022. Sec. Human Alternatives, Consideration, and Fallback. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/ostp/ai-bill-of-rights/ (дата обращения: 10.09.2026).

[505] Colorado Revised Statutes, § 6-1-1706(3), (5), (6) [Электронный ресурс]. Введены Senate Bill 24-205 «Consumer Protections for Artificial Intelligence» (2024). URL: https://leg.colorado.gov/sites/default/files/2024a_205_signed.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

[506] Texas Responsible Artificial Intelligence Governance Act [Электронный ресурс]: House Bill No. 149, 89th Legislature (2025). Sec. 552.101(b) Business & Commerce Code. URL: https://capitol.texas.gov/tlodocs/89R/billtext/pdf/HB00149F.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

правовых средств защиты пользователь лишится возможности требовать от оператора возмещения убытков, причиненных нарушением правил платформы.

В-четвертых, отмена условия о налоговом информировании как предпосылки судебной защиты прав на цифровую валюту не повлекла изменения правовой природы цифровой валюты, поскольку признак отсутствия лица, обязанного перед каждым обладателем, сохранен в легальном определении цифровой валюты, которое до 1 сентября 2026 г. содержалось в части 3 статьи 1 Закона о ЦФА, а с 1 сентября 2026 г. содержится в пункте 1 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах. Публично-правовой элемент в защите прав на цифровой рубль, напротив, обусловлен правовой природой цифрового рубля как обязательства Банка России перед каждым обладателем (часть 1 статьи 7.1 Закона о национальной платежной системе) и, как представляется, не может быть устранен без изменения субъекта эмиссии. Следовательно, субъект эмиссии и наличие лица, обязанного перед каждым обладателем, являются юридически значимыми критериями разграничения цифрового рубля и цифровой валюты, а не формальными признаками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сформулировать выводы теоретического и прикладного характера.

Цифровая валюта центрального банка как объект финансовых правоотношений представляет собой форму официальной денежной единицы государства, которая обладает в совокупности пятью признаками. Такую валюту эмитирует центральный банк, обязательство перед каждым обладателем несет сам центральный банк, обладателем может быть неограниченный круг физических и юридических лиц, остаток и операции учитываются на платформе центрального банка, а не на счетах в кредитных организациях, а сама валюта выражена в единицах национальной валюты. Совокупность названных признаков отличает цифровую валюту центрального банка от наличных денег и от безналичных денежных средств на счетах в кредитных организациях.

С наличными деньгами цифровой рубль объединяет обязанное лицо, которым является Банк России. Однако основанием обязательства Банка России перед обладателем цифрового рубля служит договор счета цифрового рубля, и в отличие от банкнот и монеты цифровые рубли закон прямо не называет безусловным обязательством Банка России. С безналичными денежными средствами цифровой рубль сближает учет на банковском счете, однако в кредитном обороте цифровые рубли не участвуют, так как использовать средства пользователей платформы Банк России не вправе, счета цифрового рубля не кредитуются, а проценты на остаток цифровых рублей не начисляются. Включение цифровых рублей в состав безналичных денежных средств служит приемом юридической техники, который позволил применять к цифровому рублю нормы о безналичных денежных средствах и не создавать для цифрового рубля отдельный правовой режим, однако по обязанному лицу цифровой рубль отличается от денежных средств на счетах в кредитных организациях и потому является самостоятельным объектом финансовых правоотношений.

От цифровой валюты (криптовалюты) и стейблкоина цифровая валюта центрального банка отграничивается по совокупности трех критериев, к которым

относятся субъект эмиссии, наличие лица, обязанного перед обладателями, и признание объекта формой официальной денежной единицы. У криптовалюты нет ни эмитента, ни обязанного лица, и денежной единицей криптовалюта не является. Стейблкоин выпускает частная организация, обязанная выкупить токен по номинальной стоимости у каждого обладателя либо только у лиц, определенных условиями выпуска, поэтому в первом случае стейблкоин при размещении не в соответствии с российским правом подпадает под понятие иностранного цифрового инструмента, а во втором под определение цифровой валюты, но деньгами не является ни в одном из случаев, даже при привязке курса к национальной валюте. Следовательно, деньгами как объектом финансовых правоотношений является только цифровая валюта центрального банка, а криптовалюта и стейблкоин в денежную систему не входят и выступают объектами финансовых правоотношений как иное имущество для целей налогообложения, взыскания задолженности, финансового мониторинга и валютного контроля.

Объектом финансовых правоотношений цифровая валюта центрального банка становится по публично-правовому решению, которым такой валюте придается законная платежная сила, причем обязательность приема цифрового рубля по нарицательной стоимости устанавливается нормами финансового законодательства постепенно. Обязанности кредитных организаций обеспечивать клиентам возможность совершения операций с цифровыми рублями и продавцов обеспечить потребителю возможность оплаты путем перевода цифровых рублей вводятся с 1 сентября 2026 г. по 1 сентября 2028 г. (части 3-5 и 7-9 статьи 4 ФЗ №248), и до завершения такого введения принимать цифровой рубль обязаны только продавцы, названные в законе, тогда как банкноты и монету Банка России обязаны принимать при наличных расчетах. Цифровой рубль, следовательно, представляет собой деньги, которые вводятся в оборот на основании государственного властного веления, закрепленного в нормах финансового законодательства, выражены в российских рублях, не имеют материального

носителя и обращаются на платформе цифрового рубля, организованной Банком России.

Исторический и сравнительно-правовой анализ показал, что вопрос о введении цифровой валюты центрального банка решается публичной властью как вопрос денежного суверенитета. Круг финансовых правоотношений, объектом которых выступает криптовалюта, в Российской Федерации шире, чем в рассмотренных иностранных правопорядках, поскольку с 1 сентября 2026 г. криптовалюта отнесена к валютным ценностям. Публично-правовые обязанности, связанные с криптовалютой, от гражданско-правовой квалификации криптовалюты не зависят, а после Постановления № 2-П и признания части 6 статьи 14 Закона о ЦФА утратившей силу условием доступа к правосудию ни одна из таких обязанностей не является.

Цифровой рубль непосредственно выступает объектом эмиссионных, расчетных, бюджетных, налоговых и валютных правоотношений, а также контрольно-надзорных правоотношений и правоотношений по защите нарушенных прав, из которых основными являются эмиссионные и расчетные, тогда как правоотношения пользователей между собой по поводу оплаты остаются гражданско-правовыми.

С появлением оператора платформы цифрового рубля как нового субъекта национальной платежной системы изменилось содержание расчетных правоотношений. Если по безналичным денежным средствам перед клиентом обязана кредитная организация, то в переводе цифровых рублей участвуют пользователь, Банк России, который одновременно является оператором платформы и обязанным лицом, и кредитная организация в статусе участника платформы. Кредитная организация лицом, обязанным по цифровым рублям, не является, но обеспечивает доступ клиента к платформе, идентифицирует клиента и передает распоряжения оператору, поэтому функция участника платформы сопоставима с функцией банковского платежного агента. Обязательства перед пользователем сосредоточены у Банка России, в связи

с чем ведущая роль в защите прав обладателей цифровых рублей принадлежит Банку России, который и выступает стороной споров о нарушении таких прав.

Банк России одновременно является лицом, обязанным по цифровым рублям, оператором платформы и регулятором, поскольку сам устанавливает правила платформы, приостанавливает доступ пользователя к платформе и вправе в одностороннем порядке изменять договор счета цифрового рубля. Клиент в споре с кредитной организацией вправе обратиться в Банк России как в орган надзора и в суд, а гражданин как потребитель финансовых услуг также к финансовому уполномоченному, тогда как в споре пользователя с оператором платформы такие внесудебные порядки исключены, а претензию пользователя рассматривает участник платформы либо сам Банк России, оценивающий собственные действия. Механизма независимого внесудебного рассмотрения такого спора законодательство не устанавливает, поэтому эффективным способом защиты для пользователя остается обращение в суд, а гарантии прав пользователя должны устанавливаться федеральным законом, но не нормативными актами Банка России.

Банковская система остается двухуровневой, однако в расчетах цифровыми рублями появляются отдельные черты одноуровневой модели, при которой клиентов обслуживает непосредственно центральный банк. В модели, названной Банком России розничной двухуровневой, роль кредитной организации близка к роли филиала Банка России. Цифровые рубли учитываются на счетах, открываемых Банком России, поэтому перевод средств клиентов в цифровые рубли сокращает ресурсную базу и ликвидность кредитных организаций. Банк России, осуществляя надзор за кредитными организациями, одновременно конкурирует с поднадзорными организациями за средства клиентов и утрачивает нейтральность по отношению к таким организациям, а масштаб оттока средств зависит от тарифов и лимитов, которые устанавливает Совет директоров Банка России, причем лимиты Банк России может изменить по своему усмотрению.

Совмещение Банком России функций эмитента, оператора платформы и органа банковского надзора без должных правовых гарантий влечет риск конфликта публичных интересов, то есть интереса в расширении обращения

цифрового рубля и интереса в устойчивости кредитных организаций. Функция эмитента цифровых рублей в законе самостоятельно не закреплена, и термин «эмиссия» применительно к выпуску цифровых рублей в законе не используется, а функции оператора платформы и органа надзора законодатель разграничил только в сфере финансового мониторинга и притом не полностью, поскольку Банк России сам исполняет обязанности субъекта первичного финансового мониторинга и одновременно надзирает за участниками платформы, исполняющими те же обязанности.

Ни одна операция с цифровыми рублями не совершается без участия оператора платформы, поэтому контроль в сфере денежного обращения становится непрерывным и осуществляется в режиме реального времени, а оператор платформы в момент совершения каждой операции получает сведения, которые используются в налоговом и валютном контроле, финансовом мониторинге и других видах финансового контроля. Операции с цифровыми рублями с участием нерезидентов являются валютными, однако уполномоченные банки, сохраняя статус агентов валютного контроля, счета цифрового рубля не ведут и полными сведениями об операциях не располагают, оператор платформы к агентам валютного контроля не отнесен, а право ФНС России и ФТС России как органов валютного контроля получать такие сведения от оператора платформы законом прямо не закреплено.

По результатам исследования предлагаются следующие изменения законодательства.

Во-первых, распространить на цифровые рубли гарантии части первой статьи 30 Закона о Банке России, изложив названную часть в редакции «Банкноты и монета Банка России, а также цифровые рубли являются безусловными обязательствами Банка России и обеспечиваются всеми его активами».

Во-вторых, дополнить статью 30.8 Закона о национальной платежной системе закрытым перечнем оснований приостановления доступа пользователя к платформе цифрового рубля, в который входят нарушение правил платформы, создающее угрозу бесперебойности функционирования платформы

или безопасности операций, и случаи, предусмотренные федеральными законами, предельным сроком приостановления и обязанностью оператора мотивировать решение о приостановлении и указывать порядок обжалования. В той же статье закрепить правило о том, что соблюдение правил платформы само по себе не освобождает оператора от ответственности перед пользователем, правило о доказательственном значении результатов проверки соблюдения оператором правил платформы, запрет ограничивать право пользователя распоряжаться цифровыми рублями изменениями договора счета, вносимыми оператором в одностороннем порядке, и принципы надзора за операциями с цифровыми рублями, к которым относятся исключение неоправданного вмешательства государства в такие операции и защита прав и экономических интересов участников операций.

В-третьих, для устранения конфликта публичных интересов дополнить Закон о Банке России пятью положениями, назвав в статье 4 названного Закона эмиссию цифровых рублей самостоятельной функцией Банка России, функционально обособив подразделение, выполняющее функции оператора платформы, запретив руководителям такого подразделения совмещать должность с членством в Комитете банковского надзора, определив порядок использования сведений платформы в надзорных целях и закрепив принципы деятельности оператора, к которым относятся равный доступ кредитных организаций к платформе, недопущение ограничения конкуренции на рынке платежных услуг и учет влияния лимитов и тарифов на устойчивость кредитных организаций. Статью 83.1 Закона о Банке России дополнить требованием разделять полномочия оператора платформы и органа надзора и наблюдения в национальной платежной системе, а проверку соблюдения оператором правил платформы поручить главному аудитору Банка России.

В-четвертых, дополнить статью 23 Закона о валютном регулировании нормой, по которой оператор платформы цифрового рубля передает органам валютного контроля документы и информацию о валютных операциях

с цифровыми рублями, установив состав таких сведений, порядок и сроки передачи.

В-пятых, дополнить статью 27 Закона о Банке России частью третьей в редакции «Цифровой рубль является цифровой формой рубля, эмиссию которой осуществляет Банк России и обязательство по которой перед каждым обладателем несет Банк России», прямо отнести цифровые рубли к валюте Российской Федерации (пункт 1 части 1 статьи 1 Закона о валютном регулировании) и исключить цифровую валюту центрального банка иностранного государства из понятия иностранного цифрового инструмента (пункт 20 части 1 статьи 2 Закона о цифровых валютах).

В-шестых, прямо назвать иностранные цифровые инструменты в частях 6, 7, 9 и 10 статьи 1 Закона о цифровых валютах и в перечне валютных ценностей, а статью 11 НК РФ дополнить правилом о применении норм о цифровой валюте к беспоставочным иностранным цифровым инструментам, чтобы правила о цифровой валюте применялись ко всем стейблкоинам.

В-седьмых, включить организацию, которой международный договор Российской Федерации предоставит право на трансграничный перевод денежных средств и которая соответствует установленным таким договором требованиям к финансовой устойчивости и информационной безопасности, в перечень операторов по переводу денежных средств (часть 1 статьи 11 Закона о национальной платежной системе) и в число агентов валютного контроля (часть 3 статьи 22 Закона о валютном регулировании), что устранит в российском законодательстве препятствия для трансграничных расчетов цифровыми рублями через общую организацию государств БРИКС.

Перспективы дальнейшего исследования темы связаны с правоприменительной практикой, которая будет формироваться по мере внедрения цифрового рубля, и с правовым оформлением трансграничного взаимодействия национальных платформ цифровых валют центральных банков.

Список использованных источников и литературы

I. Нормативные правовые акты и официальные документы Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. - 1993. - 25 декабря. - № 237 ; 2020. - 4 июля. - № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301 ; (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 5. - Ст. 410.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 31. - Ст. 3824 ; (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2000. - № 32. - Ст. 3340.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2015. - № 10. - Ст. 1391.
9. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в редакции Федерального закона от 3 февраля 1996 г. № 17-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 6. - Ст. 492.
10. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 17. - Ст. 1918.
11. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 33 (ч. I). - Ст. 3418.
12. Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 49. - Ст. 4562.
13. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 28. - Ст. 2790.
14. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.
15. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 50. - Ст. 4859.
16. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 27. - Ст. 3872.

17. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (в редакции от 26 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 31 (ч.I). - Ст. 5017.
18. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 31 (ч. I). - Ст. 5018.
19. Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2026. - № 32. - Ст. 4479.
20. Положение о Федеральном казначействе : утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 703 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2004. - № 49. - Ст. 4908.
21. Постановление Совета Министров СССР от 29 октября 1960 г. № 1146 «Об утверждении Устава Госбанка СССР» // Собрание постановлений Правительства СССР. - 1960. - № 18. - Ст. 160.
22. Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Вестник Банка России. - 2023. - № 58.
23. Указание Банка России от 8 октября 2025 г. № 7203-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 3 августа 2023 года № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Вестник Банка России. - 2026. - № 4.
24. Указание Банка России от 7 апреля 2026 г. № 7342-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 3 августа 2023 года № 820-П «О платформе цифрового рубля» [Электронный ресурс] // Банк России : офиц. сайт. - 2026. - 20 июня. - URL: http://www.cbr.ru.

Иные документы

25. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [Электронный ресурс] : утв. Правительством Российской Федерации 8 февраля 2022 г. // Правительство Российской Федерации : офиц. сайт. - URL: http://government.ru/news/44519/ (дата обращения: 22.04.2025).
26. Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн : информация Банка России от 27 января 2014 г. // Вестник Банка России. - 2014. - № 11.
27. Цифровой рубль [Электронный ресурс] : доклад для общественных консультаций / Банк России. - Москва, 2020. - URL: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/ (дата обращения: 20.05.2025).
28. Что изменится для банков и их клиентов с введением цифрового рубля? [Электронный ресурс] : аналитическая записка / Банк России. - Москва, 2021. - URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/118208/analytic_note_20210126_dip.pdf (дата обращения: 16.10.2025).
29. Концепция цифрового рубля [Электронный ресурс] / Банк России. - Москва, 2021. - URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
30. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов : утв. Банком России // СПС «КонсультантПлюс».
31. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов : утв. Банком России // СПС «КонсультантПлюс».

II. Международные акты и нормативные правовые акты зарубежных государств

Международные договоры и акты международных организаций

32. Договор о функционировании Европейского союза (первоначально подписан как Договор, учреждающий Европейское экономическое сообщество, Рим, 25 марта 1957 г., в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) [Электронный ресурс] : Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. - 2012. - C 326. - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT (дата обращения: 27.03.2026).
33. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» [Электронный ресурс] : принята на XVI саммите БРИКС (Казань, 23 октября 2024 г.) // Президент России : офиц. сайт. - URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDgOQRs3xfMUiCAmF3LEhO2OL3Hk.pdf (дата обращения: 11.10.2026).
34. Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления» [Электронный ресурс] : принята на XVII саммите БРИКС (Рио-де-Жанейро, 6 июля 2025 г.) // Президент России : офиц. сайт. - URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 11.10.2026).
35. Декларация Нью-Дели «Укрепление устойчивости, инновации, сотрудничество и стабильность» [Электронный ресурс] : принята на XVIII саммите БРИКС (Нью-Дели, 12 сентября 2026 г.) // Президент России : офиц. сайт. - URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/xf6HNdjxIAJJ6djtCvTaeb5xlUxCdFcP.pdf (дата обращения: 29.09.2026).
36. Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community // Official Journal of the European Union. - 2020. - L 29, 31.01.2020. - P. 7-187.

37. Principles on Digital Assets and Private Law / UNIDROIT. - Rome : UNIDROIT, 2023.

Акты Европейского союза

38. Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. - 2018. - L 156. - P. 43-74. - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32018L0843 (дата обращения: 29.03.2026).
39. Regulation (EU) 2022/858 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on a pilot regime for market infrastructures based on distributed ledger technology [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. - 2022. - L 151. - P. 1-33. - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R0858 (дата обращения: 10.09.2026).
40. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. - 2023. - L 150. - P. 40-205. - URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj (дата обращения: 29.03.2025).
41. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the establishment of the digital euro [Электронный ресурс] : COM(2023) 369 final. - Brussels, 28.06.2023. - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023PC0369 (дата обращения: 08.08.2025).
42. Opinion of the European Central Bank of 31 October 2023 on the digital euro (CON/2023/34) [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. - 2024. - C, C/2024/669, 12.01.2024. - URL:

https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023AB0034 (дата обращения: 13.08.2026).

Великобритания

43. Financial Services and Markets Act 2000 (c. 8) [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk : [сайт]. - URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/8/contents (дата обращения: 29.03.2026).
44. The Financial Services and Markets Act 2000 (Regulated Activities) Order 2001 [Электронный ресурс] : SI 2001/544 // : [сайт]. - URL: Legislation.gov.uk https://www.legislation.gov.uk/uksi/2001/544/contents/made (дата обращения: 29.03.2026).
45. The Financial Services and Markets Act 2000 (Exemption) Order 2001 [Электронный ресурс] : SI 2001/1201 // : [сайт]. - URL Legislation.gov.uk https://www.legislation.gov.uk/uksi/2001/1201/contents/made: (дата обращения: 13.08.2026).
46. The Electronic Money Regulations 2011 [Электронный ресурс] : SI 2011/99 // Legislation.gov.uk : [сайт]. - URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2011/99/contents (дата обращения: 29.03.2026).
47. The Money Laundering and Terrorist Financing (Amendment) Regulations 2019 [Электронный ресурс] : SI 2019/1511 // : [сайт]. - URL: Legislation.gov.uk https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/1511/contents/made (дата обращения: 13.08.2026).
48. European Union (Withdrawal Agreement) Act 2020 (c. 1).
49. Property (Digital Assets etc) Act 2025 (c. 29) [Электронный ресурс] // Legislation.gov.uk : [сайт]. - URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/29 (дата обращения: 13.08.2026).

50. Cryptoassets Manual [Электронный ресурс] / HM Revenue & Customs. - CRYPTO22100 : Cryptoassets for individuals: Capital Gains Tax: what is a disposal. - URL: https://www.gov.uk/hmrc-internal-manuals/cryptoassets-manual/crypto22100 (дата обращения: 22.09.2026).

Германия

51. Gesetz über das Kreditwesen (Kreditwesengesetz - KWG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 9. September 1998 [Электронный ресурс] // Bundesgesetzblatt. - 1998. - Teil I. - S. 2776. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/kredwg/ (дата обращения: 13.08.2026).
52. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 [Электронный ресурс] // Bundesgesetzblatt. - 2002. - Teil I. - S. 42, 2909 ; 2003. - Teil I. - S. 738. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 29.03.2025).
53. Gesetz über elektronische Wertpapiere (eWpG) vom 3. Juni 2021 [Электронный ресурс] // Bundesgesetzblatt. - 2021. - Teil I. - Nr. 29. - S. 1423. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/ewpg/ (дата обращения: 29.03.2025).
54. Kryptomärkteaufsichtsgesetz (KMAG) vom 27. Dezember 2024 [Электронный ресурс] // Bundesgesetzblatt. - 2024. - Teil I. - Nr. 438. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/kmag/ (дата обращения: 13.08.2026).
55. Einzelfragen zur ertragsteuerrechtlichen Behandlung bestimmter Kryptowerte [Электронный ресурс] : Schreiben des Bundesministeriums der Finanzen vom 6. März 2025 IV C 1 - S 2256/00042/064/043 // Bundessteuerblatt. - 2025. - Teil I. - S. 658. - URL: https://esth.bundesfinanzministerium.de/esth/2025/B-Anhaenge/Anhang-04/inhalt.html (дата обращения: 22.09.2026).

Лихтенштейн

56. Bericht und Antrag der Regierung an den Landtag des Fürstentums Liechtenstein betreffend die Schaffung eines Gesetzes über Token und VT-Dienstleister (TVTG) und die Abänderung weiterer Gesetze : Nr. 54/2019. - Vaduz, 2019.

57. Gesetz vom 3. Oktober 2019 über Token und VT-Dienstleister (Token- und VT-Dienstleister-Gesetz; TVTG) [Электронный ресурс] // Liechtensteinisches Landesgesetzblatt. - 2019. - Nr. 301. - URL: https://www.gesetze.li/konso/2019301000 (дата обращения: 29.03.2026).
58. Gesetz vom 5. Dezember 2024 zur Durchführung der Verordnung (EU) 2023/1114 über Märkte für Kryptowerte (EWR-MiCA-Durchführungsgesetz; EWR-MiCA-DG) [Электронный ресурс] // Liechtensteinisches Landesgesetzblatt. - 2025. - Nr. 112. - URL: https://www.gesetze.li/konso/2025112000 (датаобращения: 24.09.2026).
59. Gesetz vom 23. September 2010 über die Landes- und Gemeindesteuern (Steuergesetz; SteG) [Электронный ресурс] // Liechtensteinisches Landesgesetzblatt. - 2010. - Nr. 340. - URL: https://www.gesetze.li/konso/2010.340 (дата обращения: 22.09.2026).

США

60. Securities Act of 1933, 15 U.S.C. § 77a-77bb.
61. Securities Exchange Act of 1934, 15 U.S.C. § 78a et seq.
62. Notice 2014-21 : Tax Treatment of Transactions Using Convertible Virtual Currencies [Электронный ресурс] / Internal Revenue Service // Internal Revenue Bulletin. - 2014. - No. 2014-16. - P. 938. - URL: https://www.irs.gov/pub/irs-drop/n-14-21.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
63. Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO [Электронный ресурс] : Exchange Act Release No. 81207 / Securities and Exchange Commission. - 2017. - 25 July. - URL: https://www.sec.gov/litigation/investreport/34-81207.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
64. Blueprint for an AI Bill of Rights : Making Automated Systems Work for the American People [Электронный ресурс] / White House Office of Science and Technology Policy. - Washington, 2022. - URL:

https://bidenwhitehouse.archives.gov/ostp/ai-bill-of-rights/ (дата обращения: 10.09.2026).

65. Consumer Protections for Artificial Intelligence [Электронный ресурс] : Colorado Senate Bill 24-205 (2024). - URL: https://leg.colorado.gov/sites/default/files/2024a_205_signed.pdf (дата обращения: 10.09.2026).
66. Executive Order No. 14178 of January 23, 2025 «Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology» [Электронный ресурс] // Federal Register. - 2025. - Vol. 90. - P. 8647-8650. - URL: https://www.federalregister.gov/documents/2025/01/31/2025-02123/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology (дата обращения: 13.08.2026).
67. Anti-CBDC Surveillance State Act [Электронный ресурс] : H.R. 1919, 119th Congress (2025) // Congress.gov : [сайт]. - URL: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/1919 (дата обращения: 29.03.2026).
68. Texas Responsible Artificial Intelligence Governance Act [Электронный ресурс] : House Bill No. 149, 89th Legislature (2025). - URL: https://capitol.texas.gov/tlodocs/89R/billtext/pdf/HB00149F.pdf (дата обращения: 10.09.2026).
69. Statement of Administration Policy [Электронный ресурс] : H.R. 1919 - Anti-CBDC Surveillance State Act / Executive Office of the President, Office of Management and Budget. - Washington, 2025. - 15 July. - URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/SAP-HR1919.pdf (дата обращения: 29.03.2026).
70. GENIUS Act (Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act) [Электронный ресурс] : Public Law No. 119-27 of July 18, 2025 (S. 1582, 119th Congress) // Congress.gov : [сайт]. - URL: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582 (дата обращения: 29.03.2026).

71. 21st Century ROAD to Housing Act [Электронный ресурс] : Public Law No. 119-101 of July 11, 2026 (H.R. 6644, 119th Congress) // GovInfo : [сайт]. - URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-119publ101/html/PLAW-119publ101.htm (дата обращения: 15.10.2026).

III. Материалы судебной практики

Российская Федерация

72. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2004. - № 19 (ч. II). - Ст. 1923.
73. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2014 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 51. - Ст. 7528.
74. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2026. - № 4. - Ст. 372.
75. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем,

и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (в редакции от 26 февраля 2019 г. № 1) // СПС «КонсультантПлюс».

76. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-12165 // СПС «КонсультантПлюс».
77. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2021 г. № 44-КГ20-17-К7 // СПС «КонсультантПлюс».
78. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 августа 2021 г. № 305-ЭС21-14094 по делу № А41-4212/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
79. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2023 г. № 6-УДП23-6-А1 // СПС «КонсультантПлюс».
80. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2024 г. № 69-КГ24-3-К7 // СПС «КонсультантПлюс».
81. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2019 г. № Ф05-8713/2017 по делу № А40-12639/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
82. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 июня 2020 г. № Ф05-7176/2020 по делу № А40-164942/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
83. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 8 октября 2021 г. № Ф06-9272/2021 по делу № А57-15876/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
84. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 октября 2023 г. № Ф05-25578/2023 по делу № А40-273884/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
85. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 февраля 2024 г. № Ф05-760/2024 по делу № А40-262282/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
86. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 октября 2024 г. № Ф03-4600/2024 по делу № А51-21353/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

87. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
88. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16 июля 2020 г. № 07АП-1897/2020(1) по делу № А45-28956/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
89. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2023 г. № 11АП-669/2023 по делу № А65-18296/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
90. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 6 августа 2024 г. № 05АП-2052/2024 по делу № А51-21353/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
91. Решение Арбитражного суда города Москвы от 29 ноября 2019 г. по делу № А40-164942/19-27-1380// СПС «КонсультантПлюс».
92. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 4 октября 2024 г. № 88-23350/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
93. Апелляционное определение Московского городского суда от 6 августа 2020 г. по делу № 33-27880/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
94. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 октября 2022 г. по делу № 33-41465/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
95. Апелляционное определение Московского городского суда от 6 июня 2024 г. по делу № 33-19434/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
96. Решение Октябрьского районного суда города Архангельска от 2 апреля 2020 г. по делу № 2а-1635/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
97. Решение Савеловского районного суда города Москвы от 9 ноября 2021 г. по делу № 2-2888/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
98. Решение Савеловского районного суда города Москвы от 13 ноября 2023 г. по делу № 2-9249/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
99. Решение Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга от 11 ноября 2024 г. по делу № 2-6180/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

100. Решение Волоколамского городского суда Московской области от 16 декабря 2024 г. по делу № 2-19310/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

Зарубежная судебная практика

101. Colonial Bank v. Whinney (1885) 30 Ch D 261 (Court of Appeal).
102. National Provincial Bank Ltd v. Ainsworth [1965] AC 1175 (House of Lords).
103. AA v. Persons Unknown [2019] EWHC 3556 (Comm).
104. Beschluss des Bundesgerichtshofs vom 27. Juli 2017 - 1 StR 412/16 [Электронный ресурс] // HRRS : [сайт]. - URL: https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/16/1-412-16.php (дата обращения: 28.03.2026).
105. SEC v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946) (Supreme Court of the United States).
106. Reves v. Ernst & Young, 494 U.S. 56 (1990) (Supreme Court of the United States).
107. SEC v. Edwards, 540 U.S. 389 (2004) (Supreme Court of the United States).
108. Securities and Exchange Commission v. Shavers et al., No. 4:13-cv-00416 (E.D. Tex., 6 August 2013) [Электронный ресурс]. - URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/texas/txedce/4:2013cv00416/146063/23/ (дата обращения: 18.10.2023).
109. United States v. Ulbricht, 31 F. Supp. 3d 540 (S.D.N.Y., 9 July 2014).
110. Securities and Exchange Commission v. Telegram Group Inc. et al., 448 F. Supp. 3d 352 (S.D.N.Y., 24 March 2020), No. 1:19-cv-09439 [Электронный ресурс]. - URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-york/nysdce/1:2019cv09439/524448/227/ (дата обращения: 29.03.2026).

IV. Научная и учебная литература

Монографии и статьи

111. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 томах. Т. 2 / С. С. Алексеев. - Москва : Юридическая литература, 1982. - 360 с.

112. Амелин, Р. В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов. - Москва : НОРМА, 2023. - 278 с.

113. Антропцева, И. О. К вопросу о месте публичного финансового контроля в системе финансового права / И. О. Антропцева // Проблемы экономики и юридической практики. - 2021. - Т. 17, № 2. - С. 234-240.

114. Антропцева, И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля /И. О. Антропцева. - Москва : Статут, 2024. - 252, [1] с.

115. Антропцева, И. О. Цифровизация публичного финансового контроля : монография / И. О. Антропцева. - Москва : Статут, 2024. - 180, [1] с.

116. Антропцева, И. О. Цифровой контролер как субъект публичного финансового контроля / И. О. Антропцева // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - Т. 17, № 4. - С. 57-64.

117. Арзамасцев, М. В. Цифровая валюта как легализуемое имущество / М. В. Арзамасцев, В. А. Никулина // Журнал российского права. - 2025. - № 5. - С. 122-135.

118. Арзуманова, Л. Л. Денежное обращение и история его развития (финансово правовой аспект) : монография / Л. Л. Арзуманова ; под редакцией Е. Ю. Грачевой. - Москва : Проспект, 2013. - 264 с.

119. Бабкин, А. В. Анализ развития и регулирования криптовалют: зарубежный и российский опыт / А. В. Бабкин, Д. Д. Буркальцева, О. А. Гук, А. С. Тюлин // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). - 2017. - Т. 8, № 4. - С. 554-565.

120. Белов, В. А. Цифровизация и криптовалюта: отдельные выводы правоприменительной практики / В. А. Белов // Вестник арбитражной практики. - 2023. - № 5. - С. 37-44.

121. Борисов, А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (постатейный) / А. Н. Борисов. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юстицинформ, 2024. - 429 с.

122. Будылин, С. Л. Криптоактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа / С. Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2023. - № 5. - С. 74-115.

123. Ван Цзинвэнь. Цифровой юань - официальная цифровая валюта Китая: юридическая природа и тенденции развития / Цзинвэнь Ван // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». - 2022. - № 1. - С. 72-79.

124. Васянина, Е. Л. Обязательства в финансовом праве : монография / Е. Л. Васянина ; под редакцией С. В. Запольского. - Москва : Русайнс, 2020. - 128 с.

125. Васянина, Е. Л. Публично-правовые и частноправовые начала в механизме регулирования денежной эмиссии / Е. Л. Васянина, М. Д. Шапсугова // Банковское право. - 2021. - № 5. - С. 28-37.

126. Волос, А. А. Свобода договора и ее пределы в цифровой среде / А. А. Волос // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2024. - № 2. - С. 254-273.

127. Габов, А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав / А. В. Габов // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - Т. 16, № 4. - С. 55-65.

128. Горбунов, Е. А. Правовая природа цифровой валюты / Е. А. Горбунов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2024. - № 6. - С. 111-118.

129. Горбунов, Е. А. Проблемы правового регулирования цифровых валют / Е. А. Горбунов // Юридическое образование и наука. - 2025. - № 9. - С. 29-33.

130. Горбунов, Е. А. Публичный финансовый контроль в условиях цифровизации / Е. А. Горбунов // Журнал юридических исследований. - 2026. - Т. 11, № 3. - С. 125-132.

131. Горбунов, Е. А. Способы защиты прав на цифровые валюты / Е. А. Горбунов // Финансовое право. - 2026. - № 3. - С. 34-36.

132. Горбунова, О. Н. Некоторые вопросы финансово-правового регулирования денег и денежного оборота в Российской Федерации / О. Н. Горбунова, Е. Р. Денисов // Финансовое право. - 2007. - № 8. - С. 2-5.

133. Горбунова, О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России : избранное : научно-популярная монография / О. Н. Горбунова. - Москва : Элит, 2012. - 296 с.

134. Грачева, Е. Ю. К вопросу о финансовых обязательствах государства / Е. Ю. Грачева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2016. - № 6 (22). - С. 10-20.

135. Грачева, Е. Ю. Основные тенденции развития финансового права как публично-правовой отрасли / Е. Ю. Грачева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2024. - № 7 (119). - С. 17-27.

136. Грачева, Е. Ю. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики : монография / Е. Ю. Грачева, А. А. Ситник, Г. Т. Папаскуа ; под редакцией Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. - Москва : Проспект, 2023. - 240 с.

137. Грачева, Е. Ю. Публичный финансовый контроль - веление времени / Е. Ю. Грачева // Финансовое право: проблемы теории и практики : сборник научных статей / ответственный редактор А. В. Реут. - Москва : Проспект, 2016. - С. 70-78.

138. Грачева, Е. Ю. Системность и система финансового права как публично правовой отрасли / Е. Ю. Грачева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2025. - № 6 (130). - С. 22-32.

139. Грачева, Е. Ю. Финансовая деятельность и финансовый контроль как система управления / Е. Ю. Грачева // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - № 9 (70). - С. 57-66.

140. Грачева, Е. Ю. Финансовый суверенитет - миф или реальность? / Е. Ю. Грачева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2023. - № 7 (107). - С. 19-26.

141. Грызыхин, А. С. О договоре счета цифрового рубля / А. С. Грызыхин // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2024. - Т. 21, № 4. - С. 61-68.

142. Гусева, А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения / А. А. Гусева // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - Т. 16, № 4 (125). - С. 89-97.

143. Дерюгина, Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации / Т. В. Дерюгина // Цивилист. - 2022. - № 1. - С. 8-11.

144. Егоров, Д. Г. К вопросу об определении понятия «деньги» / Д. Г. Егоров, А. В. Егорова // Финансы и кредит. - 2006. - № 5. - С. 14-18.

145. Егорова, М. А. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав / М. А. Егорова, О. В. Кожевина // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - № 1. - С. 81-91.

146. Ежегодная научная конференция Центра частного права // Вестник гражданского права. - 2021. - Т. 21, № 4. - С. 7-8.

147. Ефимова, Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля / Л. Г. Ефимова // Цивилист. - 2022. - № 4. - С. 6-15.

148. Ефимова, Л. Г. Совершенствование теории денежных обязательств в эпоху цифровой экономики / Л. Г. Ефимова // Право и цифровая экономика. - 2022. - № 3. - С. 33-42.

149. Журавлева, О. О. Правовая природа налоговой декларации / О. О. Журавлева // Журнал российского права. - 2007. - № 11. - С. 3-9.

150. Запольский, С. В. Дискуссионные вопросы финансового права : монография / С. В. Запольский. - Москва : РАП : Эксмо, 2008. - 160 с.

151. Запольский, С. В. Финансовый контроль в эпоху цифровизации / С. В. Запольский, Е. Л. Васянина // Финансовое право. - 2022. - № 7. - С. 8-12.

152. Затулина, Т. Н. Цифровой рубль и цифровая валюта как инновационные инструменты современной финансовой политики / Т. Н. Затулина // Финансовое право. - 2023. - № 8. - С. 3-7.

153. Захаркина, А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов / А. В. Захаркина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2022. - № 3. - С. 12-18.

154. Земляченко, Я. В. Объектоспособность криптовалюты как средства обращения и средства платежа в условиях цифровизации торгового оборота / Я. В. Земляченко // Гражданское право. - 2024. - № 1. - С. 14-17.

155. Капустин, Н. А. Цифровой юань 2.0: переход от цифровых наличных к цифровым депозитным деньгам и потенциальное воздействие на проект цифрового рубля / Н. А. Капустин // Вопросы инновационной экономики. - 2026. - Т. 16, № 2. - С. 661-686.

156. Конвенционализм // Новая философская энциклопедия : в 4 томах / Институт философии РАН ; научно-редакционный совет: В. С. Степин [и др.]. - Москва : Мысль, 2010. - Т. 2. - С. 290-291.

157. Контроль в финансово-бюджетной сфере : научно-практическое пособие / И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина, Н. Е. Абрамова [и др.]; ответственные редакторы И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. - Москва : ИЗиСП : Контракт, 2016. - 317, [1] с.

158. Костко, В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость / В. С. Костко, К. И. Скловский // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 8. - С. 115-142.

159. Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты : монография / под общей редакцией М. А. Егоровой. - Москва : Проспект, 2023. - 352 с.

160. Крохина, Ю. А. Правовые модели включения криптовалюты в национальную платежную систему как способ противодействия экономическим санкциям /Ю. А. Крохина // Банковское право. - 2024. - № 3. - С. 4-10.

161. Кукушкин, В. М. Размещение бюджетных средств на банковских депозитах: некоторые проблемы регулирования / В. М. Кукушкин //

Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2023. - № 5 (260). - С. 80-86.

162. Кукушкин, В. М. «Цифровой рубль: дискуссии о будущем денежной единицы России»: обзор круглого стола / В. М. Кукушкин // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». - 2023. - № 1. - С. 59-63.

163. Кучеров, И. И. Валютно-правовое регулирование в Российской Федерации: эволюция и современное состояние : монография / И. И. Кучеров. - Москва : ИНФРА-М, 2013. - 233 с.

164. Кучеров, И. И. Законные платежные средства: теоретико-правовое исследование : монография / И. И. Кучеров. - Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. - 392 с.

165. Кучеров, И. И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта / И. И. Кучеров // Финансовое право. - 2021. - № 4. - С. 3-8.

166. Кучина, Я. О. Цифровой юань: регулирование цифровой валюты Центробанка (ЦВЦБ) в Китае / Я. О. Кучина // Право и управление. XXI век. - 2024. - № 3 (72). - С. 92-104.

167. Лагутин, И. Б. К вопросу о системе финансового права: классический и инновационный подходы / И. Б. Лагутин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2024. - № 7 (119). - С. 28-34.

168. Лагутин, И. Б. Правовая природа региональных валют: теория, история и практика денежного обращения в отдельных странах мира / И. Б. Лагутин // Правоприменение. - 2023. - Т. 7, № 2. - С. 63-74.

169. Лаутс, Е. Б. Цифровой рубль: дискуссия о правовой природе и перспективах внедрения / Е. Б. Лауте // Закон. - 2024. - № 9. - С. 8-15.

170. Лебедева, Н. Ю. Цифровая валюта центрального банка (перспективы и риски эмиссии) / Н. Ю. Лебедева // Финансовое право и практика. - 2020. - № 5. - С. 17-24.

171. Лунц, Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / Л. А. Лунц. - Москва : Статут, 1999. - 352 с.

172. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. - Москва, 1933. - Т. XII, ч. I.

173. Матерова, Е. С. Цифровые валюты центральных банков: особенности эмиссии и их роль в трансформации финансовой системы на современном этапе [Электронный ресурс] / Е. С. Матерова, Е. В. Евсеев, Б. Л. Сафиуллин, Э. Г. Захаров // Креативная экономика. - 2023. - Т. 17, № 5. - С. 1925-1936. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-valyuty-tsentralnyh-bankov-osobennosti-emissii-i-ih-rol-v-transformatsii-finansovoy-sistemy-na-sovremennom-etape (дата обращения: 21.10.2025).

174. Миронова, С. М. Понятие и сущность комплаенса в кредитных организациях как инструмента минимизации правовых рисков / С. М. Миронова, Д. Д. Абезин // Legal Bulletin. - 2026. - Т. 11, № 2. - С. 6-17.

175. Миронова, С. М. Трансформация роли банков в условиях развития гиг-экономики / С. М. Миронова, К. А. Пономарева // Банковское право. - 2024. - № 2. - С. 32-39.

176. Мурадян, С. В. Цифровые активы: правовое регулирование и оценка рисков / С. В. Мурадян // Journal of Digital Technologies and Law. - 2023. - № 1. - С. 123-151.

177. Назаров, В. Н. Финансовое право и финансовый кризис / В. Н. Назаров // Финансовое право. - 2010. - № 3. - С. 6-9.

178. Новоселова, Л. А. О правовой природе биткойна / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. - 2017. - № 9. - С. 3-16.

179. Омелехина, Н. В. Финансовые обязательства в системе российского права. Ч. 1. Межотраслевая природа финансовых обязательств / Н. В. Омелехина // Финансовое право. - 2016. - № 3. - С. 10-17.

180. Пиленко, А. А. Право изобретателя / А. А. Пиленко. - Москва : Статут, 2001. - 688 с.

181. Плеханов, В. Б. Криптоактивы в частном праве / В. Б. Плеханов // О частном праве : сборник статей к 50-летию профессора С. В. Третьякова. - Москва : Белый Кролик, 2024.

182. Политика санкций: понятие, институты, практика : учебно-методические материалы / И. Н. Тимофеев, О. С. Рождественская, Т. С. Соколова, П. И. Чуприянова ; под редакцией И. Н. Тимофеева, С. М. Гавриловой, П. И. Чуприяновой, Д. О. Растегаева. - № 11. - Москва : НП РСМД, 2024. - 96 с.

183. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / А. В. Белицкая, В. С. Белых, О. А. Беляева [и др.] ; ответственные редакторы В. А. Вайпан, М. А. Егорова. - Москва : Юстицинформ, 2019. - 376 с.

184. Пшеничников, В. В. Цифровой рубль и его противоречивый статус в трактовках экономистов и юристов [Электронный ресурс] / В. В. Пшеничников // Cifra. Экономика. - 2023. - № 2 (2). - URL: https://economics.cifra.science/archive/2-2-2023-august/10.23670/ECNMS.2023.2.10 (дата обращения: 24.03.2026).

185. Рождественская, Т. Э. Правовое регулирование цифрового рубля / Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов // Актуальные проблемы российского права. - 2024. - Т. 19, № 1. - С. 48-55.

186. Рождественская, Т. Э. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации / Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов // Правоприменение. - 2021. - № 1. - С. 58-67.

187. Ручкина, Г. Ф. Правовое регулирование экономического сотрудничества стран - членов БРИКС в сфере оптимизации процессов разработки инновационных цифровых и мобильных технологий / Г. Ф. Ручкина, Е. Л. Венгеровский // Международное публичное и частное право. - 2020. - № 1. - С. 7-8.

188. Рыжкова, Е. А. Цифровая валюта как результат цифровизации денежного обращения / Е. А. Рыжкова, Е. К. Рыжкова // Банковское право. - 2022. - № 6. - С. 56-63.

189. Савельев, А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав / А. И. Савельев // Закон. - 2017. - № 8. - С. 136-153.

190. Савельев, А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений / А. И. Савельев // Закон. - 2018. - № 2. - С. 36-51.

191. Саженов, А. В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей / А. В. Саженов // Современные информационные технологии и право : монография / ответственный редактор Е. Б. Лауте. - Москва, 2019. - С. 157-180.

192. Санникова, Л. В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова. - Москва : 4 Принт, 2020. - 304 с.

193. Сарнакова, А. В. Вопросы соотношения безналичных денежных средств, электронных денежных средств и цифрового рубля / А. В. Сарнакова, Н. С. Жижин // Юрист. - 2022. - № 5. - С. 26-33.

194. Синельникова-Мурылева, Е. В. Цифровой рубль: риски и выгоды / Е. В. Синельникова-Мурылева // Экономическое развитие России. - 2021. - Т. 28, № 5. - С. 36-39.

195. Ситник, А. А. Виртуальная валюта: проблемы правового регулирования и контроля / А. А. Ситник // Юридическая наука в Китае и России. - 2017. - № 1. - С. 130-140.

196. Ситник, А. А. Влияние цифровых технологий на денежное обращение / А. А. Ситник // Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики : монография / под редакцией Е. Ю. Грачевой. - Москва : Проспект, 2020.

197. Ситник, А. А. Государственный финансовый контроль и надзор: разграничение понятий / А. А. Ситник // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 7. - С. 3-7.

198. Ситник, А. А. Объекты валютных правоотношений в условиях противодействия ограничительным мерам, введенным со стороны недружественных государств / А. А. Ситник // Актуальные проблемы российского права. - 2024. - Т. 19, № 7 (164). - С. 65-72.

199. Ситник, А. А. Финансовый контроль и надзор в сфере денежного обращения в Российской Федерации : монография / А. А. Ситник. - Москва : Проспект, 2020.

200. Ситник, А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования / А. А. Ситник // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - Т. 15, № 11. - С. 103-112.

201. Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. - 2021. - Т. 21, № 6. - С. 7-29.

202. Толкачев, А. Ю. Криптовалюта как имущество - анализ текущего правового статуса / А. Ю. Толкачев, М. Б. Жужжалов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2018. - № 9. - С. 91-135.

203. Толстопятенко, Г. П. Модели правового регулирования оборота цифровых валют центральных банков / Г. П. Толстопятенко, Е. А. Хозова // Финансовое право. - 2026. - № 4.

204. Тропская, С. С. К вопросу о предмете современного финансового права / С. С. Тропская // Финансовое право. - 2013. - № 12. - С. 7-12.

205. Турбанов, А. В. Сущность денежного суррогата/ А. В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. - 2024. - Т. 19, № 3. - С. 14-22.

206. Турбанов, А. В. Цифровой рубль как законное платежное средство / А. В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. - 2024. - Т. 19, № 1. - С. 56-65.

207. Турбанов, А. В. Цифровой рубль как обязательство Центрального банка / А. В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. - 2023. - Т. 18, № 4. - С. 41-60.

208. Умханов, А. С. Гражданско-правовая квалификация цифрового рубля: проблемы определения и толкования / А. С. Умханов // Гражданское право. - 2024. - № 6. - С. 21-25.

209. Успенский, М. А. Гражданско-правовая природа цифровой валюты в общем и континентальном праве / М. А. Успенский // Закон. - 2023. - № 9. - С. 87-101.

210. Успенский, М. А. Криптовалюта как обязательственное право / М. А. Успенский // Закон. - 2024. - № 10. - С. 154-168.

211. Цареградская, Ю. К. Трансформация предмета финансово-правового регулирования в условиях развития цифровой экономики / Ю. К. Цареградская // Актуальные проблемы финансового права в условиях цифровизации экономики : монография / под редакцией Е. Ю. Грачевой. - Москва : Проспект, 2020. - С. 18-31.

212. Цепова, Е. А. Ответственность физических лиц за совершение незаконных валютных операций: исследование резонансной судебной практики / Е. А. Цепова // Российский судья. - 2022. - № 10. - С. 45-48.

213. Цинделиани, И. А. Публичные финансы государства в условиях развития цифровой экономики / И. А. Цинделиани // Финансовое право в условиях развития цифровой экономики : монография / под редакцией И. А. Цинделиани. - Москва : Проспект, 2019. - С. 8-29.

214. Цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ): Россия в контексте мировой практики : аналитический доклад / Ассоциация банков России. - Москва : Ассоциация банков России, 2021. - 119 с.

215. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее : монография / под редакцией И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. - Москва : ИЗиСП : Юриспруденция, 2022.

216. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : научно-практическое пособие / под редакцией И. И. Кучерова, С. А. Синицына. - Москва : ИЗиСП : Норма, 2022. - 376 с.

217. Чаннов, С. Е. Цифровые права и цифровые валюты как объекты правового регулирования / С. Е. Чаннов // Информационное право. - 2021. - № 2. - С. 14-19.

218. Чуряев, А. В. Понуждение к исполнению расходного обязательства / А. В. Чуряев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2025. - № 7. - С. 97-119.

219. Шапсугова, М. Д. Анализ модели цифрового рубля, предложенной в Концепции цифрового рубля Банка России / М. Д. Шапсугова // Право и цифровая экономика. - 2022. - № 2. - С. 5-9.

220. Шохин, С. О. Контроль, надзор и аудит в финансовой сфере / С. О. Шохин // Финансовое право. - 2018. - № 12. - С. 7-8.

221. Яковлев, А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика / А. С. Яковлев. - Москва : Ось-89, 2005. - 191 с.

222. Янковский, Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги / Р. М. Янковский // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2020. - № 4. - С. 43-77.

223. Янковский, Р. М. Проблемы правового регулирования криптовалют / Р. М. Янковский // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». - 2018. - № 1. - С. 45-51.

Учебники и учебные пособия

224. Артемов, Н. М. Финансово-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности : учебник для магистратуры / Н. М. Артемов, С. О. Шохин, А. А. Ситник ; ответственный редактор Е. Ю. Грачева. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва : Проспект, 2015. - 368 с.

225. Банки и небанковские кредитные организации и их операции : учебник / под редакцией Е. Ф. Жукова. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Вузовский учебник, 2011. - 526, [1] с.

226. Ефимова, Л. Г. Денежные обязательства и финансовые сделки : учебник для магистратуры / Л. Г. Ефимова. - Москва : Проспект, 2023. - 672 с.

227. Кучеров, И. И. Финансовое право России : курс лекций / И. И. Кучеров. - Москва, 2017.

228. Рождественская, Т. Э. Банковское право для экономистов : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов, А. В. Шамраев. - Москва : Юрайт, 2015.

229. Рождественская, Т. Э. Публичное банковское право : учебник для магистров / Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов. - Москва : Проспект, 2016. - 448 с.

230. Финансовое право : учебник / ответственные редакторы Е. Ю. Грачева, О. В. Болтинова, Л. Л. Арзуманова. - 3-е изд. - Москва : Проспект, 2025. - 559 с.

231. Химичева, Н. И. Финансовое право Российской Федерации : учебник / Н. И. Химичева. - Москва : Норма, 2018. - 544 с.

232. Энциклопедия российского финансового права / под редакцией Е. Ю. Грачевой, Р. Е. Артюхина. - Москва : Проспект, 2024. - 928 с.

V. Диссертации и авторефераты диссертаций

Диссертации и авторефераты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук

233. Антропцева, И. О. Правовое регулирование публичного финансового контроля в Российской Федерации в условиях цифровизации : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.2 / Антропцева Ирина Олеговна. - Москва, 2024. - 473 с.

234. Артемов, Н. М. Валютное регулирование в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Артемов Николай Михайлович. - Москва, 2002. - 347 с.

235. Грачева, Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Грачева Елена Юрьевна. - Москва, 2000. - 378 с.

236. Гузнов, А. Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.04 / Гузнов Алексей Геннадьевич. - Москва, 2016. - 481 с.

237. Ровинский, Е. А. Основные вопросы теории советского финансового права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ровинский Ефим Абрамович. - Москва, 1961. - 29 с.

238. Рождественская, Т. Э. Теоретико-правовые основы банковского надзора в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Рождественская Татьяна Эдуардовна. - Москва, 2012. - 432 с.

239. Рыбакова, С. В. Теоретические основы регулирования деятельности кредитных организаций как субъектов современного финансового права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Рыбакова Светлана Викторовна. - Саратов, 2009. - 603 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук

240. Башкатов, М. Л. Теории денег в современном гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Башкатов Максим Леонидович. - Москва, 2022. - 234 с.

241. Вожагов, М. В. Правовое регулирование финансового контроля за оборотом цифровых активов в России и зарубежных государствах : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Вожагов Максим Вадимович. - Москва, 2025. - 161 с.

242. Дорошок, Т. С. Кредитные организации как участники правоотношений в сфере государственного финансового контроля : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Дорошок Татьяна Сергеевна. - Саратов, 2025. - 321 с.

243. Недров, А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Недров Артем Анатольевич. - Москва, 2026. - 27 с.

244. Недров, А. А. Публично-правовой режим выпуска и обращения цифровых валют центральных банков : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Недров Артем Анатольевич. - Москва, 2026. - 162 с.

245. Немова, М. И. Альтернативные средства расчета как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Немова Мария Игоревна. - Москва, 2020. - 236 с.

246. Папаскуа, Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Папаскуа Гиви Тенгизович. - Москва, 2021. - 210 с.

247. Раздорожный, К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Раздорожный Константин Борисович. - Москва, 2021. - 221 с.

248. Хромченко, М. Д. Платежные системы как объект публично-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Хромченко Максим Денисович. - Москва, 2025. - 25 с.

249. Хромченко, М. Д. Платежные системы как объект публично-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Хромченко Максим Денисович. - Москва, 2025. - 210 с.

250. Штерн, Ю. М. Правовое регулирование финансовой деятельности публично правовых образований в условиях цифровизации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Штерн Юрий Михайлович. - Москва, 2025. - 175 с.

VI. Литература на иностранных языках

251. Arnone, M. Monetary Policy, Monetary Areas, and Financial Development with Electronic Money [Электронный ресурс] / M. Arnone, L. Bandiera. - Washington : International Monetary Fund, 2004. - 42 p. - (IMF Working Paper ; WP/04/122). - URL: https://doi.org/10.5089/9781451854527.001 (дата обращения: 29.03.2026).

252. Barrdear, J. The Macroeconomics of Central Bank Issued Digital Currencies [Электронный ресурс] / J. Barrdear, M. Kumhof. - London : Bank of England, July 2016. - 90 p. - (Bank of England Staff Working Paper ; No. 605). - URL: https://www.bankofengland.co.uk/working-paper/2016/the-macroeconomics-of-central-bank-issued-digital-currencies (дата обращения: 11.08.2026).

253. Bauer, A. Die effektive Einzel- und Gesamtvollstreckung von Blockchain-basierten Kryptowährungen / A. Bauer. - Berlin : Duncker & Humblot, 2023. - 253 S. - (Internetrecht und Digitale Gesellschaft ; Bd. 44).

254. Birne, A. Ph. Das Allgemeine Privatrecht der Blockchain-Token - Lex lata et ferenda / A. Ph. Birne. - Tübingen : Mohr Siebeck, 2023. - XIX, 343 S. - (Schriften zum Recht der Digitalisierung ; Bd. 20).

255. Bordo, M. D. Central Bank Digital Currency and the Future of Monetary Policy / M. D. Bordo, A. T. Levin. - Cambridge (Mass.) : National Bureau of Economic Research, 2017. - 30 p. - (NBER Working Paper ; No. 23711).

256. Cannataci, J. The Digital Euro: An Analysis of the Commission's Proposed Legislation [Электронный ресурс] / J. Cannataci, B. Fehrensen, B. Lucke, M. Gütschow // Universität Hamburg. - 2025. - March. - 29 p. - URL: https://www.wiso.uni-hamburg.de (дата обращения: 08.10.2026).

257. Carapella, F. Central Bank Digital Currency: A Literature Review [Электронный ресурс] / F. Carapella, J. Flemming // FEDS Notes / Board of Governors of the Federal Reserve System. - 2020. - November 9. - URL: https://www.federalreserve.gov/econres/notes/feds-notes/central-bank-digital-currency-a-literature-review-20201109.htm (дата обращения: 26.03.2026).

258. Central Bank Digital Currencies [Электронный ресурс] : Foundational Principles and Core Features / Bank of Canada, European Central Bank, Bank of Japan, Sveriges Riksbank [и др.]. - Basel : Bank for International Settlements, October 2020. - 26 p. - URL: https://www.bis.org/publ/othp33.htm (дата обращения: 26.03.2026).

259. Central Bank Digital Currencies [Электронный ресурс] : Report by the Committee on Payments and Market Infrastructures and the Markets Committee.

- Basel : Bank for International Settlements, 2018. - 34 p. - URL: https://www.bis.org/cpmi/publ/dl74.htm (дата обращения: 01.01.2024).

260. Chaum, D. Blind Signatures for Untraceable Payments / D. Chaum // Advances in Cryptology : Proceedings of Crypto 82 / eds. D. Chaum, R. L. Rivest, A. T. Sherman. - New York : Plenum Press, 1983. - P. 199-203.

261. Cherednychenko, O. O. Market Regulation and Private Law: The Quest for Reconciliation in European Private Law / O. O. Cherednychenko. - Cambridge : Cambridge University Press, 2025. - 271 p. - (Cambridge Studies in European Law and Policy).

262. Ciaian, P. The Digital Agenda of Virtual Currencies. Can Bitcoin Become a Global Currency? / P. Ciaian, M. Rajcaniova, D. Kanes. - Seville : Joint Research Centre, 2015. - 47 p.

263. Cross-Border Payments with Retail Central Bank Digital Currencies [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. - Washington : International Monetary Fund, 2024. - 43 p. - (FinTech Notes ; No. 2024/002). - URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/ftn063/2024/english/ftnea2024002.pdf (дата обращения: 13.05.2026)

264. De Filippi, P. Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright. - Cambridge (Mass.) ; London : Harvard University Press, 2018. - 300 p.

265. Digital Assets [Электронный ресурс] : Final Report / Law Commission of England and Wales. - London : HH Associates Ltd. on behalf of the Controller of His Majesty's Stationery Office, 2023. - XVIII, 283 p. - (HC 1486 ; Law Com No 412). - URL: https://www.lawcom.gov.uk/project/digital-assets/ (дата обращения: 27.09.2025).

266. Digital Assets as Personal Property : Supplemental Report and Draft Bill / Law Commission of England and Wales. - London, 2024. - VI, 70 p. - (Law Com No 416).

267. Drögemüller, J. Blockchain-Netzwerke und Krypto-Token im Internationalen Privatrecht / J. Drögemüller. - Baden-Baden : Nomos, 2023. - 418 S. - (Deutsches, Europäisches und Vergleichendes Wirtschaftsrecht; Bd. 131).

268. Florstedt, T. Kryptowerte als Sachen. Nutzen und Bedeutung der Besitz- und Sachfiktion für eine Wirtschaftsordnung der digitalen Güter / T. Florstedt // Archiv für die civilistische Praxis (AcP). - 2024. - Jg. 224, Heft 4-5. - S. 519.

269. Freedman, C. Monetary Policy Implementation: Past, Present and Future - Will Electronic Money Lead to the Eventual Demise of Central Banking? / C. Freedman // International Finance. - 2000. - Vol. 3, No. 2. - P. 211-227.

270. Friedman, B. M. The Future of Monetary Policy: The Central Bank as an Army with Only a Signal Corps? / B. M. Friedman // International Finance. - 1999. - Vol. 2, No. 3. - P. 321-338.

271. Fromberger, M. Technical and Factual Background / M. Fromberger // The Law of Crypto Assets: A Handbook / eds. Ph. Maume, L. Maute, M. Fromberger. - München : C. H. Beck ; Oxford : Hart Publishing ; Baden-Baden : Nomos, 2022. - P. 1-32.

272. Goodhart, C. A. E. Can Central Banking Survive the IT Revolution? / C. A. E. Goodhart // International Finance. - 2000. - Vol. 3, No. 2. - P. 189-209.

273. Gorton, G. B. Protecting the Sovereign’s Money Monopoly [Электронный ресурс] / G. B. Gorton, J. Zhang // University of Michigan Law & Economics Research Paper. - 2022. - No. 22-031. - 39 p. - URL: https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1339&context=law_econcurrent (дата обращения: 16.10.2025).

274. Groeneveld, J. M. Seigniorage, Electronic Money and Financial Independence of Central Banks / J. M. Groeneveld, A. Visser // Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review. - 1997. - Vol. 50, No. 200. - P. 80-86.

275. Grym, A. Lessons Learned from the World's First CBDC [Электронный ресурс] / A. Grym // BoF Economics Review / Bank of Finland. - 2020. - No. 8. - P. 1-20. - URL: http://hdl.handle.net/10419/224448 (дата обращения: 29.03.2026).

276. Hayek, F. A. Denationalisation of Money: The Argument Refined / F. A. Hayek. - 2nd ed. - London : Institute of Economic Affairs, 1978. - 144 p. - (Hobart Paper Special; 70).

277. Henckel, T. Central Banking Without Central Bank Money / T. Henckel, A. Ize, A. Kovanen. - Washington : International Monetary Fund, 1999. - 42 p. - (IMF Working Paper; WP/99/92).

278. Hülst, A. von. Absoluter Schutz von Blockchain-Token. Normativer Sachbegriff im deutsch-italienischen Rechtsvergleich / A. von Hülst. - Tübingen : Mohr Siebeck, 2024. - (Schriften zum Recht der Digitalisierung ; Bd. 23).

279. Hülst, A. von. Absoluter Schutz von Token und normativer Sachbegriff / A. von Hülst // Blockchain und Recht / Hrsg. S. Omlor, F. Möslein. - Tübingen : Mohr Siebeck, 2024. - S. 57-79. - (Schriften zum Recht der Digitalisierung ; Bd. 26).

280. Illes, A. Advancing in Tandem - Results of the 2024 BIS Survey on Central Bank Digital Currencies and Crypto [Электронный ресурс] / A. Illes, A. Kosse, P. Wierts. - Basel: Bank for International Settlements, 2025. - 39 p. - (BIS Papers ; No. 159). - URL: https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap159.htm (дата обращения: 26.03.2026)

281. Implications for Central Banks of the Development of Electronic Money [Электронный ресурс] / Bank for International Settlements. - Basle : BIS, October 1996. - 16 p. - URL: https://www.bis.org/publ/bisp01.pdf (дата обращения: 11.08.2026).

282. King, M. Challenges for Monetary Policy: New and Old [Электронный ресурс] : speech at the Federal Reserve Bank of Kansas City Symposium, Jackson Hole, 27 August 1999 / M. King. - 34 p. - URL: https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/speech/1999/challenges-for-monetary-policy-new-and-old.pdf (дата обращения: 11.08.2026).

283. Klein, B. The Competitive Supply of Money / B. Klein // Journal of Money, Credit and Banking. - 1974. - Vol. 6, No. 4. - P. 423-453.

284. Konvisser, J. B. Coins, Notes, and Bits: The Case for Legal Tender on the Internet / J. B. Konvisser // Harvard Journal of Law & Technology. - 1997. - Vol. 10, No. 2. - P. 321-352.

285. Kumhof, M. Central Bank Digital Currencies: Design Principles and Balance Sheet Implications [Электронный ресурс] / M. Kumhof, C. Noone. - London : Bank of England, 2018. - 54 p. - (Bank of England Staff Working Paper ; No. 725). - URL: https://www.bankofengland.co.uk/working-paper/2018/central-bank-digital- currencies-design-principles-and-balance-sheet-implications (дата обращения: 26.03.2026).

286. Mancini-Griffoli, T. Casting Light on Central Bank Digital Currency [Электронный ресурс] / T. Mancini-Griffoli, M. S. Martinez Peria, I. Agur, A. Ari [и др.]. - Washington : International Monetary Fund, November 2018. - 39 p. - (IMF Staff Discussion Note ; SDN/18/08). - URL: https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2018/11/13/Casting-Light-on-Central-Bank-Digital- Currency-46233 (дата обращения: 14.08.2026).

287. Mann, F. A. The Legal Aspect of Money / F. A. Mann. - London : Oxford University Press, 1938. - XXV, 334 p.

288. Money and Payments: The U.S. Dollar in the Age of Digital Transformation [Электронный ресурс] / Board of Governors of the Federal Reserve System. - Washington, January 2022. - 35 p. - URL: https://www.federalreserve.gov/publications/files/money-and-payments-20220120.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

289. Nakamoto, S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [Электронный ресурс] / S. Nakamoto. - 2008. - 9 p. - URL: https://bitcoin.org/bitcoin.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

290. Nussbaum, A. Das Geld in Theorie und Praxis des deutschen und ausländischen Rechts / A. Nussbaum. - Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1925. - XV, 278 S.

291. Omlor, S. Kapitel 6. Allgemeines Privatrecht / S. Omlor.

292. Omlor, S. Rechtspolitik der Blockchain / S. Omlor // Blockchain und Recht / Hrsg. S. Omlor, F. Möslein. - Tübingen : Mohr Siebeck, 2024. - S. 3-26. - (Schriften zum Recht der Digitalisierung ; Bd. 26).

293. One Bank Research Agenda [Электронный ресурс] / Bank of England. - London : Bank of England, February 2015. - 6 p. - URL: https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/research/one-bank-research-agenda-summary.pdf (дата обращения: 11.08.2026).

294. Options for Access to and Interoperability of CBDCs for Cross-Border Payments [Электронный ресурс] : Report to the G20 / Committee on Payments and Market Infrastructures, BIS Innovation Hub, International Monetary Fund, World Bank. - Basel : Bank for International Settlements, 2022. - 61 p. - URL: https://www.bis.org/publ/othp52.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

295. Project Icebreaker: Breaking New Paths in Cross-Border Retail CBDC Payments [Электронный ресурс] / Bank of Israel, Norges Bank, Sveriges Riksbank, BIS Innovation Hub Nordic Centre. - Basel: Bank for International Settlements, 2023. - 42 p. - URL: https://www.bis.org/publ/othp61.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

296. Report on a Digital Euro [Электронный ресурс] / European Central Bank. - Frankfurt am Main, October 2020. - 55 p. - URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

297. Rivest, R. L. A Method for Obtaining Digital Signatures and Public-Key Cryptosystems / R. L. Rivest, A. Shamir, L. Adleman // Communications of the ACM. - 1978. - Vol. 21, No. 2. - P. 120-126.

298. Skauradszun, D. Kryptowerte im Bürgerlichen Recht / D. Skauradszun // Archiv für die civilistische Praxis (AcP). - 2021. - Jg. 221, Heft 3. - S. 360-398.

299. Stevens, E. Electronic Money and the Future of Central Banks / E. Stevens // Economic Commentary / Federal Reserve Bank of Cleveland. - 2002. - 1 March.

300. Survey of Electronic Money Developments [Электронный ресурс] / Committee on Payment and Settlement Systems. - Basel: Bank for International

Settlements, 2001. - 104 p. - URL: https://www.bis.org/cpmi/publ/d48.html (дата обращения:
18.10.2023).

301. The Digital Pound: A New Form of Money for Households and Businesses? [Электронный ресурс] : Consultation Paper / Bank of England, HM Treasury. - London, February 2023. - 118 p. - URL: https://www.bankofengland.co.uk/paper/2023/the-digital-pound-consultation-paper (дата обращения: 13.08.2026).

302. Thomasson, A. L. Realism and Human Kinds / A. L. Thomasson // Philosophy and Phenomenological Research. - 2003. - Vol. 67, No. 3. - P. 580-609.

303. Tobin, J. Financial Innovation and Deregulation in Perspective [Электронный ресурс] / J. Tobin // Bank of Japan Monetary and Economic Studies. - 1985. - Vol. 3, No. 2. - P. 19-29. - URL: https://www.imes.boj.or.jp/research/papers/english/me3-2-3.pdf (дата обращения: 11.08.2026).

304. Vaubel, R. The Government's Money Monopoly: Externalities or Natural Monopoly? / R. Vaubel // Kyklos. - 1984. - Vol. 37, Fasc. 1. - P. 27-58.

305. Verhoef, P. C. Digital Transformation: A Multidisciplinary Reflection and Research Agenda [Электронный ресурс] / P. C. Verhoef, T. Broekhuizen, Y. Bart, A. Bhattacharya [и др.] // Journal of Business Research. - 2021. - Vol. 122. - P. 889-901. - URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296319305478 (дата обращения: 27.01.2026).

VII. Ресурсы сети «Интернет»

306. Банк России в соответствии с поручением Президента России направил для обсуждения в Правительство предложения о регулировании инвестиций в криптовалюты (цифровые валюты) [Электронный ресурс] // Банк России : офиц. сайт. - 2025. - URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=23448 (дата обращения: 27.05.2025).

307. Заключение Ассоциации российских банков по докладу Банка России «Цифровой рубль» [Электронный ресурс] : приложение к письму Ассоциации российских банков Председателю Банка России Э. С. Набиуллиной от 30 декабря 2020 г. № А-02/5-455 // Ассоциация российских банков : офиц. сайт. - URL: https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_na_zapros_banka_rossii_o_proekte-10443566/ (дата обращения: 11.08.2026).
308. [Закон о Народном банке Китая планируется изменить, совершенствуется система макропруденциального регулирования] [Электронный ресурс] // Синьхуа : [сайт]. - 2026. - 23 июня. - URL: https://www.news.cn/politics/20260623/031fe136ba6248a7a2087bb1cc7b79cf/c.html (дата обращения: 20.10.2026). - Текст на кит. яз.
309. Интеграция цифровых валют реально может заменить SWIFT : интервью с первым заместителем председателя Центрального банка Российской Федерации О. Н. Скоробогатовой [Электронный ресурс] // Банк России : офиц. сайт. - 2023. - 6 июля. - URL: https://cbr.ru/press/event/?id=16893 (дата обращения: 04.02.2026).
310. Карташева, В. ЦБ: выпуск цифрового рубля не приведет к увеличению количества денег в экономике [Электронный ресурс] / В. Карташева // Парламентская газета. - 2024. - 27 сент. - URL: https://www.pnp.ru/economics/cb-vypusk-cifrovogo-rublya-ne-privedet-k-uvelicheniyu-kolichestva-deneg-v-ekonomike.html (дата обращения: 21.10.2025).
311. Методические рекомендации по оценке криптовалют [Электронный ресурс] / СРО «Экспертный совет». - 2019. - URL: https://srosovet.ru/press/news/250919/ (дата обращения: 24.09.2024).
312. Эксперты назвали пять фундаментальных недочетов регулирования цифрового рубля // Ведомости. - 2023. - 9 нояб.
313. Bloomberg, J. Digitization, Digitalization and Digital Transformation: Confuse Them at Your Peril [Электронный ресурс] / J. Bloomberg // Forbes. -

2018. - 29 Apr. - URL: https://www.forbes.com/sites/jasonbloomberg/2018/04/29/digitization-digitalization-and-digital-transformation-confuse-them-at-your-peril/ (дата обращения: 27.01.2026).

314. Boston Fed, MIT Complete Research Project into Feasibility of a Central Bank Digital Currency [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of Boston. - 2022. - 22 Dec. - URL: https://www.bostonfed.org/news-and-events/news/2022/12/project-hamilton-boston-fed-mit-complete-central-bank-digital-currency-cbdc-project.aspx (дата обращения: 06.10.2026).

315. Central Bank Digital Currency Tracker [Электронный ресурс] // Atlantic Council : [сайт]. - URL: https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/ (дата обращения: 13.08.2026).

316. Digital Euro: MEPs Ready to Start Negotiations [Электронный ресурс] // European Parliament. - 2026. - 9 July. - URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20260708IPR46377/digital-euro-meps-ready-to-start-negotiations (дата обращения: 22.09.2026).

317. Eurosystem Moving to Next Phase of Digital Euro Project [Электронный ресурс] // European Central Bank. - 2025. - 30 Oct. - URL: https://www.ecb.europa.eu/press/pr/date/2025/html/ecb.pr251030~8c5b5beef0.en.html (дата обращения: 22.09.2026).

318. Eurosystem Proceeds to Next Phase of Digital Euro Project [Электронный ресурс] // European Central Bank. - 2023. - 18 Oct. - URL: https://www.ecb.europa.eu/press/pr/date/2023/html/ecb.pr231018~111a014ae7.en.html (дата обращения: 08.08.2025).

319. Fees [Электронный ресурс] // Tether. - URL: https://tether.to/en/fees/ (дата обращения: 21.09.2026).

320. Four Questions (and Expert Answers) on the New US Cryptocurrency Legislation [Электронный ресурс] // Atlantic Council : New Atlanticist : [блог]. - 2025. - 18 July. - URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/four-questions-and-expert-

answers-on-the-new-us-cryptocurrency-legislation/ (дата обращения: 29.03.2026).

321. India’s Central Bank Proposes Linking BRICS’ Digital Currencies, Sources Say [Электронный ресурс] // Reuters. - 2026. - 19 Jan. - URL: https://www.reuters.com/world/india/indias-central-bank-proposes-linking-brics-digital-currencies-sources-say-2026-01-19/ (дата обращения: 04.02.2026).

322. Koning, J. P. Why the Fed Is More Likely to Adopt Bitcoin Technology than Kill It Off [Электронный ресурс] / J. P. Koning // Moneyness : [блог]. - 2013. - 14 Apr. - URL: https://jpkoning.blogspot.com/2013/04/why-fed-is-more-likely-to-adopt-bitcoin.html (дата обращения: 29.03.2024).

323. Krause, D. Do the Anti-CBDC Surveillance State Act and the GENIUS Act Jeopardize U.S. Digital Finance? [Электронный ресурс] / D. Krause // CLS Blue Sky Blog / Columbia Law School : [блог]. - 2025. - 11 Aug. - URL: https://clsbluesky.law.columbia.edu/2025/08/11/do-the-anti-cbdc-surveillance-state-act-and-the-genius-act-jeopardize-u-s-digital-finance/ (дата обращения: 29.03.2026).

324. Phillips, K. Cryptocurrency and Anti-Money Laundering in the UK [Электронный ресурс] / K. Phillips // Fieldfisher : [сайт]. - 2020. - Feb. - URL: https://www.fieldfisher.com/en/insights/cryptocurrency-and-anti-money-laundering-in-the-uk (дата обращения: 29.03.2026).

325. Progress Update: Digital Pound Design Phase [Электронный ресурс] // Bank of England. - 2026. - 4 Mar. - URL: https://www.bankofengland.co.uk/the-digital-pound/progress-update-digital-pound-design-phase (дата обращения: 20.10.2026).

326. Scorer, S. Central Bank Digital Currency: DLT, or Not DLT? That Is the Question [Электронный ресурс] / S. Scorer // Bank Underground : [блог]. - 2017. - 5 June. - URL: https://bankunderground.co.uk/2017/06/05/central-bank-digital-currency- dlt-or-not-dlt-that-is-the-question/ (дата обращения: 29.03.2024).

327. Single Currency: Council Agrees Position on the Digital Euro and on Strengthening the Role of Cash [Электронный ресурс] // Council of the European

Union. - 2025. - 19 Dec. - URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/12/19/single-currency-council-agrees-position-on-the-digital-euro-and-on-strengthening-the-role-of-cash/ (дата обращения: 22.09.2026).

328. Terms of Service [Электронный ресурс] // Tether International, S.A. de C.V. - 2026. - 26 Feb. - URL: https://tether.to/en/legal/ (дата обращения: 21.09.2026).

329. The Federal Reserve Bank of Boston and Massachusetts Institute of Technology Release Technological Research on a Central Bank Digital Currency [Электронный ресурс] // Federal Reserve Bank of Boston. - 2022. - 3 Feb. - URL: https://www.bostonfed.org/news-and-events/press-releases/2022/frbb-and-mit-open-cbdc-phase-one.aspx (дата обращения: 06.10.2026).